

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Н. Ангерман, д-р наук, проф. (Гамбургский университет, Германия)
Й. Бэкман, д-р наук (Хельсинкский университет, Финляндия; Петрозаводский государственный университет)
С. Г. Веригин, д-р ист. наук, проф. (Петрозаводский государственный университет)
Р. Жерелик, д-р ист. наук, проф. (Вроцлавский университет, Польша)
Н. Кент, д-р наук, проф. (Кембриджский университет, Великобритания)
М. Клементи, д-р наук (исследователь Восточной Европы департамента социальных и политических наук университета Калабрии, Италия)
А. В. Лихоманов, канд. ист. наук, доцент (зав. отделом РНБ)
Д. Ливен, д-р наук, проф. (Кембриджский университет, Великобритания)
Д. Мэтлок, д-р наук, проф. (Принстонский и Колумбийский университеты, США)
М. Ниендорф, д-р наук, проф. (Институт истории, Грайфсвальд, Германия)
Г. Оселиус, д-р наук (Шведский национальный военный колледж)
М. Рио-Сарсе, д-р наук, проф. (Университет Париж VIII, Франция)
В. В. Рогинский, д-р ист. наук (Институт всеобщей истории РАН)
В. В. Сергеев, д-р ист. наук, проф. (Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта)
Э. Чапевский, д-р ист. наук, проф. (Институт по вопросам безопасности и международных прав, Университет Нижней Силезии во Вроцлаве, Польша)

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

В. Н. Барышников (председатель), д-р ист. наук, проф.
О. Ю. Пленков, д-р ист. наук, проф.
А. А. Петрова, канд. ист. наук, доцент
Т. Н. Гончарова (отв. ред.), канд. ист. наук, доцент
Л. В. Сидоренко (дизайн), канд. ист. наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет
Институт истории
Кафедра истории Нового и новейшего времени

ТРУДЫ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

26 (1)

St-Petersburg State University
Institute of History
Department of Modern and Contemporary history

PROCEEDINGS OF THE DEPARTMENT OF MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY

26 (1)

2026

ББК 63.3(0)

Т78

Редколлегия выпуска: д-р ист. наук, проф. *В. Н. Барышников* (председатель); канд. ист. наук, доцент *Т. Н. Гончарова* (отв. ред.); канд. ист. наук, доцент *Л. В. Сидоренко*.

Рецензенты:
д-р философ. наук, проф. *А. Л. Вассоевич* (РГПУ им. А. И. Герцена
д-р ист. наук, проф. *А. В. Смолин* (СПбГУ)

Т78 Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. Т. 26. № 1 /
Сост. Т. Н. Гончарова. — Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2026. — 144 с.

ISSN 2227-3824

В Трудах представлены материалы научных исследований, подготовленные на кафедре истории Нового и новейшего времени Института истории СПбГУ. Среди них научные статьи, доклады, историографические обзоры, публикации источников, рецензии и др. Труды адресованы специалистам и всем, кто интересуется западноевропейской и американской историей.

The collection contains research materials prepared by the Department of Modern and Contemporary history of the Institute of History of St. Petersburg State University. It includes scientific articles, reports, historiography, source publications, reviews of books etc. The collection is addressed both to experts and anyone interested in the West-European and American history.

ББК 63.3(0)

ISSN 2227-3824

© Авторы статей, 2026

© Институт истории СПбГУ, 2026

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ СТРАН ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ

Гончарова Т. Н. Социокультурный портрет французских консулов в Российской империи (1814–1848). 9

Газа К. И. Финляндия между Россией и Западом: роль Й. В. Снельмана в выработке политических ориентиров Великого княжества Финляндского в 1860-е годы. 31

ИСТОРИЯ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ СТРАН ЗАПАДА

Смолин А. В. Несостоявшийся визит (к поездке Эндрю Вейра барона Инверфорта в Москву в 1926 году). 39

Чепик В. Н. Отношение англиканской церкви к европейской интеграции в контексте межконфессионального дискурса. 62

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Андреева Н. С. «Имперский проект» России в Прибалтике? Политика правительств в Прибалтийских губерниях в конце XIX — начале XX в. в современной трактовке отечественных исследователей 78

Коровойченко М. А. «Лучше Гитлер, чем Блюм». Анатомия национального предательства в оптике Андре Симона 107

РЕЦЕНЗИИ

Смолин А. В. Национализм — питательная среда для реваншизма. 119

Демичева Т. М. Английские настольные игры Нового времени: между наукой, идеологией и досугом 129

Требования к подаче материалов в журнал 140

C O N T E N T S

MODERN HISTORY OF WESTERN EUROPE AND AMERICA

Goncharova T. N. A Sociocultural Portrait of French Consular Officials in the Russian Empire (1814–1848) 9

Gaza K. I. Finland between Russia and the West: the role of J. V. Snellman in developing the Political Guidelines of the Grand Duchy of Finland in the 1860s. . . .31

CONTEMPORARY HISTORY OF WESTERN COUNTRIES

Smolin A. V. A Visit that never happened (about Andrew Weir, baron Inverforth's trip to Moscow in 1926) 39

Chepik V. N. The Attitude of the Anglican Church to European Integration in the context of Interfaith discourse. 62

HISTORIOGRAPHY, CRITICAL STUDY OF SOURCES, METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Andreeva N. S. "Imperial project" of Russia in Baltic? Government Policy in the Baltic Provinces in the late 19th – early 20th centuries in the Modern interpretation of Russian researchers. 78

Korovoychenko M. A. "Better Hitler than Blum": the Anatomy of National Betrayal in André Simon's perspective 107

REVIEWS

Smolin A. V. A Breeding ground for Revanchism. 119

Demicheva T. M. Early Modern English Board Games: between Science, Ideology, and Leisure 129

Requirements for submitting materials to the journal. 140

ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ СТРАН ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ

Т. Н. Гончарова

Гончарова Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Нового и новейшего времени, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: t.goncharova@spbu.ru, markicha@yandex.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ ФРАНЦУЗСКИХ КОНСУЛЬСКИХ СЛУЖАЩИХ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1814–1848)

Французские консульские служащие в Российской империи, в отличие от дипломатов в посольстве, находились «на земле» — в портовых и значимых городах (Санкт-Петербурге, Варшаве, Риге, Одессе, Москве, Кронштадте), что заставляло их ежедневно погружаться в местную специфику, не утрачивая своей связи с Парижем, для которого они были главными «глазами и ушами». Статья задается целью представить социокультурный портрет французских представителей разных рангов от консулов до начальников консульских канцелярий в Российской империи в период между 1814 и 1848 гг. Рассматриваются разные аспекты их жизни от материальных обстоятельств до степени интеграции в местное общество. Некоторые из них хорошо приспособились к жизни в России, проведя на консульской должности все годы своей службы, в отдельных случаях более 30-ти лет. Долгая служба на одном месте приводила зачастую к тому, что французы глубоко укоренялись в местном обществе. Некоторые женились на представительницах российского дворянства или купечества, что несколько размывало их статус «иностранных наблюдателей», превращая в часть местной элиты. Исследование показывает также, что длительное пребывание в Российской империи позволяло свыкнуться с практиковавшимися в ней злоупотреблениями должностными полномочиями. В статье приводится пример начальника канцелярии генерального консульства, а затем и посольства Франции в Санкт-Петербурге, который перенял их дух и практику. Рассматриваются также примеры консульских служащих, которые не задерживались в России по разным причинам, в том числе из-за болезней или несоответствия службы их ожиданиям.

Ключевые слова: социокультурный портрет, консульские служащие, материальные обстоятельства, интеграция в местное общество, российская действительность.

Goncharova Tatiana Nikolaevna, PhD in History, Docent of the Department of Modern and Contemporary History, Institute of History, St. Petersburg State University.
E-mail: t.goncharova@spbu.ru, markicha@yandex.ru

A SOCIOCULTURAL PORTRAIT OF FRENCH CONSULAR OFFICIALS IN THE RUSSIAN EMPIRE (1814–1848)

Unlike embassy diplomats, French consular officials in the Russian Empire were stationed "on the ground" — in major port cities and other key urban centers (such as St. Petersburg, Warsaw, Riga, Odessa, Moscow and Kronstad). This required them to immerse themselves daily in local realities while maintaining their connection to Paris for which they served as vital "eyes and ears". This article aims to present a sociocultural portrait of French consular representatives of various ranks — from consulars to heads of consular chancelleries — in the Russian Empire between 1814 and 1848. It examines various aspects of their lives, ranging from their material circumstances to their level integration into local society. Some adapted well to life in Russia, spending their entire careers in consular posts — in some instances, for over thirty years. Such long tenures in a single location often led some Frenchmen to become deeply rooted in local society. Some married into the Russian nobility or merchant class, thereby somewhat blurring their status as "foreign observers" and transforming them into members of the local elite. This study also reveals that a prolonged stay in the Russian Empire allowed them to become accustomed to the prevailing abuses of official authority. This article cites the example of a chancellery chief — who served first at the French Consular General and later at the Embassy in St. Petersburg — who adapted the prevailing spirit and practices of the system. It also considers examples of consular officials who did not remain long in Russia, whether due to illness or because the service failed to meet their expectations.

Keywords: sociocultural profile, consular officials, material circumstances, integration into local society, Russian reality.

****

На территории Российской империи действовала довольно разветвленная сеть французских консульских учреждений в период между 1814 и 1848 гг. В них служили консульские представители разных рангов. Генеральный консул находился в Санкт-Петербурге. Однако генеральное консульство было ликвидировано в 1831 году в целях экономии бюджетных средств, а его функции были переданы канцелярии при посольстве. В ведении консулов находились самостоятельные службы, например, в Варшаве и Тифлисе. Вице-консулы часто являлись заместителями консулов или руководили отдельными учреждениями, как в случае Москвы. Консульские агенты представляли собой вспомогательный персонал или заведовали небольшими службами, как в случае Кронштадта. Начальники консульских канцелярий занимались помощью соотечественникам, визированием паспортов, организацией делопроизводства, взаимодействием с властями и т.п.[1] Консульские служащие в целом имели в своей компетенции защиту экономических интересов своей страны, юридическую и административную помощь соотечественникам, регулярное информирование министерства иностранных дел в Париже о состоянии российской экономики, торговли, навигации, а также политической и общественной жизни, контроль за выполнением торговых соглашений и т.п. Время от времени они адресовали рекламации местным властям.

Разумеется, карьера французских консульских служащих в Российской империи не складывалась по общему шаблону — у каждого был свой уникальный путь, свой неповторимый сценарий. Тем не менее, из этих уникальных опытов можно попытаться создать социокультурный портрет группы, который подразумевает как личные, так и профессиональные характеристики индивидов. Важное значение в данном случае имеют социальное происхождение и статус, материальное положение, культурная адаптация и повседневность, а также то, как консульские представители видели свою миссию — воспринимали ли службу в России как ссылку, временный трамплин для карьеры или как дело всей жизни.

[1] См.: *Гончарова Т. Н.* Французские «первооткрыватели» российского пространства: консульские представительства (1814–1848) // Санкт-Петербург — Франция. Наука, культура, политика. Санкт-Петербург, 2010. С. 85–100.

Материальные обстоятельства

Социальное происхождение консульских служащих, как правило, было значительно ниже, чем у дипломатов. По сведениям Анри Контамина, из 220-ти консульских представителей, назначенных режимом Реставрации, только пятая часть принадлежала или претендовала на принадлежность дворянству, треть агентов служили уже при Наполеоне I, в то время как среди дипломатов таковых набиралась лишь четверть[2]. Получается, что большая часть консульских служащих Франции в России были выходцами из буржуазии. Престиж консульской службы традиционно был не столь высок, как у дипломатической службы. Жалованья консулов были значительно меньше жалований послов, тративших значительные средства на представительских функции.

Денежные суммы, выплачиваемые консульским служащим в России, различались в зависимости от занимаемой ими должности. Генеральный консул в Санкт-Петербурге Жан-Пьер Гальц де Мальвирад имел 24 000 франков ежегодно[3]. Буржуа де Ножан, управляющий генконсульством в 1817–1823 гг., получал жалованье в 12 000 франков[4]. Луи Кассас, вице-консул в Кронштадте, имел 10 000 франков ежегодно[5]. Ежегодное жалованье Ж.-Ф. Мефреди, вице-консула в Риге, составляло лишь 6 000 франков в 1828 году[6]. Переводчик в консульствах, занимавшийся переложением на французский разного рода бумаг, составленных на русском, получал жалованье в 2 400 франков в 1830-е годы[7]. Были ли достаточны эти суммы?

Торговые представители так же, как и дипломаты, должны были нести служебные расходы (оплата личных секретарей, плата за аренду дома, канцелярские расходы), из-за которых их пребывание в стране назначения становилось дорогостоящим. Им запрещалось под угрозой отзыва взимать произвольные таксы, принимать вознаграждения, заниматься какой-либо торговлей, что лишало их дополнительных доходов на местах и вынуждало существовать лишь на жалованье. За исключением наиболее обеспеченных, имевших личное состояние, большинство консульских представителей нередко

---

[2] *Contamine H.* Diplomatie et diplomates sous la Restauration 1814–1830. Paris, 1970. P. 235.

[3] Archives diplomatiques (далее — AD). Personnel 1ère série. Dossier Galtz de Malvirade № 1742.

[4] AD. Personnel 1ère série. Dossier Bourgeois de Nogent № 577.

[5] Письмо Корду к Дамасу от 9 октября 1826, Париж. AD. Personnel 1ère série. Dossier Cochelet № 986.

[6] Письмо Ла Ферронэ к Мефреди от 6 октября 1828, Париж. AD. Personnel 1ère série. Dossier Maiffredy № 2695.

[7] Письмо Мефреди к герцогу де Бройлю от 23/11 ноября 1833, Рига. Ibidem.

жаловались на свое крайне скромное материальное положение. Премии, которые они могли получать время от времени, не всегда компенсировали их реальные затраты. Так, Буржуа де Ножан получал лишь половину от жалованья генерального консула, причем значительная часть денег утрачивалась вследствие постоянного повышения обменного курса рубля. В 1817 году при обмене он не досчитался 922 рублей по сравнению с предыдущим годом, а в 1818 году — 1 981 рублей. Кроме того, он должен был кормить и обеспечивать жильем ученика вице-консула, удерживая 500 франков из денежного пособия этого последнего. Причем Буржуа де Ножан жаловался в министерство, что вышеуказанная сумма не компенсировала всех расходов, понесенных им на содержание ученика[8].

Когда Шарль Констан Тейс получил назначение консулом в Варшаву в 1840 г., денежное содержание, причитающееся этому консульству, понизилось с 22 000 до 18 000 франков. Но стоимость жизни в польской столице постоянно возрастала[9]. После того как в 1845 году национальной валютой вместо польского флорина стал рубль, Варшава разделяла с Санкт-Петербургом сомнительную славу одной из наиболее разорительных столиц в Европе. По словам автора записки из личного дела Ш. К. Тейса, «нет другой такой столицы, где было бы столь же обширное поле для деятельности французского агента, желающего облегчить нищету и горе своих соотечественников»[10]. Служебные траты консула могли ежегодно достигать 5 000 франков за доставку писем, 4 000 франков за яркое освещение в праздничные дни. Расходы на иллюминацию, которые требовались более 20-ти раз в год, не были факультативными[11].

Дирекция денежного фонда МИД рассматривала просьбы о повышении жалованья ориентируясь на оплату труда, практикующуюся в других странах, а также на ранг учреждения в консульской иерархии. В 1844 г. Ш. К. Тейс обратил внимание министерства на то, что генеральный консул Пруссии имел 25 000 франков жалованья и надбавки за служебные расходы. Что же до генерального

[8] Записка, направленная в МИД Франции 23/11 февраля 1819 г., поддерживала требования Буржуа де Ножана. AD. Personnel 1ère série. Dossier Boourgeois de Nogent № 577.

[9] Депеша Тейса в Дирекцию денежного фонда от 19 октября 1840 г. AD. Personnel 1ère série. Dossier Théis № 3897.

[10] Ходатайство в целях увеличения жалованья консула Франции в Варшаве от 20 ноября 1845, Париж. Ibidem.

[11] К примеру, депеша, отправленная из Парижа, подвергалась обложению суммой, доходившей иногда до 100 франков. Письмо Тейса к Гизо от 8 октября 1844 г., Варшава. Ibidem.

консула Австрии, то его жалованье было ниже, но надбавки за представительские функции и арендную плату выше. Положение консула Англии в Варшаве имело больше аналогий с положением его французского коллеги[12]. Обычно консульские служащие должны были черпать часть денежных средств в своих личных состояниях для того, чтобы жить в стране назначения и исполнять свой служебный долг. В 1824 году Габриэль де Корду предпочел подать в отставку ввиду незначительности жалованья[13].

Неженатые консулы имели меньше потребностей. Ж.-Ф. Мефреди, будучи холостяком, сослался перед министерством на это преимущество, чтобы попытаться добиться своего перемещения в Одессу: он был согласен на сокращение причитающегося ему ежегодного дохода в силу отсутствия семьи[14].

Никакого жалованья не полагалось к должности канцелярского работника. Эта категория консульских служащих существовала на доходы от канцелярского дела. Консулы, которые не располагали услугами начальника канцелярии, сохраняли эти доходы, что давало прибавку от 20 до 30 % к жалованью. Инструкции не предусматривали выплаты жалованья почетному консулу или почетному вице-консулу. Юг Валад, почетный консул и начальник канцелярии генерального консульства в Санкт-Петербурге, располагал поэтому лишь незначительными денежными ресурсами. В этой связи посол О. де Ла Ферронэ предложил помочь ему выплатой ежегодной премии в размере от 2 000 до 3 000 рублей, исчисляемых из чрезвычайных доходов посольства[15], но министр Максанс де Дамас на это не согласился.

Возглавив, в свою очередь, внешнеполитическое ведомство, О. де Ла Ферронэ не захотел изменять правилу[16]. Ю. Валад напрасно требовал денежного вознаграждения в 1829 году, ссылаясь на то, что был «вынужден пожертвовать почти треть своих доходов на оплату дрожек для более действенного решения дел в стране, в которой ничего невозможно добиться без длительных демаршей

---

[12] Ibidem.

[13] Письмо Корду к Дама от 31 декабря 1824 г., Париж. AD. Personnel 1ère série. Dossier Cordoue № 1040.

[14] Письмо Мефреди к герцогу де Бройлю от 23/11 ноября 1833 г., Рига. AD. Personnel 1ère série. Dossier Maiffredy № 2695.

[15] Это была сумма, которую получал Буржуа де Ножан, предшественник Ю. Валада на посту вице-канцлера в Петербурге. Единственное различие заключалось в том, что Ю. Валад носил звание почетного вице-консула, в то время как Буржуа де Ножан был вице-консулом.

[16] Письмо Валада к Порталису от 20 апреля 1829 г., Париж. AD. Personnel 1ère série. Dossier Valade № 3999.

и преодоления бесконечных препятствий»[17]. К слову, свидетельство Валада относительно незаменимости дрожек можно подкрепить следующим отрывком из писем французского путешественника Ж.-Ф. Ансело: «Количество дрожек, небольших открытых четырехколесных повозок, низких и очень неудобных…огромно. В русских городах дрожки выполняют ту же роль, что кабриолеты во Франции»[18]. В итоге, Валаду пришлось дождаться наступления 1833 года, когда, наконец, ввели жалованье для канцелярских служащих, в то время как доходы канцелярии были подчинены правилам публичного взимания пошлин[19].

Консульская служба могла быть и разорительной. К концу службы финансовое положение Жана-Франсуа Гамбы, консула в Тифлисе, ухудшилось по сравнению с тем, каким оно было в самом начале его карьеры. Это был увлеченный человек, убежденный в том, что Франция и Россия имеют одинаковый интерес в развитии торговли с Левантом через Грузию. Жалованье Гамбы составляло 15 000 франков в июне 1828 года, когда он сообщил в министерство, что вследствие войн Российской империи с Персией и Турцией, цены на все предметы потребления неимоверно возросли в Тифлисе. К тому же, консул был вынужден тратиться на гостеприимство, неизбежное на Востоке. В результате, расход консульства превышал доход на 6 100 франков. Гамба просил министра иностранных дел выплатить ему аванс в счет будущего жалованья, но так ничего и не добился[20]. О. де Ла Ферронэ, его бывший покровитель, захваченный вихрем дел, не имел ни времени, ни сил контролировать служащих своих бюро, которые писали равнодушные ответы. Консульство в Тифлисе подверглось ликвидации в 1831 г. Ж.-Ф. Гамба, которому на тот момент было 68 лет, оказался в 1 500 км от Франции, без средств на обратную дорогу, истраченных на уплату долгов. Грузия стала его второй родиной, там он и скончался в нищете в 1832 г.

---

[17] Письмо Валада к Полиньяку от 14/2 мая 1830 г., СПб. AD. Personnel 1ère série. Dossier Valade № 3999.

[18] *Ансело Ф.* Шесть месяцев в России. Письма к Ксавье Сентину, сочиненные в 1826 году, в пору коронования Его Императорского Величества / Пер. с фр. и комментарии Н. М. Сперанской. Москва, 2001. С. 49.

[19] Histoire de l'administration française. Les affaires étrangères et le corps diplomatique français. 2 t. Sous la direction de J. Baillou. Paris: CNRS, 1984. T. 1. P. 592–593.

[20] Письмо Гамбы к Ла Ферронэ от 15 / 27 июня 1828 г., Тифлис; письмо Гамбы к Бриссаку от 1/13 февраля 1829 г., Тифлис. AD. Personnel 1ère série. Dossier Gamba № 1743.

Консульские агенты не имели права на жалованье, получая часть денег, выручаемых канцелярией от выдачи паспортов. Однако можно отметить частые нарушения этого правила. Назначив Ж.-Ф. Мефреди консульским агентом в Феодосии в 1822 г., министр иностранных дел М. де Монморанси определил ему 3 000 франков[21]. Консульский агент Сегон заменил Ж.-Ф. Гамбу в Тифлисе с 1824 по 1827 гг. во всей широте его обязанностей. На нем возлежали представительские функции, а поскольку Тифлис находился на пути в Персию, он должен был принимать у себя всех иностранцев, проездом оказавшихся в Грузии. Но канцелярские и консульские сборы были абсолютно ничтожными в Тифлисе, на них невозможно было достойно существовать. Поэтому Сегон испросил выплаты ему жалованья, которое и было определено ему министерством[22]. Последующее распоряжение от 26 апреля 1845 г. позволило министру назначать консульских агентов и почетных вице-консулов, оплачиваемых внешнеполитическим ведомством.

Бывали случаи, когда после прекращения деятельности консульских учреждений их сотрудники оставались без средств к существованию. Так, после ликвидации консульского агентства в Кронштадте в апреле 1826 г., Жан-Батист Фабэн потерял все, вплоть до предприятия, которое он там организовал. В ноябре 1826 г. он просил министра М. де Дамаса выплатить ему хоть какое-то денежное пособие. Фабэн особенно подчеркивал, что не сделай он выбор в пользу службы родине, то был бы уже владельцем 30 000 франков. Прибыв в Москву в 1816 г., он получил выгодное место в мануфактуре, где ежегодно получал 3 000 франков свободных от всяких выплат. В течение четырех лет ему были неизвестны материальные тяготы, но, корил он себя, престиж консульской службы ослепил его. После ряда жалоб в министерство, Ж.-Б. Фабэн добился восстановления своей должности в Кронштадте. Несмотря на небольшое жалованье (4 000 франков в год), вся карьера Ж.-Б. Фабэна прошла в Кронштадте. Как представляется, это было большим плюсом. Обязанности, возлежавшие на консульском служащем в таком важном военном порту, как Кронштадт, требовали опыта.

[21] AD. Personnel 1ère série. Dossier Maiffredy № 2695.

[22] Письмо Сегона к Дама от 6 / 18 апреля 1825 г., Тифлис; письмо Сегона к Дама от 12 окября 1827 г., Париж. AD. Personnel 1ère série. Dossier Segonne № 3706.

Мошенническая фортуна Ю. Валада

Юг Валад на протяжении многих лет занимал должность начальника канцелярии в генеральном консульстве Франции в Санкт-Петербурге, а после его ликвидации в 1831 г. возглавлял посольскую канцелярию. Однако примерный служащий, «*трудолюбивый чиновник*», получавший единогласные похвалы, награжденный орденом Почетного легиона по представлению Поля де Бургуэна[23], на поверку оказался мошенником. Расследование, проведенное герцогом Шарлем де Морни, чрезвычайным послом Наполеона III в России с мая 1856 по август 1857 г., выявило, что Валад вел дела нечестно.

В основе расследования лежало анонимное письмо, поступившее временному правительству Второй республики в 1848 г., которое обвиняло Ю. Валада в жульничестве во время банкротства банковского дома Рива (Riva et C[ie]), связанного многолетними отношениями с посольством. Контора Шарля Рива находилась на Большой Морской улице в доме Елисеева. Экономический кризис 1847 г. спровоцировал многочисленные банкротства. 23 октября поверенный в делах Анри Мерсье информировал французское правительство, что посольство «с сожалением наблюдало за тем, как наиболее значительный и уважаемый из наших негоциантов, месье Рива, был вынужден приостановить платежи», вследствие торгового кризиса в Лондоне[24].

Анонимное письмо обвиняло Ю. Валада в том, что он взял в конторе Ш. Рива векселя, оставшиеся неоплаченными, и скрыл бедственное состояние дел банкира. К сожалению, личное дело Валада, хранящееся в Дипломатическом архиве Франции в парижском пригороде Ла Курнёв, не содержит этой анонимной записки 1848 г., о которой нам известно только из расследования Шарля де Морни. Известно, что копия этого письма была выслана Морни для ознакомления в 1857 г. Возвращая ее с обратным курьером министру А. Валевскому, он высказал мнение о предосудительности хранения неподписанных доносов, однако охарактеризовал обвинительное письмо как замечательно верный портрет бывшего начальника канцелярии. Судя по всему, совет Морни убрать этот анонимный донос из служебных бумаг Валада все же возымел свое действие[25].

---

[23] Письмо Бургуэна к Казимиру Перье от 20/8 мая 1832 г. AD. Personnel 1ère série. Dossier Valade № 3999.

[24] Депеша Мерсье от 23 октября 1847 г. № 130, СПб. AD. CP Russie. Vol. 201. F. 252.

[25] Письмо Морни к Валевскому от 9 мая 1857 г., СПб. AD. Personnel 1ère série. Dossier Valade № 3999.

Валад был отстранен от должности в мае 1848 г. Напрасно прилагал он усилия для своего оправдания. Его письма к министру иностранных дел Жюлю Бастиду были оставлены без ответа[26]. Валада подозревали в незаконном обогащении. Однако сам обвиняемый все отрицал, подчеркивая свою склонность к порядку и экономии, что позволило ему увеличить свое состояние, «но назвать это фортуной значит злоупотреблять словами»[27]. Доверие, которым он пользовался в России, оправдывался Валад, привлекло в его руки значительные капиталы, которые он принимал, чтобы услужить, но ни в коей мере не использовал к своей выгоде[28].

После вынужденной отставки Ю. Валад продолжал жить в Санкт-Петербурге, выдавая себя за жертву революционного беспредела. Однако спустя десять лет, в 1857 г., до Ш. Морни дошли и другие неблагоприятные слухи на его счет, вследствие чего посол испросил его характеристику у министра иностранных дел А. Валевского и провел собственное расследование. Он принял Ю. Валада в посольском кабинете в присутствии консульского служащего виконта де Валла 4 мая 1857 г. Этот последний положил перед глазами гостя некоторое количество дел о наследовании и тяжбах, которыми Валаду пришлось заниматься в качестве начальника канцелярии. «Самые тяжкие обвинения выявились из этого расследования», — отчитывался Ш. Морни. После ликвидации права казны на выморочное наследство иностранцев, российское правительство передавало в посольство все денежные средства и имущество, оставшееся после смерти французских подданных, проживавших в России. Посольство, в свою очередь, должно было передать эти средства и имущество наследникам во Франции. Однако расследование выявило следующую мошенническую схему. «Месье Валад имел обыкновение заносить их величину в приход, в книгу счетов канцелярии, не ранее двух или трех лет после того, как на самом деле получил их; и зачастую тогда, вместо того, чтобы передать полностью сумму заинтересованным лицам, он находил способ, чтобы изъять из нее некоторые платежи…»[29]. Деньги, полученные для передачи наследникам, Ю. Валад пускал в оборот, что позволяло ему по прошествии двух или трех лет снимать с них немалые проценты.

[26] Письма Валада к Бастиду от 6 июня / 25 мая и 24 июня 1848 г., СПб. Ibidem.

[27] Письмо Валада к барону д'Андре от 9 июня 1848 г., СПб. Ibidem.

[28] Ibidem.

[29] Письмо Морни к Валевскому от 9 мая 1857 г., СПб. Ibidem.

В ходе расследования, Морни удалось выявить еще немало злоупотреблений, практиковавшихся Валадом, который использовал дела о наследовании для того, чтобы положить часть денег в свой карман. «Он заносил в расходы законных наследников акты канцелярии, дублируя работу комиссаров-оценщиков; украшения, помещенные в его кассе и вписанные его рукой в канцелярскую книгу, не фигурировали более в посылках, направленных законным наследникам, при этом дела не содержат никакого свидетельства об их продаже. При других обстоятельствах, он получал в счет французов от русских должников суммы, из которых он только часть передавал кредиторам, извещая их о том, что они должны оставить всякую надежду получить остальное; в других случаях, он объявлял кредиторам, что вынужден был вручить 25% от полученных сумм дельцу, который должен был по его поручению произвести необходимые демарши, в то время как письма этого дельца свидетельствуют о том, что месье Валад вручил ему лишь 5% от этих сумм. По большей части платежи заносились в приход лишь многие месяцы после того, как были получены посольством»[30].

Шарль Морни счел за благо отказаться от открытого суда над Валадом, несмотря на столь очевидные доказательства его вины. Скандальное разоблачение махинаций бывшего начальника канцелярии неминуемо нанесло бы сокрушительный удар по престижу посольства Франции в Российской империи.

Консульские служащие и российская действительность

Французские консульские служащие, в отличие от дипломатов в посольстве, находились «на земле» — в портовых и значимых городах (Санкт-Петербурге, Варшаве, Риге, Одессе, Москве), что заставляло их ежедневно погружаться в местную специфику. Некоторые из них все годы своей службы провели в России. К примеру, Ю. Валад провел 32 года в Санкт-Петербурге, Ж.-Б. Фабэн — 34 года в Кронштадте, А.-А. Шаллэ — 28 лет в Одессе (с небольшим перерывом), Ж.-П. Гальц де Мальвирад 12 лет исполнял обязанности генерального консула в Санкт-Петербурге в добавление к пяти годам в качестве секретаря посольства, Ж.-Ф. Мефреди — 12 лет в Феодосии и Риге, Ж.-Ф. Гамба — 10 лет в качестве консула в Тифлисе. Даже если эти длительные пребывания были иногда прерываемы отпусками на родину, их продолжительность остается,

[30] Ibidem.

тем не менее, впечатляющей. Однако были и такие консульские служащие, которые не задерживались в России. Например, А. Бренье пробыл в Варшаве три года, Л. Кассас был вице-консулом в Москве и Кронштадте в течение всего лишь нескольких месяцев, Г. де Корду провел в Варшаве менее года, А. Кошле был в течение трех лет консулом в Риге. Что же до А.-Л. Васс Сент-Уана, тонкого знатока восточных языков, его однолетняя служба в одесском консульстве была лишь отступлением от полностью левантийской карьеры, так же как и пребывание на одесской службе его преемника Л.-Ф. Депрео де Сен-Совера, также выпускника Школы восточных языков. Конечно, такое разнообразие в длительности пребывания в России объяснялось разными мотивациями консульских служащих, непохожестью их жизненных путей.

Распоряжение от 23 августа 1833 г. напомнило «некоторые основные принципы» деятельности консульских представителей за границей, а именно не предаваться торговой деятельности, не покидать службу без уважительной на то причины, не отправляться в отпуск без разрешения министра; не жениться иначе, как с согласия министра[31]. Женитьба на представительницах высших слоев общества в городе прохождения службы могла обеспечить иностранным представителям исключительно выгодное положение. Родство со знатными семьями порой помогало им налаживать благоприятные отношения с местными властями. Согласно указу 1781 года, для заключения брака консульским служащим требовалось получить официальное разрешение короля.

Действительно, можно перечислить несколько таких браков. В апреле 1830 г. Жан-Батист Фабэн обратился к министру Ж. де Полиньяку с просьбой разрешить взять в супруги «Ирину Сазонову, совершеннолетнюю и легитимную дочь Василия Сазонова, русского подданного, рантье, проживающего в Санкт-Петербурге и Анны Сазоновой, урожденной Глазуновой, его супруги»[32]. Посол К. де Мортемар заверил министерство в приличном социальном статусе семьи, из которой происходила невеста. Просьба была удовлетворена.

Барон Жан-Пьер Гальц де Мальвирад, генеральный консул в Санкт-Петербурге, ожидал в июне 1822 г. разрешения министра прежде чем сделать предложение русской подданной Александре Свистуновой, дочери действительного камергера Николая Петровича Свистунова и Марии Алексеевны (урожденной Ржевской), приходившейся родной сестрой

[31] Histoire de l'administration française. Les affaires étrangères…T. I. P. 592.

[32] Письмо Фабэна к Полиньяку от 22 марта/3 апреля 1830 г.; письма Полиньяка к Мортемару и Фабэну, датированные 19 мая 1830 г. AD. Personnnel 1ère série. Dossier Fabin № 1541.

декабристу Петру Свистунову. Одаренная пианистка и певица, она обладала прекрасным голосом. Просьба была написана от имени Гальц де Мальвирада послом О. де Ла Ферронэ, который подчеркивал, что брачный союз с Александрой Николаевной Свистуновой соответствовал всем приличиям[33]. Свадьба состоялась 30 июля 1822 г.

В 1824 г. Адриен Кошле на тот момент начальник канцелярии генерального консульства в Санкт-Петербурге и временно исполняющий обязанности вице-консула, задумал жениться на Елизавете де Казаль, дочери местного банкира. Ее семья обладала обширными связями во французских и английских торговых кругах. Этот союз, следовательно, мог послужить французским интересам, подчеркивал О. де Ла Ферронэ в обращении в министерство[34]. В январе 1826 г. А. Кошле получил согласие министра на женитьбу, которая должна была укрепить его общественное положение.

Консульские служащие вели, как правило, довольно насыщенную светскую жизнь, которая позволяла им заводить новые знакомства. Так, Жозеф-Филипп Мефреди, консул в Риге с 1831 по 1834 гг., был завсегдатаем салона графини Анны Ивановны Эльмпт, гофмейстерины (руководительницы придворного штата) при дворе великого князя Михаила Павловича и великой княгини Елены Павловны. Там с ним и познакомилась Надежда Ивановна Голицына, супруга князя Александра Федоровича Голицына, состоявшего чиновником по гражданской части в канцелярии великого князя Константина Павловича. Княгиня Н. И. Голицына, которая после Варшавского восстания отправилась странствовать по дорогам Польши, Литвы и Латвии, провела апрель 1831 года в Риге, став постоянной гостьей в доме А. И. Эльмпт. «Месье Мефреди, французский консул, много способствовал удовольствию от пребывания в этом обществе: он славный малый, и стоило проявить к нему внимание, как он принимался развлекать общество», — писала она в своих воспоминаниях[35]. Ж.-Ф. Мефреди был среди тех, кто пришел проститься с Н. И. Голицыной накануне ее отъезда из Риги в начале мая 1831 г.[36]

---

[33] Письмо Ла Ферронэ к Монморанси от 10/22 мая 1822 г., СПб. AD. Personnnel 1ère série. Dossier Galtz de Malvirade № 1742.

[34] AD. Personnnel 1ère série. Dossier Cochelet № 986.

[35] Война женскими глазами: русская и польская аристократки о Польском восстании 1830–1831 годов / Сост. вступит. ст. В. М. Боковой, Н. М. Филатовой. Москва, 2005. С. 127.

[36] Там же. С. 131.

Некоторые консульские представители вступали в масонские ложи по месту своей службы. Андре-Адольф Шаллэ, возглавлявший консульство в Одессе почти четверть века (с перерывами в период с 1821 по 1846 гг.), являлся активным участником общественной жизни города. С 1822 года, после увольнения графа А. Ф. Ланжерона с постов генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии, А.-А. Шаллэ возглавил одесскую масонскую ложу «Понт Эвксинский»[37]. Помимо торгово-экономической деятельности, Шаллэ активно занимался сбором информации о внешней политике России на южных рубежах, в частности, на Кавказе и в Черноморском регионе.

Бывали случаи, когда консулы, измученные суровостью климата, выражали желание поменять место службы. Сырой климат Прибалтики подорвал здоровье Ж.-Ф. Мефреди, консула в Риге, и сказался на ходе его переписки с Парижем. Многие письма, хранящиеся в его личном деле, были отправлены в министерство для объяснения его продолжительного молчания. Он напоминал в них о своих неоднократных просьбах перевести его на службу в Одессу, где освободилась консульская должность, но его настояния не были услышаны[38]. Болезнь повергла Мефреди в столь сильное уныние, что он прервал всякую переписку с Парижем в течение зимы 1833–1834 гг. Равнодушие министерства к его просьбам о переводе в другое место службы вынудило его заявить о своей готовности выйти в резерв. Но министр А. Риньи предпочел отозвать его в резкой форме в 1834 году. После прекращения консульских функций, Мефреди не сразу отбыл во Францию, так как врачи предписали ему морские ванны. Позднее он предпринял путешествие для урегулирования дела о наследстве и остался в России до 1835 г.[39] По возвращении во Францию он написал длинное оправдательное письмо, вызвавшее участливое сочувствие Л.-В. де Бройля, но не был более употреблен на консульской службе[40].

Фидель-Луи Муассон был назначен ему на смену консулом в Риге, но оказался столь же невезучим. Частые дожди и сильные ветры отрицательно сказались и на его здоровье. В июле 1837 г. он получил шестимесячный отпуск, но не был в состоянии даже воспользоваться им, так как не вставал с постели. В

---

[37] Одесса — центр вольнодумства и национально-культурного движения. URL: https:// www.studfile.net›preview/6048065/page:4/ (дата обращения 04.09.2026).

[38] Письмо Мефреди к герцогу де Бройлю от 23 ноября 1833 г. AD. Personnnel 1ère série. Dossier Maiffredy № 2695.

[39] Ibidem.

[40] Письмо Бройля к Мефреди от 15/27 ноября 1835 г., Париж. Ibidem.

ноябре министр Л.-М. Моле, крайне раздраженный длительными перерывами в его переписке, отправил его в резерв[41].

На протяжении десяти лет своей службы в Варшаве Ремон Дюран практически никогда не оставлял консульство на сколько-нибудь продолжительное время. Лишь в мае 1830 г. он испросил короткий отпуск для участия в выборах Палаты депутатов[42]. Министр предоставил ему отпуск продолжительностью в три месяца при условии, что он дождется прибытия консульского агента для замещения его в должности[43]. В случаях временного отсутствия французские власти предпочитали не прибегать к услугам консула третьей страны. В июне 1835 г. Р. Дюран получил шестимесячный отпуск для того, чтобы заняться делами своей семьи[44]. Однако уже в январе 1837 г. ввиду постоянного недомогания он отправил министру письмо с просьбой разрешить ему снова отлучиться из Варшавы на некоторое время. «Несмотря на то, что зима была не слишком холодной, я проболел почти все время. Я настолько привык к мягкому климату Монпелье, что с трудом переношу холод. И испытываю необходимость поехать восстановить своей здоровье под небом родины», — писал Мефреди[45]. 13 марта, вопреки всяким правилам, он неожиданно тронулся в путь, не дождавшись прибытия заместителя. Мефреди оставил консульские архивы на хранение французскому жителю Варшавы Филиппу де Жирару, инженеру, основавшему текстильное предприятие, которого отрекомендовал как офицера Почетного легиона и бывшего депутата парламента[46]. Через полтора месяца Ремон Дюран скончался в Монпелье 50-ти лет от роду[47]. Просьба о вспомоществовании, представленная его вдовой, напоминала о «тяготах трудной и длительной миссии в стране с суровым климатом»[48]. Ремон Дюран вошел в анналы французской консульской службы как «жертва свой преданности»[49].

---

[41] AD. Personnnel 1ère série. Dossier Moisson № 2927.

[42] Письмо Дюрана к Полиньяку от 20 апреля/ 2 мая 1830 г., Варшава. AD. Personnnel 1ère série. Dossier Durand № 1470.

[43] Письмо Полиньяка к Дюрану от 14/26 мая 1830 г. Ibidem.

[44] Письмо Дюрана к Бройлю от 25 мая/6 июня 1835 г., Варшава. Ibidem.

[45] Письмо Дюрана к Моле от 16 / 28 января 1837 г., Варшава. Ibidem.

[46] Письмо Дюрана к Моле от 1 / 13 марта 1837 г., Варшава. Ibidem.

[47] Письмо Марселлен Дюран к Моле от 27 апреля 1837 г., Монпелье. Ibidem.

[48] Письмо Гранье к Моле от 18 июня 1837 г. ibidem.

[49] Письмо вдовы Дюрана к Моле от 13 июня 1837 г. Ibidem.

Генеральный консул Жан-Пьер Гальц де Мальвирад просил в 1825 г. о продлении своего отпуска, ссылаясь на вред петербургского климата для его здоровья. Его желанием была консульская или дипломатическая должность в Гамбурге. Но министерство не откликнулось на его просьбу и ему пришлось вернуться в Санкт-Петербург. В 1830 г. он получил новый отпуск для поправления своего здоровья. Юг Валад временно занял место руководителя генерального консульства. Можно было бы еще удлинять список консульских представителей, которые просили о своем переводе, вследствие вредного влияния климата на их здоровье. Эти просьбы приходили, впрочем, со всех уголков Российской империи. Простудные заболевания подстерегали французских представителей на севере, но и на юге свирепствовали болезни, хотя и иного рода. В 1830 и 1831 годах весь центр и юг России были охвачены эпидемией холеры. По большому счету, во всей России не было идеального места для консульских представителей Франции.

Другие соображения, карьерные или финансовые, также могли мотивировать просьбу о переводе на другое место службы. В письме, адресованном в 1823 году в МИД, отец Антуана Рюинар де Бримона, вице-консула в Москве, подчеркивал, что «Москва, где мало торговли, является столицей, населенной высшей знатью», что его сын там является скорее дипломатическим агентом, нежели торговым. «Принятый самыми крупными торговыми домами, он был вынужден организовать там учреждение чрезвычайно дорогостоящее, его жалованье в 10 000 франков далеко недостаточно для покрытия всех расходов с ним связанных. Помещенный посреди французской колонии, составленной по большей части из учителей, артистов, он находится часто в необходимости оказывать помощь из своих собственных средств многим из тех, кто не имеет самого необходимого». В-общем, должность вице-консула в древней российской столице нисколько не отвечала карьерным соображениям молодого Антуана Рюинар де Бримона, желавшего служить в портовом городе. МИД Франции вняло сетованиям отца, уважаемого мэра Реймса, и перевело его сына в английский порт Гул (Goole)[50].

Длительное пребывание в России имело свои плюсы и минусы. Долговременная служба позволяла некоторым консулам собрать много информации о стране пребывания. В письме от 20 августа 1832 г. министр Орас Себастиани просил посла Эдуара Мортье предоставить ему следующие

[50] Ibid. Dossier Ruinart de Brimont № 3590.

сведения: «1. Каково в общем законодательство России о браках. 2. При каких условиях браки, заключенные русскими в зарубежных странах, могут быть признаны на их родине как действительные»[51]. Э. Мортье адресовал вопросы К. В. Нессельроде, на которые долго не получал никакого ответа. Зато он смог направить в министерство сведения, собранные начальником канцелярии посольства Югом Валадом[52]. Характер канцелярских обязанностей Валада и частые контакты с людьми, знающими толк в русском законодательстве, позволили тому ответить на вопросы, интересовавшие Париж.

В то же время длительное пребывание в Российской империи позволяло настолько свыкнуться с практиковавшимися там административными злоупотреблениями, что некоторые служащие, такие как Валад, переняли их дух и практику. Юг Валад, хотя и занимался махинациями в свою пользу, как было отмечено выше, но при этом оказал немало услуг соотечественникам. Примечательно, что в мае 1832 г. граф Эжен де Сегюр, пэр Франции, поведал министру О. Себастиани об услугах, которые оказал ему начальник канцелярии в разных тяжбах. Э. де Сегюр свидетельствовал о знаниях, приобретенных Валадом «в результате тяжелой работы по усвоению российского законодательства, применимого к иностранцам»[53]. Маршал Н. Ж. Мезон, возглавлявший посольство в России в 1834 г., констатировал, в свою очередь, что Валад «перегружен огромным количеством спорных и других дел, которыми он занимается с усердием достойным похвал»[54].

Как мы имели возможность убедиться выше, Юг Валад слишком далеко зашел в своем приспособлении к местным обычаям и порядкам. Еще одним примером такого приспособленчества может служить Николя Вейер, французский консул в Москве. Маркиз де Кюстин негодовал по поводу его отказа выступить в защиту незаконно арестованного соотечественника Луи-Мари Перне, адвоката по образованию, редактора республиканского журнала «Revue indépendante». Когда Кюстин прибыл к Вейеру с просьбой о заступничестве за Л.-М. Перне, тот отреагировал следующим образом: «Г-н Перне, — сказал он, — полгода прожил в Москве и в окрестностях и за все это время так и не посчитал нужным хоть как-то заявить о себе французскому консулу. Раз так, то ныне, чтобы выпутаться из положения, в которое он попал

[51] Себастиани герцогу Тревизскому от 20 августа 1832 г., Париж. Ibid. Dossier Valade № 3999.
[52] Письмо герцога Тревизского к Себастиани от 28 сентября / 10 октября 1832 г. Ibidem.
[53] Письмо графа де Сегюра к Себастиани от 1 мая 1832 г., Париж. Ibidem.
[54] Письмо маршала Мезона к графу де Риньи от 6 / 18 ноября 1834 г., СПб. Ibidem.

по своей беспечности, г-н Перне должен рассчитывать только сам на себя. “Беспечность” — слово, быть может, даже слишком мягкое, — добавил консул; в заключение он повторил, что не может, не должен и не хочет вмешиваться в это дело»[55]. Все усилия Кюстина убедить консула в необходимости оказать покровительство французу, жизни которого, как он опасался, могла угрожать опасность, пропали даром. Истинная причина равнодушия Вейера, как он догадывался, крылась не том, что Перне пренебрег правилами этикета, а в том, что «он сам стал почти русским»[56]. Николя Вейер к 1839 году вот уже 18 лет как служил консулом в Москве. Кюстин объяснял его недостойное поведение той атмосферой страха и произвола, в которой он прожил многие годы и с которой свыкся. Фредерик Лакруа, автор «Российских тайн», вышедших в 1845 г., два года спустя после первого издания «России в 1839 году», придерживался того же мнения. Он уточнял к тому же, что Н. Вейер был женат на русской, следовательно был хорошо интегрирован в местное общество[57].

В итоге, по совету одного высокопоставленного лица, имя которого не указывается, Астольф де Кюстин отправился в Петербург искать заступничества за Перне у посла Франции Проспера де Баранта. Как он и догадывался, московский консул оставил посла в неведении насчет ареста Перне. «Он еще не знал об аресте г-на Перне и был, казалось, удивлен, что узнает о нем от меня, тем более что я затратил на дорогу почти четыре дня. Он еще больше удивился, когда я поведал ему о своих бесплодных беседах с консулом, о попытках уговорить этого официального заступника французов похлопотать за арестанта»[58]. В отличие от Вейера, Барант внимательно выслушал Кюстина, заверив его, что предпримет все возможное для выяснения дела.

Так и случилось, как узнал Кюстин уже по возвращении во Францию от самого бывшего арестанта в конце зимы 1840 года. Выяснилось, что Перне провел в тюрьме три недели, после чего «он был освобожден без всякого суда, так и не узнав, в чем состояла причина его заточения»[59]. П. де Баранту удалось добиться его освобождения, после чего Перне получил приказ покинуть Россию.

А. де Кюстин увидел в истории неожиданного ареста Л.-М. Перне подтверждение своим собственным страхам, что его, хотя и иностранца, в любой

---

[55] *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году / Пер. с фр. О. Гринберг и др. Санкт-Петербург, 2008. С. 605.
[56] Там же.
[57] *Lacroix F.* Les Mystères de Russie. Paris, 1854. P. 238.
[58] *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году… С. 610.
[59] Там же. С. 613.

момент могут сослать в Сибирь или упрятать за решетку без объяснения причин. «В ответ на мои расспросы г-н Перне наконец сказал мне, что при первой поездке в Россию ему поставили в паспорте звание негоцианта, при второй же поездке — адвоката: он прибавил и нечто более серьезное: еще до прибытия в Петербург, плывя на пароходе по Балтийскому морю, он откровенно высказался против русского деспотизма в присутствии нескольких незнакомых людей»[60].

Действительно, как выяснилось, Л. Перне прослыл в Третьем отделении Бенкендорфа за «человека опасных идей и убеждений», вызывая подозрения еще и «противоречивыми сведениями о своей профессии, ибо объявлял себя то гражданским инженером, то рантье, путешествующим по собственной надобности, то негоциантом, прибывшим в Россию по делам»[61]. В повествовании маркиза де Кюстина история с Л.-М. Перне стала главным символом российского произвола и деспотизма.

На фоне корысти и приспособленчества своих коллег шевалье Жак-Франсуа Гамба, консул в Тифлисе, представляется неким идеалистом. В исторической литературе господствует мнение, что Ж.-Ф. Гамба искренне намеревался расширить французское торговое присутствие на Востоке, но ему не хватало реализма и практичности. Трудно согласиться с советской исследовательницей М. К. Рожковой, назвавшей Гамбу обычным авантюристом[62]. Его отношения с местными властями прошли через разные этапы. Вначале он пользовался действенной поддержкой генерала А. П. Ермолова, губернатора Грузии, проводившего жесткую колониальную политику в Закавказье[63]. В этот период Гамба ощущал постоянные знаки внимания российских властей. В июне 1822 г. он был доставлен из Одессы на побережье Мингрелии фрегатом, специально подготовленным для него адмиралом А. С. Грейгом по приказу Александра I[64]. Он получил от русского правительства

---

[60] Там же.

[61] *Мильчина В., Осповат А.* Комментарий к книге Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году». Изд.3-е, испр. и доп. Санкт-Петербург, 2008. С. 946.

[62] См.: *Рожкова М. К.* Из истории экономической политики российского царизма в Закавказье (первая половина XIX века) // Исторические записки. 1946. № 18. С. 175. Ср. с: *Van Regemorter J.-L.* Le mythe génois en mer Noire: la France, la Russie et le commerce d'Asie par la route de Géorgie (1821–1881) // Annales. Économies, sociétés, civilisations. 1964. 19e année. № 3. P. 494–495.

[63] Письмо Гамбы к Паскье от 13 / 25 августа 1821 г., СПб. AD. Personnel 1ère série. Dossier Gamba № 1743.

[64] AD. Personnel 1ère série. Dossier Gamba № 1743.

16 000 десятин земли в Кутаисском округе, четыре пятых которых были заняты лесом[65]. Гамба рассчитывал раскорчевать свои земли, чтобы выращивать там «хлопок, марену, шелковицу, сафран, табак и виноградную лозу», а также индиго и другие полезные растения[66]. Половина его земель находилась по соседству с рекой Фаз (Рьон), вследствие чего он мечтал даже о прямом сообщении с Марселем. Но в 1827 году Гамба испытал все несчастья библейского Иова: «наводнение, потерю урожая, шестимесячный перерыв в работе вследствие болезни» всех его рабочих[67]. К тому же А. П. Ермолов вынужден был уйти в отставку по причине независимости своих суждений и покровительства сосланным на Кавказ декабристам.

Русско-турецкая война 1828–1829 гг. и закрытие проливов Босфор и Дарданеллы негативно отразились на торговых начинаниях Ж.-Ф. Гамбы. Его отношения с местной властью испортились, на что он не раз жаловался своему другу герцогу де Бриссаку. В сентябре 1829 г. Гамба, казалось, отчаялся. «Неприятности, которые я испытываю вот уже два года, сказываются на моем здоровье, мне не прощают во Франции то, что у меня возникла новая и полезная идея и то, что мне удалось провести ее в Петербурге. В России не прощают иностранцу то, что он первым указал на ресурсы края, который в течение 20-ти лет считался лишенным какой-либо ценности. Сами русские столь часто говорили мне об этом, что мне не позволено иметь никаких сомнений на этот счет. Значит правда, что человек обзаводится большим количеством врагов, делая добро, а не зло»[68]. Гамба мог все же рассчитывать на поддержку посла Казимира де Мортемара, тогда как многие служащие МИД находили его проект развития торговли со странами Леванта через Грузию слишком амбициозным и нереалистичным.

Подытожим, связи французских консульских служащих с российской действительностью носили многогранный и глубокий характер. В большинстве случаев они не просто выполняли разнообразные поручения Парижа, но и становились активными участниками внутренней жизни Российской империи.

---

[65] Одна десятина равняется примерно 1 га.

[66] Письмо Гамбы к Бриссаку от 2 / 14 октября 1822 г., Тифлис. AD. Personnel 1ère série. Dossier Gamba № 1743.

[67] Письмо Гамбы к Бриссаку от 19/31 декабря 1827 г., Тифлис. Ibidem.

[68] Письмо Гамбы к Бриссаку от 5/17 сентября 1829 г., Тифлис. Ibidem.

***

Из вышесказанного следует, что материальное положение французских консульских служащих в России было достаточно скромным. Как и дипломаты, большинство из них были вынуждены черпать часть средств в своих личных состояниях. Два противоположных типа консульских служащих были рассмотрены на примерах Ю. Валада, обогатившегося мошенническим путем, и Ж.-Ф. Гамбы, разорившегося под конец своей службы в Тифлисе. Первый — жадный и расторопный до наживы, второй — неудачник, не просчитавший все варианты развития событий и спустивший то немногое, что у него было, ради воплощения в жизнь своего проекта развития французской торговли с Левантом.

Два других противоположных типа консульских представителей выявились по признаку удовлетворенности своим пребыванием в Российской империи. Довольные, как правило, женились на представительницах местного общества, обзавелись семьями или нашли какой-то другой интерес. Мечтающие о смене места назначения, как правило, жаловались на холодный и сырой климат или несоответствие службы их ожиданиям. В результате, выявляются большие различия в сроках пребывания в России: для одних это вся жизнь, для других — несколько месяцев или лет. Упомянутые различия в сроках пребывания и в степени вовлеченности в жизнь местного общества отражались, несомненно, на видении ими российской действительности, а также на исполнении ими служебного долга. Некоторые из них, став почти русскими, как Н. Вейер или Ю. Валад, теряли независимость суждений и начинали думать и действовать в соответствии с окружавшей их российской действительностью.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Anselo F. *Shest mesyacev v Rossii: Pisma k Ksave Sentinu, sochinennye v 1826 godu, v poru koronovaniya Ego Imperatorskogo Velichestva [Six Months in Russia: Letters to Xavier Santin, Written in 1826, during the Coronation of His Imperial Majesty]*. Vstupitel'naya stat'ya, perevod s fr. i kommentarii N. M. Speranskoj. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. 286 p. (In Russian)
Ансело Ф. Шесть месяцев в России: Письма к Ксавье Сентину, сочиненные в 1826 году, в пору коронования Его Императорского Величества / Вступительная статья, перевод с фр. и комментарии Н. М. Сперанской. Москва: Новое литературное обозрение, 2001. 286 с.

Contamine H. Diplomatie et diplomates sous la Restauration 1814–1830. Paris: Hachette, 1970. 410 p.

Goncharova T. N. Kriterii otbora personala dlya konsul'skoj sluzhby Francii v Rossii (1814–1848) [Staff selection criteria for the French consular service in Russia], in *Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni [Proceedings of the Department of Modern and Contemporary History]*. 2019. № 19(1). P. 74–87. (In Russian)

Гончарова Т. Н. Критерии отбора персонала для консульской службы Франции в России (1814–1848) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2019. № 19(1). С. 74–87.

Goncharova T. N. Francuzskie «pervootkryvateli» rossijskogo prostranstva: konsul'skie predstavitel'stva (1814–1848) [French "Pioneers" of the Russian Landscape: Consular Missions (1814–1848], in *Sankt-Peterburg — Franciya. Nauka, kul'tura, politika*. St-Peterburg: Izd-vo «Evropejskij Dom», 2010. P. 85–100. (In Russian)

Гончарова Т. Н. Французские «первооткрыватели» российского пространства: консульские представительства (1814–1848 гг.) // Санкт-Петербург — Франция. Наука, культура, политика. Санкт-Петербург: Изд-во «Европейский Дом», 2010. С. 85–100.

Histoire de l'administration française. Les affaires étrangères et le corps diplomatique français. En 2 t. Sous la direction de J. Baillou. Paris: CNRS, 1984. T. 1. 1018 p.

Kyustin A. de. *Rossiya v 1839 godu [Russia in 1839]*. Perevod. s fr. O. Grinberg i dr. St-Peterburg: Kriga, 2008. 704 p. (In Russian)

Кюстин А. де. Россия в 1839 году / Пер. с фр. О. Гринберг и др. Санкт-Петербург: Крига, 2008. 704 с.

Lacroix F. Les Mystères de la Russie: Tableau politique et moral de l'Empire russe. 2e éd. Paris: Pagnerre, 1854. 324 p.

Mil'china V., Ospovat A. *Kommentarij k knige Astol'fa de Kyustina «Rossiya v 1839 godu» [Commentary on Astolphe de Custine's book "Russia in 1839"]*. Izd. 3-e, ispr. i dop. St-Petersburg: Kriga, 2008. 368 p. (In Russian)

Мильчина В., Осповат А. Комментарий к книге Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году». Изд. 3-е, испр. и доп. Санкт-Петербург: Крига, 2008. 368 с.

Rozhkova M. K. Iz istorii ekonomicheskoj politiki rossijskogo carizma v Zakavkaz'e (pervaya polovina XIX veka) [From the History of the Economic Policy of Russian Tsarism in Transcaucasia (First Half of the 19th Century)], in *Istoricheskie zapiski*. 1946. № 18. P. 169–200. (In Russian)

Рожкова М. К. Из истории экономической политики российского царизма в Закавказье (первая половина XIX века) // Исторические записки. 1946. № 18. С. 169–200.

Van Regemorter J.-L. Le mythe génois en mer Noire: la France, la Russie et le commerce d'Asie par la route de Géorgie (1821–1881), in *Annales. Économies, sociétés, civilisations*. 1964. 19e année. № 3. P. 492–521.

Vojna zhenskimi glazami: russkaya i pol'skaya aristokratki o Pol'skom vosstanii 1830–1831 godov [War through Women's Eyes: Russian and Polish Aristocrats on the Polish Uprising of 1830–1831]. Sost., vstupit. st. V. M. Bokovoj, N. M. Filatovoj. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005. 346 p. (In Russian)

Война женскими глазами: русская и польская аристократки о Польском восстании 1830–1831 годов / Сост., вступит. ст. В. М. Боковой, Н. М. Филатовой. Москва: Новое литературное обозрение, 2005. 346 с.

К. И. Газа

Газа Константин Иванович, студент 4 курса бакалавриата, кафедра истории Нового и новейшего времени, Институт Истории, Санкт-Петербургский государственный университет. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор В.Н. Барышников.

E-mail: st120973@student.spbu.ru

ФИНЛЯНДИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДОМ: РОЛЬ Й. В. СНЕЛЬМАНА В ВЫРАБОТКЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРИЕНТИРОВ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКОГО В 1860-Е ГОДЫ

В статье исследуется ключевая роль философа и государственного деятеля Йохана Вильгельма Снельмана в определении внешнеполитического курса Великого княжества Финляндского в переломные 1860-е годы. На фоне усиления финского национального движения и геополитического давления со стороны Запада и России Снельман выступил в качестве стратегического посредника между финляндской элитой и имперским центром. Проведенный анализ показывает, что Снельман не просто занимал прагматическую позицию, но и разработал целостную идеологическую и теоретическую доктрину. Эта доктрина, основанная на идеях государственного прагматизма, законности и постепенной эволюции, обосновывала необходимость лояльного сотрудничества с Российской империей как оптимальный путь для сохранения финской автономии, экономического развития и формирования национальной идентичности. Таким образом, статья раскрывает Снельмана как архитектора «имперского лоялизма», чьи концепции надолго определили политические ориентиры Финляндии в составе России.

Ключевые слова: Й. В. Снельман, скандинавизм, фенномания, Великое княжество Финляндское.

K. I. Gaza

Gaza Konstantin Ivanovich, 4th year undergraduate student, Department of Modern and Contemporary History, Institute of History, St. Petersburg State University. The scientific supervisor is Doctor of Historical Sciences, Professor V.N. Baryshnikov.

E-mail: st120973@student.spbu.ru

FINLAND BETWEEN RUSSIA AND THE WEST: THE ROLE OF J. V. SNELLMAN IN DEVELOPING THE POLITICAL GUIDELINES OF THE GRAND DUCHY OF FINLAND IN THE 1860S

The article explores the key role of the philosopher and statesman Johan Wilhelm Snellman in shaping the foreign policy of the Grand Duchy of Finland during the crucial 1860s. As the Finnish national movement gained momentum and faced geopolitical pressures from both the West and Russia, Snellman acted as a strategic intermediary between the Finnish elite and the imperial center. The analysis reveals that Snellman not only adopted a pragmatic approach but also developed a comprehensive ideological and theoretical doctrine. This doctrine, based on the ideas of state pragmatism, legality, and gradual evolution, justified the need for loyal cooperation with the Russian Empire as the optimal way to preserve Finnish autonomy, economic development, and the formation of a national identity. Thus, the article reveals Snellman as the architect of "imperial loyalty," whose concepts long-term defined the political guidelines of Finland.

Keywords: J. V. Snellman, Scandinavism, fennomania, the Grand Duchy of Finland in the 1860s.

****

1860-ые годы для Российской империи ознаменовались сменой политического курса и реформ. Данная смена коснулась и окраин Империи, в частности Великого княжества Финляндского, в которой обнаружился кризис политических ориентиров внутри элиты: ещё во время Крымской войны финляндцам была предоставлена «ситуация выбора направления в будущее»[1], и хотя «в Финляндии уже четко сложилось весьма позитивное отношение к русскому правлению»[2], но в Великом княжестве также сформировались политические группировки (протопартии), которые имели разную политическую ориентацию. Так, Финляндия разделилась на два политических лагеря: фенноманы и сторонники идей скандинавизма. Если у сторонников скандинавизма имелась взаимосвязь политической программы для самой Финляндии с внешнеполитическим ориентиром на Запад, в частности, на Швецию, то фенноманы встали перед политическим выбором между прошведской и пророссийской политикой[3].

Они поделились на множество фракций, две из которых стали основными: политически-умеренные (старые и честные финны)[4], которые не желали сотрудничества с Россией, и политически радикальные (младофенноманы)[5], которые видели в России союзника в формировании финской нации. В этой связи особое внимание стоит уделить Й. В. Снельману, идеологическому основателю, а, в дальнейшем, политическому лидеру фенноманского движения. Так как Великое княжество Финляндское являлось частью Российской империи, а не самостоятельным национальным государством, в данной статье будет проведен анализ деятельности Снеллмана, как посредника между финляндской элитой и имперским центром.

---

[1] *Барышников В. Н.* События Крымской войны на Балтике и их значение для российско-финляндских отношений и для обретения финляндской идентичности // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2024. №24 (1). С. 116.

[2] *Барышников В. Н.* События Крымской войны… С. 134.

[3] Herää Suomi. Suomalaisuusliikkeen historia. Kuopio, 1989. S. 69.

[4] *Постников Н. Д.* Политические партии Великого княжества Финляндского (60-70-е годы XIX века – 1914 год). М., 2024. С. 44.

[5] Там же.

В рамках данного исследования начать стоит со сторонников скандинавизма, так как именно они представляли особую опасность, как для фенноманского движения, так и для Российской империи[6]. Скандинавизм — движение в ряде стран Северной Европы за сближение и объединение скандинавских стран и народов в культурном, экономическом и политическом отношениях[7]. Политическую содержание скандинавизма в данных государствах оставалось различным: если в Дании он имел антигерманскую направленность, то в Швеции — антироссийскую[8].

Антироссийская направленность заключалась в отношении Великого княжества Финляндского, территории которого контролировало Шведского королевство. И хотя большинство скандинавистов не обращало внимание на данную проблему, именно шведские теоретики, взяв теорию «нордической расы» Гобино, утверждали, что Финляндия, будучи варварской страной, должна вернуться в лоно Скандинавии, а именно в Шведское королевство. Так, в своей работе «Молодая Финляндия»[9] Август Солман писал, что, история и цивилизация Финляндии началась с завоевания Финляндии шведским народов. Далее он утверждал, что финский язык из-за своей примитивности не является языком образования, и будущее Финляндии зависит исключительно от того, как долго шведы могут поддерживать свое умственное и политическое лидерство. Солман считал, что Финляндия, сохранив шведское культурное наследие, должна была войти в состав скандинавской конфедерации.

Выводы А. Солмана были поддержаны группой проживавших в Стокгольме финляндских политических эмигрантов. В частности, в 1854–1855 гг. Эмиль фон Квантен напечатал в Стокгольме две брошюры под общим названием «Фенномания и скандинавизм»[10], в которых требовал отделения Финляндии от России и выступил в защиту идеи финно-скандинавского союзного государства.

---

[6] См. подробнее: *Егоров Е. В*. Россия встречает скандинавизм: имперские представления, каналы коммуникации и практики управления (1843-1864) : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Егоров Евгений Витальевич. 2023. 583 с. URL: https://www.hse.ru/sci/diss/854555767 (Дата обращения 11.11.25)

[7] *В. В. Рогинский*. Скандинавизм // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/3667581?ysclid=mi3cq4m3ks648460925 (Дата обращения 13.11.25).

[8] Там же.

[9] *Solhman A.* Det unga Finland. Stockholm,1855.

[10] *Quanten E. von.* Fennomani och Scandinavism. Stockholm. 1855.

Фенномания же к 1850-60-м годам стала эволюционировать из абстрактного «просвещения народа» к политической практике. Главным катализатором стала Крымская война. Так ряд фенноманов, объединившиеся вокруг газеты «Суометар», вошли в историю Финляндии под именем «старых честных фенноманов». Программа «старых честных фенноманов» не испытала влияния скандинавизма, однако на нее существенно повлияли государственные и политические идеи, господствовавшие в Швеции. «Старые честные фенноманы» не скрывали своей симпатии к «культурному Западу», связь с которым, по их мнению, необходимо было поддерживать для противостояния «угрозе с Востока». Особую опасность для Империи данная фракция представляла из-за того, что газета «Суометар» была самой популярной газетой в Великом княжестве Финляндском.

Также в газете «Суометар» публиковались статьи младофенноманов, в частности Ирьё Коскинена, но они не имели большого веса по причине малого авторитета среди фенноманского движения.

В этих условиях Снельман, решив вступить в дебаты по вопросу позиционирования Финляндии в условиях Польского восстания 1863 года, в мае в газете «Литтературбад» публикует статью «Мир или война Финляндии»[11]. В данной статье он выступает с прагматических позиций: он критиковал скандинавистов и их сторонников среди финляндских эмигрантов за то, что они формируют образ Финляндии, как второй «Польши». Он также обвиняет самих финляндцев в том, что они дают повод усомниться в их лояльности Империи, высказывая поддержку борьбе поляков. Снельман резко отвергает подобные настроения, утверждая, что «у финского народа нет ничего общего с ними»[12], то есть поляками. Также он категорически против предлагаемого либералами «нейтралитета», утверждая: «Трудно представить, как бездумность может быть столь велика, что кто-то всерьез верит в тот факт, что Финляндия сохранит нейтралитет, когда Россия будет вести войну». Его главная мысль — финны «не должны забывать о том, что уже завоевано и добыто. Нужно оглянуться назад и посмотреть, как это было завоевано, чтобы понять, как это можно сохранить»[13]. Далее он пишет, что «любой, кто прочтет это, придет к выводу, что именно благородная справедливость и доброжелательность нынешнего монарха

[11]Krig eller fred för Finland // Litteraturblad för allmän medborgerlig bildning, 1863. No 5. P. 193–201.

[12] Ibid. P. 199.

[13] Ibid.

Финляндии [Александра II — *Газа К. И.*] ускорили радостные события этого времени. Но очевидно, что сама по себе эта справедливость и доброжелательность, в том, что касается Финляндии, основаны на законности требований и законном и обязательном поведении финского народа во всех его формах. Поддерживая это, нация также может обеспечить свое будущее»[14]. Иными словами, Снельман предлагает формирование нового не гласного договора с Императором России, который предполагает благосклонное отношении Империи, способствующее формированию финской нации и государства, в обмен на лояльность финляндцев, как гарантия территориальной целостности Империи на Северо-Западе.

В следующей статье «О гражданской и политической свободе»[15] Снельман поднимает вопрос значимости свобод, а именно что актуальнее на данный момент для финляндцев: гражданские или политические свободы? Снельман считает, что «сознание необходимости политической свободы для дальнейшего развития материальной и духовной культуры страны едва успело пробудиться»[16], и пока что «необходимо воспитывать гражданскую свободу как национальную свободу, как осуществление всех ее прав в новой форме, которую требует и допускает нынешняя внутренняя независимость Финляндии. Именно на этом этапе развития сейчас находится финский народ, и именно с его достижением политическая свобода, даже национальная, приобрела для него особую ценность»[17].

Далее Снельман отмечает резкую политизацию Великого княжества Финляндского, и, как сам Снельман писал, «объяснение можно найти в двух словах: правит Александр II»[18]. Но данные Императором свободы имеют обратный эффект: «те, кто только что ползал, теперь не знают границ своей смелости, и что другие, как всегда и везде, в политическом протесте нашли поле для того, чтобы казаться кем-то, потому что эту видимость здесь можно завоевать без знаний и усилий»[19].

---

[14] Ibid. P. 197–198.

[15] Om medborgerlig och politisk frihet // *Litteraturblad för allmän medborgerlig bildning*. 1863. № 6. P. 241–247.

[16] Ibid. P. 245.

[17] Ibid.

[18] Ibid. P. 246.

[19] Ibid.

Снельман не спорит с тем, что политические свободы необходимы, что «свободная форма правления должна способствовать укреплению национального развития Финляндии. Но она также должна быть национальной в том смысле, что она соответствует уровню политического образования нации»[20].

Иными словами, Снельман призывает финляндскую политическую элиту распоряжаться данной политической свободой разумно, чтобы помогать формированию финской нации. А для этого, как он считает, нужно отбросить антироссийские настроения, и сосредоточиться на внутреннем развитии Финляндии в рамках Российской империи.

Данные статьи были переведены на русский язык и предоставлены Александру II, что можно считать актом неофициальной дипломатии. Фактическим политическим одобрением со стороны Империи было назначение Снельмана на пост начальника первого отделения финансовой экспедиции[21]. Именно он стал проводить экономическую политику в Финляндии после кризиса, который стал следствием Крымской войны.

Таким образом, роль Снельмана заключается в том, что он не только смог сформировать идеологическую основу для формирующейся Финской партии, которая начала проводить национальную политику в Великом княжестве Финляндском, но обосновал идеологически новый негласный договор между Империей и формирующейся финской национальной элитой.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENSES

Barton H. A. Scandinavianism, Fennomania, and the Crimean War, in *Journal of Baltic Studies*. 2005. Vol. 36. № 2. P. 131–156.

Baryshnikov V. N. Sobytiya Krymskoj vojny na Baltike i ih znachenie dlya rossijsko-finlyandskih otnoshenij i dlya obreteniya finlyandskoj identichnosti [Events of the Crimean war in the Baltic and their significance for russain-finnish relations and for the acquisition of finish identity], in Trudy kafedry istorii Novogo i Novejshego vremeni [Proceedings of the Department of Modern and Contemporary History]. 2024. № 24(1). P. 111–139. (In Russian)

[20] Om medborgerlig och politisk frihet // *Litteraturblad för allmän medborgerlig bildning*. 1863. № 6. P. 247.

[21] Сто замечательных финнов : Калейдоскоп биографий. ред. Т. Вихавайнен; пер. с фин. И. М. Соломеща. Хельсинки, 2004. С. 592.

Барышников В. Н. События Крымской войны на Балтике и их значение для российско-финляндских отношений и для обретения финляндской идентичности // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2024. № 24 (1). С. 111–139.

Egorov E. V. Rossiya vstrechaet skandinavizm: imperskie predstavleniya, kanaly kommunikacii i praktiki upravleniya (1843-1864) [Russia Meets Scandinavism: Imperial Notions, Communication Channels, and Governance Practices (1843–1864)] : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskix nauk / Egorov Evgenij Vital`evich, 2023. 583 p. URL: https://www.hse.ru/sci/diss/854555767 (Data obrashheniya 11.11.25) (in Russian)

Егоров Е. В. Россия встречает скандинавизм: имперские представления, каналы коммуникации и практики управления (1843-1864): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Егоров Евгений Витальевич, 2023. 583 с. URL: https://www.hse.ru/sci/diss/854555767 (Дата обращения 11.11.25)

Herää Suomi. Suomalaisuusliikkeen historia. Kuopio, 1989. 479 s.

Postnikov N. D. Politicheskie partii Velikogo knyazhestva Finlyandskogo (60–70-e gody` XIX veka – 1914 god) [Political Parties of the Grand Duchy of Finland (1860s–1870s–1914)]. Moscow: Nauchno-politicheskaya kniga, 2024. 719 p. (In Russian)

Постников Н. Д. Политические партии Великого княжества Финляндского (60–70-е годы XIX века – 1914 год). Москва: Научно-политическая книга, 2024. 719 с.

Qvanten E. von. *Fennomani och Skandinavism*. Stockholm, 1855. 140 p.

Skandinavism. En rörelse och idé under 1800-talet, in *Historisk Tidskrift för Finland*. Edited by Magdalena Hillström & Hanne Sanders.No 1. 2016. P. 119–127.

Sohlman A. *Det unga Finland.* Stockholm, 1855. 60 p.

Sto zamechatel`nyh finnov: Kalejdoskop biografij [One Hundred Remarkable Finns: A Kaleidoscope of Biographies]. red. T. Vixavajnen; per. s fin. I. M. Solomeshha. Helsinki: Obshhestvo finskoj literatury, 2004. 814 p. (in Russian)

Сто замечательных финнов: Калейдоскоп биографий. ред. Т. Вихавайнен; пер. с фин. И. М. Соломеща. Хельсинки: Общество финской литературы, 2004. 814 с.

Suni L. V. Ocherk obshhestvenno-politicheskogo razvitiya Finlyandii (50–70-e gg. XIX v.) [An Essay on the Social and Political Development of Finland (1850s–1870s)]. Leningrad: Nauka, 1979. 247 p. (in Russian)

Суни Л. В. Очерк общественно-политического развития Финляндии (50–70-е гг. XIX в.). Ленинград: Наука, 1979. 247 с.

Takala I. R. Finlyandskaya liniya. Ocherki istorii nacional`noj my`sli Finlyandii (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX veka) [The Finnish Line. Essays on the History of Finnish National Thought (Second Half of the 18th – First Half of the 19th Century)]. Moscow: Media-Direkt, 2013. 76 p. (In Russian)

Такала И. Р. Финляндская линия. Очерки истории национальной мысли Финляндии (вторая половина XVIII – первая половина XIX века). Москва: Медиа-Директ, 2013. 76 с.

ИСТОРИЯ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ СТРАН ЗАПАДА

А. В. Смолин

Смолин Анатолий Васильевич, доктор исторических наук, профессор, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: smolin1947@yandex.ru

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ВИЗИТ (К ПОЕЗДКЕ ЭНДРЮ ВЕЙРА БАРОНА ИНВЕРФОРТА В МОСКВУ В 1926 ГОДУ)

В статье рассматриваются причины несостоявшейся поездки барона Инверфорта в Москву в 1926 г. К ним автор относит материальную помощь СССР английским трудящимся во время всеобщей стачки, а после её окончания бастующим горнякам. Английские консерваторы и подготовленное ими общественное мнение, интерпретировали, это как вмешательство во внутренние дела королевства. Общественный антисоветский психоз не позволил Инверфорту приехать в Москву для установления серьёзных экономических отношений. Вторая попытка, также окончилась неудачей из-за несвоевременного судебного процесса акционерного общества АРКОС против газеты Дейли Мейл. К тому же, судя по всему, советское руководство на первое место выдвигало политику, а затем торговлю и не было готово к прямым переговорам с крупными предпринимателями на этом этапе. Бизнес-круги Англии на первое место ставили торговлю, и это было дополнительным фактором в недопонимании.

Ключевые слова: Инверфорт, всеобщая стачка, консерваторы, АРКОС, общественное мнение, Москва.

A. V. Smolin

Smolin Anatoly Vasilievich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History, St. Petersburg State University.

E-mail: smolin1947@yandex.ru

A VISIT THAT NEVER HAPPENED (ABOUT ANDREW WEIR, BARON INVERFORTH'S TRIP TO MOSCOW IN 1926)

The article examines the reasons for the failed trip of Baron Inverforth to Moscow in 1926. The author attributes them to the material assistance of the USSR to English workers during the general strike, and after its end to striking miners. English conservatives and the public opinion prepared by them interpreted this as interference in the internal affairs of the kingdom. Public anti-Soviet psychosis did not allow Inverforth to come to Moscow to establish serious economic relations. The second attempt also ended in failure due to the untimely trial of the joint-stock company ARCOS against the Daily Mail newspaper. In addition, apparently, the Soviet leadership put politics first, and then trade, and was not ready for direct negotiations with large entrepreneurs at this stage. Business circles in England put trade first, and this was an additional factor in the misunderstanding.

Key words: Inverforth, general strike, conservatives, ARCOS, public opinion, Moscow.

****

После обострения советско-английских отношений в июле 1925 г., связанных с китайской революцией, наступили некоторые признаки их улучшения. В начале следующего 1926 г., по наблюдениям советского военно-морского атташе в Англии Е. А. Беренса, обстановка в Англии для СССР стала «сравнительно благоприятной»[22]. Вместе с тем официальные советские и партийные органы, того времени рисовали картину как крайне напряжённую и близкую к началу войны[23].

Именно в это время один из крупнейших английских судовладельцев того времени, и министр снабжения во время Первой мировой войны, председатель правления «Англо-Персидской нефтяной компании» (Anglo-Persian Oil Company) барон Эндрю Инверфорт планировал совершить поездку в Москву для налаживания англо-советских экономических отношений[24]. Однако она не состоялась. Причину этого попытаемся раскрыть в этой статье. В качестве источника были использованы донесения советского военно-морского атташе Е. А. Беренса в Реввоенсовет СССР, начальнику морских сил и полпреду в Англии отложившиеся в РГАВМФ[25].

Признаком смягчения отношений между Англией и СССР стали дебаты в английском парламенте 1 марта 1926 г. При обсуждении вопроса о предоставлении кредитов для торговли, некоторые депутаты предложили распространить эту меру на СССР, за четыре года это был первый случай такого подхода к советскому государству. Однако при голосовании она не прошла. Вместе с тем, по замечанию Е. А. Беренса, ряд серьёзных людей из Сити говорили: «вот теперь лёд начинает ломаться»[26]. В связи с этим он писал: «Сейчас следовало бы обратить сугубое внимание на правильное налаживание наших торговых отношений, выбирая таких людей и фирмы в Сити, которые действительно могут помочь использовать благоприятный момент. Если наше

[22] РГА ВМФ. Ф.р-1483. Оп. 2. Д. 45. Л. 3.

[23] См.: *Шишкин В. А.* Цена признания. СССР и страны Запада в поисках компромисса (1924–1929 гг.) СПб., 1991. С. 196–200.

[24] Эндрю Вейр 1-й барон Инверфорт (1865–1955) крупный судовладелец, министр снабжения во время Первой мировой войны, один из крупных организаторов. Weir Andrew, first Baron Inverforth (1865–1955) Hamilton Edwards//The dictionary of national biography 1951–1960 edited by E/T/ Williams and Helen M. Palmer. Oxford, 1971. P. 1034 – 1035.

[25] Подробнее о нём см.: *Смолин А. В.* Е. А. Беренс. На службе России. СПб., 2023.

[26] РГА ВМФ. Ф р-910. Оп. 1. Д. 39. Л. 6,7; *Шишкин В. А.* Цена признания. С. 231.

торговое представительство могло бы дирижировать и координировать работу всяких представителей трестов и прочих организаций, находящихся постоянно в Лондоне или приезжающих сюда для переговоров о заказах, направляя её в политически нужное для нас направление — можно было бы значительно продвинуть вперёд и общее налаживание отношений. Сейчас может наступить период, когда мы, проделавши некий круг и, наделавши много ошибок, окажемся опять в исходной точке. Было бы хорошо, если бы мы не пошли проделывать этот круг второй раз зря.

Так как я на эту тему неоднократно писал в прошлые годы, то не буду здесь повторяться: все мои тогдашние доводы и выводы остаются в силе, подтверждённые практикой. Я поднял здесь этот вопрос только потому, что наступает благоприятный момент для давления торговлей на политику и необходимости самого тесного их сотрудничества»[27].

Здесь уместно привести отрывок из письма Е. А. Беренса к помощнику Главкома по морским вопросам Э. С. Панцержанскому от 27 мая 1923 г., в котором он писал, что несмотря на то, что английское правительство не любит советское, но оно опирается на консерваторов, главная опора которых Сити, и торговые и промышленные круги. Те же, в свою очередь, на первое место ставят бизнес «и если его можно делать с Россией, то можно примириться и с правительством». Из этого Беренс делал вывод, что в основе отношений с Англией должна лежать торговля и только потом политика[28]. Поскольку Внешторг, по его мнению, не учёл политической роли торговли в жизни Англии, то он наделал много ошибок. Их корень Беренс видел в том, что советская сторона пользовалась мелкими посредниками, не имевшими никакого веса, а они не могли дать ни поддержки, ни кредита, ни престижа. Своё неумение внешторговцы прикрывали такими высокими словами, как «ограждение от попыток захвата, эксплуатации и похода на монополию внешней торговли»[29]. Эти ошибки, считал атташе, привели к тому, что в разгар кризиса связанного с нотой Керзона, главный советский аргумент, приводимый в защиту договора 1921 г. — торговля, не был поддержан английскими торговыми кругами. Помимо тех немногих, кто отрицательно относился к монополии внешней торговли, имелась значительная часть недовольных организацией советской

[27] РГА ВМФ. Ф. р-910. Оп.1. Д. 39. Л. 7.
[28] Там же. Ф.р-562. Оп. 3. Д. 1467. Л. 14.
[29] Там же. Л. 14 об, 15.

торговли в самой Англии[30]. Эти наблюдения Беренса показывают, что с советской стороны дела в улучшении торговых отношений продвигались медленно.

Возвращаясь к оценке ситуации 1926 г., Е. А. Беренс обратил внимание на то, что пропаганда консервативной партии и правительства стала оказывать меньше впечатления на буржуазные круги, поскольку к ней уже привыкли, и от частого применения это оружие стало притупляться, хотя вспышки антисоветской пропаганды он не исключал. В качестве примера, он приводил спад в откликах буржуазной печати на конгрессы Коминтерна: «конечно и теперь можно найти негодующие или иронические статьи, но это делается без прежнего задора, больше по обязанности»[31].

Вторым моментом, на который обратил внимание атташе, стали упорные слухи о преодолении кризиса в угольной промышленности к маю, которым до этого пугали буржуазию. По предположению Беренса: «При таких условиях и при правильном руководстве нашей торговлей и сделками в Англии, можно оказать давление на Велпра[правительство Великобритании] с той стороны, с которой начался «пробиваться лёд», а именно с деловой - консервативной»[32].

В донесении председателю Реввоенсовета от 12 марта 1926 г. Е. А. Беренс отмечал проявление интереса к отношениям с СССР со стороны крупных деловых кругов. Причём, он то возникал, то ослабевал. Показателем в перемене настроений бизнеса Беренс увидел в выходе на сцену барона Инверфорта, готового заниматься крупными проектами. Ещё 7 мая 1924 г., он и директор «Мидлэнд Бэнк» Р. Маккенна встретились за обедом с советским полпредом в Англии Х. Г. Раковским[33]. Обмен мнениями между Инверфортом и полпредом продолжился и за завтраком 23 апреля 1925 г.[34] Продолжением этих контактов стала беседа Инверфорта с советским торгпредом М. И. Хлоплянкиным в марте 1926 г. В ходе разговора, английский предприниматель, представил план торговых взаимоотношений между странами, не нарушавший монополии

---

[30] Там же. Л. 15.

[31] Там же. Ф. р-910. Оп. 1. Д. 39. Л. 7.

[32] Там же. Л. 8.

[33] *Чернявский Г. И., Станчев М. Г., Тартика (Лобанова М. В.).* Жизненный путь Христиана Раковского. Европеизм и большевизм: неоконченная дуэль. М., 2011. С. 225.

[34] РГА ВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 2874. Л. 47.

внешней торговли СССР и не покушавшийся на экономическую независимость страны[35].

Вскоре последовала встреча Е. А. Беренса с полным адмиралом английского флота Уестер Уимсс (Wester Wemyss), который находился вторым после Д. Битти в списках адмиралов флота, числился состоящим при короле, командовал флотом Средиземного моря во время Первой мировой войны. В 1917 г. являлся первым лордом Адмиралтейства, подписывал вместе с маршалом Ф. Фошем перемирие с немцами.

Во время состоявшейся беседы, речь шла о налаживании англо-советских отношений. При этом адмирал считал, что их можно нормализовать через бизнес, привлекая лиц с громкими именами и устойчивым положением. В свою очередь, Беренс обратил его внимание на трудности в этом отношении, и на неприемлемые для СССР условия. Уимсс констатировал, что ошибки имелись с обеих сторон, но дело слишком серьёзно, чтобы не попытаться его наладить. Затем они перешли к обсуждению предложений Инверфорта. По мнению Беренса, «проект даёт нам возможность перейти из сферы мелко-авантюристической, в которой большей частью, до сих пор путалась наша торговля с Англией, в более крупную. Помимо выгод финансовых и торговых, которые этот проект может нам дать, он окажет и несомненное и политические влияние на наши отношения с Англией»[36]. Уимсс полагал, что одна публикация того, что Инверфорт работает с Советами, произведёт большое впечатление на общественное мнение. Поскольку он не принадлежал ни к одной партии, и это давало ему вес в деловых кругах. В случае если проект Инверфорта и тех, кто за ним пойдёт, осуществится, то изменится и отношение правительства к СССР. Поскольку ему придётся с этим считаться, и оно не сможет чинить тех препятствий, которые были до сих пор, так как правительство понимает, что для облегчения ситуации с безработицей необходимо развитие торговли, адмирал надеялся на осуществление проекта, и со своей стороны обещал следить за ходом дела. Подводя итог прошедшей беседы, Беренс указывал, что адмирал будет проводить ту линию, которая была затронута в разговоре, тем более что Уимсс ни разу не упомянул ни о долгах, ни о пропаганде[37].

О наметившихся, сдвигах в консервативных кругах, близких к правительству, Е. А. Беренс отметил и в докладной записке от 30 марта 1926 г.

[35] РГА ВМФ. Ф.р-1483. Оп. 2. Д. 45. Л. 3.

[36] Там же. Л. 4-5.

[37] Там же. Л. 6.

полпреду[38]. По его мнению, это зависело от внутреннего положения правительства Великобритании. Если оно видело, что престиж СССР в рабочих кругах увеличивался, то склонно было показывать, что оно не считается с существованием СССР и его политикой. В этом оно опиралось на мелкобуржуазные круги. Если они начинали терять интерес к коммунистической опасности, исходившей от СССР и III Интернационала, то прибегали к разным трюкам вроде «письма Зиновьева» и шумихи вокруг конгресса тред-юнионов в Скарборо.

После бесед с парламентариями и деловыми людьми Беренс пришёл к заключению, что поворот в благоприятную для СССР сторону начался тогда, когда правительство поняло, что забастовка в угольной промышленности, с окончанием правительственной субсидии, 1 мая закончится благополучно и до настоящего кризиса дело не дойдёт. К тому же, оно не высоко оценивало влияние СССР на рабочее движение и считало, что до «дела рабочие доходить не собираются».

Сложившуюся ситуацию Е. А. Беренсу подтвердил консерватор, член парламента сэр Хенри Бритайн, и начальник Специального отдела полиции Скотланд-Ярда У. Чайлдс, в обязанности которого входила борьба с пропагандой и слежка за коммунистами[39]. В разговоре, который состоялся примерно 18 марта 1926 г., последний заметил, что «если говорить серьёзно, никакой коммунистической или революционной опасности в Англии не существует, все слухи об этом раздуваются Хом-Офис в целях внутренней политики. Большой вред наносила шумиха с фашистскими и проч[ими] орг[анизациями]. Нет реальной опасности, только нервируют общественное мнение. В этих вопр[осах] Скотланд-Ярд и Хом-Офис расходятся»[40].

Убедившись, что во внутренней политике ему ничего не угрожает, правительство решило перейти к деловой политике с СССР. Поскольку в развитии торговли оно видело облегчение экономической ситуации в собственной стране. При этом оно считало, что налаживать отношение оно будет тогда, когда найдёт это нужным, а не под давлением масс или каких-либо организаций. Беренс подмечал, что когда у СССР имелись успехи на Дальнем и Среднем Востоке, тогда английское правительство делало вид, что не замечает этого, поскольку это для него не важно. Когда же Англия добивается для себя

[38] Там же. Л. 9–12.

[39] Там же. Л. 9.

[40] Там же. Л. 10.

положительных результатов, как это было в Локарно, Китае, Персии, то оно склонно к соглашению с СССР, так как оно может сказать, что делает это не из-за страха, или под нажимом масс. При этом Беренс справедливо считал, что нельзя думать, что правительство может быстро изменить требования к сближению с СССР. По его мнению, перемены не могли произойти до Локарно и уверенности в улаживании всеобщей забастовки.

В марте 1926 г. Беренс имел беседы с банкиром из Сити Матис, за плечами которого имелось 40 лет практики, консерватором членом парламента сэром Хенри Британ, сэром Джорджем Армстронгом и др.[41] Все они говорили о том, что лёд в отношениях между Англией и СССР начал ломаться, и их налаживание возможно через крупный бизнес. При этом за кулисами, как отмечали его собеседники, правительство будет благосклонно смотреть на этот бизнес, как на коммерцию, оставив политику в стороне. При этом, по их словам, правительство официально не откажется от долгов, пропаганды и прочего, но будет способствовать серьёзному бизнесу. Правительство вперёд будет выпускать бизнес, поскольку в области политики с СССР договориться нельзя, так как ни на какие разделы сфер влияния СССР не пойдёт, и от своей политики в Европе и на Востоке не откажется. Сдвиг будет заключаться в отсутствии «страха» у деловых кругов, и они пойдут на сотрудничество. По впечатлению Беренса, «деловые и консервативные круги, настолько привыкли, к «запугиваниям» Хом-Офисом и прессой, что уже резко не реагируют на такие бомбы, как «Письмо Зиновьева»[42].

В связи с намечавшимися переменами Беренс придавал большое значение торговому аппарату СССР в Англии: «Он [торговый аппарат] должен сейчас проявить максиму, ловкости, умения, такта и деловитости, без излишней склонности к рекламе»[43]. Атташе обращал также внимание и на умелое ведение дела, так как это может повернуть настроение общественного мнения в ту или иную сторону. В связи с этим, Беренс считал, что «надо быть осторожным в рекламе выгодных условий кредита в Германии. Надо быть осторожными в том, что удастся добиться во Франции. Выгодные условия заказов во Франции танкеров, надо осторожно и умело распространять в Англии, но без услуг

[41] Там же. Л. 9.
[42] Там же. Л. 11
[43] Там же. Л. 12.

поддерживающей СССР прессы. Распространять в серьёзных кругах и не дразнить англичан тем, что мы учим их торговать, они этого не любят»[44].

Е. А. Беренс отмечал и тот факт, что ни английское правительство, ни деловые круги не придавали значения переговорам, ведшимся в 1926 г. между Францией и СССР, так как считали, что они ни к чему не приведут. К тому же между Францией и Англией существовало соглашение об информировании друг друга о их ходе[45].

О некоторых сдвигах в консервативной партии, по мнению Е. А. Беренса, свидетельствовала и предстоящая поездка четырёх молодых парламентариев консерваторов: Ф. Нельсона, Р. Бурна, Р. Бутби и Р. Мура в СССР, о чём он сообщал в донесении Председателю РВС от 22 апреля 1926 г. Глава делегации Нельсон представлял избирателей рыбаков, живших торговлей рыбой с СССР, и был заинтересован в этом. Правительство и партия в её организации участия не принимали. Визитёры выражали недовольство косностью политики партии в отношении СССР, и заявляли, что они едут с «открытым умом» и хотят основываться на личных впечатлениях. В деловых и политических кругах Англии считали, что, вернувшись из Советской России, они не будут в восторге от увиденного, и поэтому поездке не придавали особого значения.

Перед отъездом с ними беседовал Е. А. Беренс, и они не произвели на него впечатления людей непредубеждённых. Вместе с тем он считал, что им будет трудно понять, что происходит в СССР, не имея никакой подготовки. В связи с этим он давал некоторые рекомендации по их приёму. Атташе считал, что с делегацией надо держаться средней линии, не делать официальных приёмов и не организовывать встречи с официальными лицами в области внешней политики и хозяйственной жизни, а представлять им факты для самостоятельных выводов. При этом он предупреждал: «неизвестно, что будут говорить они по возвращении»[46].

24 апреля английская делегация прибыла в Москву. Однако, судя по всему, к советам Е. А. Беренса не прислушались. В столице английские парламентарии встречались с председателем всесоюзного общества культурных связей с заграницей О. Д. Каменевой, родной сестрой Л. Д. Троцкого, и бывшей женой Л. Б. Каменева, членом президиума ВЦСПС Мельчинским, заведующим Отделом Англо-романских стран С. Б. Каганом, секретарём Коминтерна К. Б.

[44] Там же.

[45] Там же.

[46] Там же. Л. 18.

Радеком[47]. Состоялась встреча и с заместителем наркома иностранных дел М. М. Литвиновым[48].

Е. А. Беренс также предлагал использовать находившегося в то время в Москве влиятельного консерватора С. Тэлбота, являвшегося исполнительным директором Англо-Российской ассоциации по финансовым претензиям, имевшего связи в партии и правительстве[49]. Атташе считал, что для СССР было выгодно использовать более разумное крыло консерваторов[50]. Для налаживания контактов с этими людьми Беренс использовал все возможные методы.

Однако из-за всеобщей стачки в Англии визит пришлось прервать, и делегация 5 мая отправилась на родину. После возвращения, она подготовила отчёт, в котором говорилось о прочности советского правительства, и об автономности Коминтерна в принятии тех или иных решений вне зависимости от мнения правительства. Вместе с тем она предлагала добиваться выплаты царских долгов. Авторы также считали необходимым развивать торговлю Англии с Россией для блага безработных, и предоставить долгосрочные кредиты под советские заказы[51]. Отчёт представили премьер-министру С. Болдуину, который просил его переделать, так как считал, что он благоприятен для СССР[52].

17 мая в парламенте состоялся обед на 8–9 человек во главе с бывшим канцлером казначейства сэром Р. Хорн, председателем «Борд оф Трэд» и министром торговли Кунлифф Листер, членом парламента П. Хенноном, представителем «Бэнк оф Ингланд» М. К. Норманом, также присутствовали и четверо побывавших в Москве парламентария. Трое: Ф. Нельсон, Р. Бутби и Р. Мур дали положительный отзыв о поездке, а Р. Бурн отрицательный. После обеда выступал член парламента от консервативной партии Р. Хорн. Он высмеял докладчиков, пробывших две недели в СССР и написавших отчёт по внушению Москвы. По его мнению, считаться с этим материалом не стоило. Хорн сказал, что сам подписывал торговое соглашение с Москвой, но надежды на

[47] Известия. 1926. 25, 27,28 апреля.

[48] *Сергеев Е. Ю.* Обманчивый рассвет Советский Союз и Великобритания в 1925–1932 гг. М., 2024. С. 85.

[49] *Головко В. А., Станчев М. Г., Чернявский Г. И.* Между Москвой и Западом. Дипломатическая деятельность Х. Г. Раковского. Харьков, 1994. С.233 – 234.

[50] РГА ВМФ. Ф. 1483. Оп. 2. Д. 45. Л. 18, 19.

[51] ДВП СССР Т. 9. С. 739–740; *Шишкин В. А.* Цена признания. С. 231; *Сергеев Е. Ю.* Обманчивый рассвет. С.85.

[52] РГА ВМФ. Ф.р-1483. Оп. 2. Д. 45 Л. 28.

выздоровление ушли, и он готов задушить этого ребёнка, чтобы исправить сделанное зло. В качестве примера вмешательства советского правительства, он привёл задержку в погрузке в Риге двух пароходов с продуктами первой необходимости[53]. В его речи прозвучали и нападки на личный состав АРКОСА. Не удержался он и от критики в адрес Л. Б. Красина, который не сдержал своих обещаний, «теперь он бы ему не подал руки». В заключении Хорн выступил за прекращение сношений с СССР, поскольку они приносят Англии больше вреда, чем пользы[54].

По словам члена парламента Рикета, впечатление от выступления Р. Хора было самое убийственное, поскольку он имел серьёзную репутацию и подписывал торговое соглашение с Советской Россией 1921 г.[55] Неприязненное отношение Хорна к СССР стало ещё большим, после посещения им США и встречи с президентом К. Кулиджем. Последний заверил его в том, что пока он у власти, то не подпишет никаких соглашений с СССР и не допустит в Вашингтон никаких официальных советских представителей.

По замечанию Е. А. Беренса, заявление Хорна это ещё не мнение правительства, которое достаточно осторожно в принятии решений[56]. Это наблюдение являлось крайне важным, поскольку в правящих кругах СССР придавали непропорционально большое значение выступлениям газет и отдельных членов правительства и парламента.

После Р. Хорна выступал министр торговли К. Листер. Он также выразил неудовлетворённость договором, и не видел преимуществ от торговли с СССР, критиковал АРКОС. Вместе с тем он, как и Р. Хорн, считал помощь советских профсоюзов английским тред-юнионам возможной, но не допускал её

---

[53] Вскоре на этот вы выпад ответил барон Инверфорт, которому принадлежали эти пароходы. Инцидент произошёл не в Риге, как говорил Р. Хорн, а в Батуми, и пароходы приняли на борт нефть, а не «продукты первой необходимости». Барон заявил о невмешательстве советского правительства в задержку загрузки пароходов. Капитаны судов донесли, что задержка произошла из-за забастовки солидарности профсоюзов СССР. РГА ВМФ. Ф. р-1483. Оп. 2. Д. 45. Л. 30. По сообщению газеты Известия от 6 июня 1926 г., загрузка двух британских судов «Валетта» и «Люминус» в порту Батуми была вызвана забастовкой солидарности с английскими тред-юнионами. Советское правительство к этому не имело отношения. 29 мая после погрузки ушла «Валетта», на 30 мая намечался выход Люминуса».

[54] РГА ВМФ. Ф.р-1483. Оп. 2. Д. 45. Л. 28.

[55] Там же. Л. 29.

[56] Там же. Л. 32.

использования для ведения пропаганды в Англии[57]. Другие присутствовавшие считали, что доводить дело до разрыва не следует, а необходимо добиваться невмешательства во внутренние дела. АРКОС же предлагали заменить смешанным русско-английским обществом.

В результате решили вести наступление на торговый договор, а после начала сессии парламента и настаивать на его разрыве[58]. Как видно из выступления Р. Хорна и К. Листера, та часть консерваторов, мнение которых они выражали, потеряла надежды на перерождение общественно-политического строя в СССР и взяла курс на разрыв торгового договора 1921 г. В критику отчёта депутатов-консерваторов, побывавших в СССР, включилась и консервативная пресса[59]. Таким образом, надежды на то, что поездка четвёрки даст импульс для налаживания отношений, не оправдались.

В правительстве Англии большинство выступало за решительные действия, но премьер С. Болдуин колебался. На него давили, как члены кабинета, так и влиятельные финансисты. По мнению Е. А. Беренса, это было в большей степени наступление на АРКОС, чем на СССР. После прекращения всеобщей забастовки сторонники окончательного разрыва с СССР окрепли, и с ними правительству приходилось считаться. Однако шансы на разрыв соглашения представлялись военно-морскому атташе, в это время, маловероятными[60].

Вместе с тем Беренс обращал внимание на затруднения, возникавшие с получением кредитов. Он также не исключал, сильного течения против СССР «готового использовать всякую нашу оплошность, недосмотр или перегиб. Жупел пропаганды уже всем надоел. Если в торговле есть грехи и проблемы, (что, несомненно), то на них надо обратить сугубое внимание, так как они нам больше портят, чем все тори вместе взятые»[61]. Таким образом, ситуация в Англии, в отношении к СССР, представляла собой своеобразные качели.

О быстром изменении обстановки свидетельствуют и перемены в настроении Инверфорта. 19 мая в советском полпредстве состоялась встреча Е. А. Беренса и сотрудника посольства Радомского с доверенным лицом барона Рикетом по поводу получения из Москвы разрешения на его приезд в СССР.

---

[57] Там же. Л. 29.

[58] Там же. Л. 30

[59] *Шишкин В. А.* Цена признания. С. 232.

[60] РГАВМФ. Ф. р- 1483. Оп. 2. Д. 45. Л. 31.

[61] Там же. Л. 33.

Однако Инверфорт пока не стремился воспользоваться приглашением в ожидании мнения Болдуина и финансистов Сити о дальнейшей политике в отношении с СССР. Он хотел договориться с Москвой, но считал, что сейчас этого сделать нельзя поскольку обстановка в Англии была неблагоприятной[62].

Однако, уже 28 мая в 11 ч. в советском Полпредстве произошла встреча Инверфорта с торгпредом М. И. Хлоплянкиным, на которой он заявил о своём желании посетить СССР. Поскольку барон Инверфорт первый раз появился в полпредстве, в разгар кризиса в англо-советских отношениях, то его визит был обставлен конспиративно. Сначала он посетил члена парламента Дж. Армстронга, дом, которого находился неподалёку от полпредства, а затем прошёл к месту назначения пешком. Автомобиль ожидал на одной из ближайших улиц[63].

Беседа продолжалась около получаса. Инверфорта сопровождал Рикет, а военно-морской атташе Е. А. Беренс присутствовал в качестве переводчика. В ходе встречи торгпред заверил барона, что в Москве с пониманием относятся к его визиту. Однако, прежде чем ехать, следовало договориться о базе переговоров. Меморандум Инверфорта полностью в Москве обсуждён не был, и его рассмотрение отложили до приезда. Такой расплывчатый ответ англичанина не удовлетворил. В свою очередь, торгпред являлся противником меморандума, но в то же время проявлял заинтересованность в налаживании экономических связей между странами. Основная идея Инверфорта состояла в привлечении крупных английских промышленных и финансовых кругов к экономическим отношениям с СССР.[64]

В начале разговора Инверфорт нервничал, и диалог носил сдержанный и официальный характер, но как только торгпред заверил собеседника в том, что вопросы, поднятые бароном, лучше обсуждать в Москве, не связывая с меморандумом, общение стало менее официальным[65].

В ходе беседы выяснилось, что барон готов к отъезду 11 июня на одном из своих пароходов. Поездку следовало сохранять в тайне. Предполагалось, что он поедет не под своей фамилией по маршруту Лондон–Либава–Ленинград. Поэтому следовало подготовить груз, чтобы не возбуждать лишних толков. До поездки Инверфорт собирался переговорить с премьером, который тоже

[62] Там же. Л. 28, 31.
[63] Там же. Л. 37.
[64] Там же. Л. 35.
[65] Там же. Л. 37.

выступал за инкогнито. Не разглашение поездки такого известного в деловых и правительственных кругах человека говорило о накале внутренней борьбы в правящих кругах Англии.

Во время встречи барон предложил Беренсу сопровождать его в поездке, объяснив это так: «Пожалуйста, адмирал, поедемте со мной, вы знаете нашу психологию и были бы очень ценны для этого дела. Кроме того, если премьер узнает, что именно вы едете со мной, он будет очень доволен, он вас знает и будет спокоен, что в дело не введено лишних лиц»[66]. Подводя итог беседы, Беренс записал: «Если поездка состоится, её следует хорошенько продумать, организовать и провести. Насколько мне известно, это будет первый действительно большой кит, с английской стороны, появившийся у нас. Инверфорт является управляющим личным состоянием короля»[67].

В поездку Инверфорт хотел взять Рикета и сэра Джона Мани, крупного финансиста, статистика и эксперта. В правительстве за визит выступал С. Болдуин, против были У. Черчиль, Ф. Э. С. Биркинхед, Л. Ч. Эмери, колебался У. Бриджмен[68].

Зная бюрократизм советских учреждений в Москве, Беренс взял на себя смелость дать некоторые рекомендации относительно приёма высокого гостя. В случае, если поездка состоится через Ленинград, по его мнению, следовало упростить все формальности по встрече парохода и предупредить об инкогнито. Требовалось также назначить лицо, которое будет встречать делегацию в Ленинграде и отправит в Москву и определит там её место жительства. При этом, Инверфорт не хотел встречаться с публикой и иностранцами. Беренс предлагал заранее определить круг лиц, с которыми будет общаться барон. Он также просил выдать себе мандат, чтобы на его основании можно было устранять возникающие препятствия и увеличить оклад содержания на поездку, чтобы быть вместе с делегацией и не зависеть от неё финансово[69].

Сам Е. А. Беренс придавал очень большое значение визиту Инверфорта для улучшения англо-советских отношений. Он отмечал, что сведения, привезённые из Москвы, будут иметь большое значение в политических, экономических и финансовых кругах. Продолжая свою мысль, атташе писал, что

[66] Там же. Л. 36.
[67] Там же. Л. 37.
[68] Там же. Л. 41.
[69] Там же. Л. 41–43.

если барон встанет на сторону улаживания отношений, то это будет мина под Форин Офис, поскольку он «безнадёжен»[70].

Ввиду предстоящего визита, Е. А. Беренс составил для советского руководства, достаточно развёрнутую характеристику человеческих и деловых качеств барона: «Инверфорт очень занятой человек, крайне ценящий время. Скупой на слова и привыкший вести переговоры идя прямо к цели, без тонкостей дипломатии. Он решил ехать в Москву, надеясь, что там ему сразу удастся войти в деловой контакт с теми нашими заправилами, которые уполномочены выслушивать предложения, выдвигать свои и РЕШАТЬ то, на что договорились». Опасаясь того, что приехавшего в Москву Инверфорта «начнут гонять от одной инстанции к другой, из которых ни одна ничего решить не может», он предлагал организовать встречи с А. Н. Рыковым, Г. В. Чичериным, Л. Б. Каменевым. Поскольку последний в Москве отсутствовал, то Беренс считал возможным, заменить его кем-нибудь другим, так как барон интересовался не частными вопросами продажи или купли отдельных предметов, а большим вопросом нашей торговли и её финансированием в Англии в целом»[71].

Оценивая деловые черты Инверфорта, Е. А. Беренс писал: «Можно, в конце концов, с ним не договориться, но НУЖНО, чтобы он вынес деловое впечатление, т.е. знал бы конкретно, почему разошлись. При его характере упорного шотландца его неудача не обескуражит, нужно только, чтобы она была обставлена «деловито». До сих пор, при его разговорах в Лондоне, всегда бывало, что его предложения не приемлемы, но резоны с нашей стороны давались самого общего порядка. Характер людей подобных Инверфорту таков, что они довольны даже в случае неудачи, лишь бы с ними говорили кратко и определённо, приводя резоны отклонения и делая контрпредложения соответствующего масштаба»[72]. На переговоры Инверфорт отводил 4-5 дней, в случае если с ним будут говорить люди могущие принимать решения.

Поездка барона Инверфорта в СССР могла стать важным этапом в налаживании англо-советских отношений, но как раз в это время проходила всеобщая стачка в Англии. Официально помощь забастовщикам оказывали профсоюзы СССР. В действительности с началом стачки Политбюро ЦК ВКП(б) 4 мая 1926 г. приняло постановление «о мероприятиях Коминтерна и советских

[70] Там же. Л. 38.

[71] Там же.

[72] Там же. Л. 39–40.

организаций в связи со стачкой английских горняков». Оно также приняло решение о выделении советскими профсоюзами крупной денежной помощи бастующим[73]. Эта и подобная информация поступала от английской агентуры, внедрённой в высшие органы управления СССР[74]. Нельзя исключать и того факта, что высокая информированность Форин офис о советской помощи связана с наличием агентов спецслужб в руководстве компартии Великобритании и Генсовете[75]. Всё это вызвало негативную реакцию в консервативных кругах Англии против СССР, которые считали, что это помощь правительства.

В сложившейся ситуации, Инверфорт не хотел воспользоваться приглашением и решил выждать, узнав реакцию премьер-министра С. Болдуина и финансистов Сити. Он хотел договориться с СССР, но данный момент считал неблагоприятным, и планировавшаяся поездка не состоялась[76].

12 июня 1926 г. правительство Великобритании направило правительству СССР ноту, в которой в резкой форме осуждало советскую финансовую помощь бастующим английским трудящимся. Эту ноту Е. А. Беренс расценивал, как жест правым, а также как попытку, связанную с уменьшением помощи забастовщикам[77]. Ответ советского правительства[78], по отзыву Беренса, произвёл хорошее впечатление краткостью и корректностью. Вместе с тем Беренс считал, что пока шла забастовка ожидать перемен в политике правительства не приходится. Вместе с тем он считал, что до осени СССР обеспечен от серьёзных осложнений[79].

В этой крайне нервозной обстановке стала неуместной нота Временного поверенного в делах А. П. Розенгольца министру иностранных дел Великобритании О. Чемберлену от 10 июня 1926 г. о придании полпредству

---

[73] Всеобщая забастовка в Англии в мае 1926 г. Из «особой папки» политбюро ЦК ВКП(б)// Исторический архив. 1995. № 1. С.8-9, 14, 17, 25; *Прокопов А. Ю.* Коммунистический Интернационал в 1920-е годы: британское направление деятельности // Вестник МГИМО – университета. 2009. №6 (9). С 61 – 62.

[74] См.: *Сергеев Е. Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб., 2019. С. 372–375, 445, 468, 780.

[75] *Сергеев Е. Ю.* Обманчивый рассвет. С. 98.

[76] РГА ВМФ. Ф р-1483. Оп. 2. Д. 45. Л. 31.

[77] Англо-советские отношения со дня подписания торгового соглашения до разрыва (1921–1927 гг.). Ноты и документы. М., 1927. С. 92.

[78] Там же. С. 92–93.

[79] РГА ВМФ. Ф. р-1483. Оп. 2. Д. 45. Л. 50.

статуса посольства. Беренс обратил его внимание на несвоевременность этого шага, но это не возымело действия[80]. В таком случае реакция была вполне предсказуема. В ответной ноте и.о. заведующего департамента МИД Орде говорилось, что «Правительство Его Величества рассматривает настоящий момент, не подходящим для обсуждения данного предложения»[81].

Давая оценку обстановки, сложившейся в Англии, в донесении от 17 июня 1926 г. Е. А. Беренс писал, что нынешний кризис превзошёл обострение в отношениях, связанные с нотой Керзона и «письмом Зиновьева», поскольку компания на это раз шла от низов консервативной партии. По его данным, за разрыв с СССР выступало 80% консерваторов. Часть прессы, инспирируемая лордом Э. У. Бивербруком и газетным магнатом лордом Ротермиром, считала нужным ликвидировать отношения с советским правительством и вести переговоры о новом соглашении, учтя ошибки старого. Однако на этот раз такие газеты, как «Таймс», «Дейли Телеграф» и «Морнинг Пост» активного участия в компании не принимали[82]. В этой обстановке противники англо-советских отношений собирали многотысячные митинги с осуждением вмешательства Советов во внутренние дела Великобритании[83].

Раскрывая механизм подготовки «кризисов» в Англии, Е. А. Беренс писал: «всякому знакомому с организацией подготовки и проведения «кризиса» было ясно, что ответственная часть партии и Велпра [правительство Великобритании], не хотели на этот раз обострять отношения с нами и все ответы Велпра в парламенте были лишь уступкой крайней части тори и кабинета, напору идущему снизу и поддержанному Бивербруком и Ротермир»[84]. Вместе с тем к развернувшейся компании примкнули финансовые круги Сити, различных обществ-кредиторов России, и отдельных лиц, и преуменьшать их влияние, по мнению атташе, не следовало. Непосредственным элементом нападок стал АРКОС. Для Сити АРКОС являлся чужеродным элементом торговли. Англичане публиковали сведения о количестве служащих с их характеристикой, подозревая их в шпионаже[85].

---

[80] Там же. Л. 52.

[81] ДСВ. Т. IX. М., 1964. С. 303–304.

[82] РГА ВМФ. Ф.р-1483. Оп.2. Д. 45. Л. 47.

[83] *Сергеев Е. Ю.* Обманчивый рассвет. С. 99.

[84] Там же. Л. 48.

[85] *Сергеев Е. Ю.* Обманчивый рассвет. С. 154–156.

По наблюдениям Е. А. Беренса, политику с Англией можно было строить с надеждой на успех, через торговлю и от её организации зависели советско-английские отношения, о чём он неоднократно писал в Москву. Оценивая обстановку в Англии атташе считал, что на правительство оказывали давление, но что в данный момент ему нет смысла ссориться с Россией. По его сведениям, министр иностранных дел О. Чемберлен против разрыва и им недовольны крайне правые, в то время как Ф. Биркенхед, У. Черчиль, Л. Эмери, У. Бриджмен — за. В кабинете против обострения отношения был и премьер С. Болдуин, но на него оказывали сильное влияние непримиримые в кабинете и крайне правые в парламенте, что и приводило к колебаниям с его стороны. Деловые люди считали, что надо дать улечься компании. Тот же Инверфорт не оставлял надежды на поездку в Москву, как только позволит обстановка[86].

Вместе с тем, Беренс надеялся на улучшение отношений через контакты с умеренными консерваторами. 17 и 20 июня состоялись его встречи с Дж. Армстронгом. Вторая беседа продолжалась более трёх часов. Армстронг считал, что компания против СССР основана на столкновении двух миросозерцаний, а официальные поводы можно отнести к придиркам. Он обещал пропагандировать более трезвый взгляд на вещи и выгодность торговых отношений для двух стран и рекомендовал, не обращать внимание на шум, поднятый в печати. Он также просил не относить Джойсон Хикса (министр внутренних дел) к крайне правым в отношении к СССР, так как он не являлся сторонником крайних мер. К заправилам крайне правых Армстронг отнёс У. Черчиля, но его положение на тот момент не являлось твёрдым, поскольку ему не могли простить принадлежности к либералам. Армстронг процитировал недопустимый, с его точки зрения, следующий пассаж в речи Черчиля 19 июня: «они[кредиторы] должны сознавать принимаемый на себя риск и должны понимать, что ни в коем случае британское казначейство не возьмёт на себя никакой ответственности если они будут обмануты»[87]. По мнению Армстронга, это давало СССР право выступить с нотой, предложив план ответа. Он также проинформировал Беренса о том, что на совещании 18 июня, банкиры высказали своё нежелание жертвовать даже небольшой прибылью, в угоду политическим соображениям Черчиля. Вместе с тем энергичное меньшинство в правительстве старалось вербовать сторонников в парламенте и партии[88].

[86] РГА ВМФ. Ф.р-1483. Оп.2. Д. 45. Л. 49.

[87] Там же. Л. 54.

[88] Там же. Л. 55.

21 июня в вечернем выпуске «Ивнинг Стандарт» появилась передовица с нападками на У. Черчиля за его речь 19 июня. Оказалось, что после разговора с Е. А. Беренсом Дж. Армстронг завтракал с главным редактором этой газеты Р. Д. Блюменфельдом. После чего и появилась эта публикация. Можно предположить, что эта встреча не прошла бесследно. Хотя складывавшуюся ситуацию нельзя назвать простой. В этот же день частные банки получили намёк со стороны «Бэнк оф Ингланд» о соблюдении сдержанности и осторожности в делах с СССР. И хотя он исходил не от правительства, но всё же являлся предостережением[89].

В этой обстановке полной противоречий обсуждалась и новая дата возможной поездки лорда Инверфорта в СССР. В сообщении Беренса Председателю РВС СССР от 16 августа говорилось, что барон выезжает 19 августа и будет в Ленинграде 20. Заявлялось, что цель поездки состояла в выяснении отношения СССР к выдвигаемым им экономическим и финансовым проектам. А также налаживанию более тесного сотрудничества. Поездка организована с полного одобрения премьер-министра С. Болдуина. Важным условием посещения Москвы Беренс считал, чтобы барон был гостем советского правительства. Во время пребывания в СССР Инверфорт хотел встретиться с И. В. Сталиным, Г. В. Чичериным, М. М. Литвиновым, А. Н. Рыковым. Выбор лиц для переговоров говорил о серьёзности его намерений. Вторично предполагавшейся поездке, как и первой, несостоявшейся, придавался секретный характер.

В сообщении Е. А. Беренса, так же говорилось о разногласиях, по поводу визита, возникших между Полпредом (А. П. Розенгольц в то время был временно поверенным в делах) и Торгпредом (М. И. Хлоплянкин). Последний выступал за отмену поездки, поскольку произошла смена наркомов внешней торговли и вряд ли новое руководство будет столь же авторитетно, как старое, во главе с Л. Б. Красиным. НКИД, по его мнению, к поездке относится хладнокровно и не проявит к разговорам серьёзности. Со своей стороны Полпред действовал на основании инструкции из Москвы — «Пусть едет»[90].

В то же время Е. А. Беренс не понимал того, как смотрят на визит Инверфорта в Москве и задавался вопросом: «С государственной ли точки зрения?». Чтобы уяснить, ситуацию он решает поехать во Францию, к бывшему

[89] Там же. Л. 56.

[90] Там же. Л 78–80.

полпреду в Англии Х. Г. Раковскому, как человеку хорошо знакомому с политической обстановкой в СССР и Англии и часто посещавшему Москву, чтобы узнать его мнение. По-видимому, она состоялась до 16 августа, поскольку о ней речь шла в донесении от этого числа. Х. Г. Раковский согласился с Е. А. Беренсом о значимости предстоящего визита и необходимости его должной подготовки. Он предлагал отложить поездку, чтобы дать правительству время для подготовки, но тогда надо было предложить новые сроки. Сошлись на том, что Х. Г. Раковский даст телеграмму в Москву о значении поездки Инверфорта для СССР. Вернувшись в Лондон, Беренс узнал, что поездка не откладывается, а в Москве будут приняты все меры, что бы она прошла хорошо[91]. Однако, и она не состоялась.

Возможно, что здесь свою роль сыграло негативное отношение М. М. Литвинова. Поскольку он выступал против посреднической роли влиятельных бизнесменов вроде барона Инверфорта, в отношениях между английскими деловыми кругами и советским правительством[92].

Вполне вероятно, что на решение Инверфорта отложить визит повлиял новый всплеск напряжённости в отношениях Англии и СССР. Е. А. Беренс связывал его с возбуждением АРКОС судебного процесса против правой газеты «Дейли Мейл». Расположенные к СССР консерваторы критиковали АРКОС за этот шаг. По их мнению, «Дейли мейл» выйдет сухой из воды, усилит кампанию против СССР, облегчит положение противников и затруднит позицию правительства в отношении кризиса[93]. К процессу шла основательная подготовка. Материалы собирались даже Скотланд-Ярдом, который делал акцент на личном составе и организации АРКОС. К процессу примкнули и недовольные АРКОС финансисты Сити, ставящие ему в вину связи с торгпредством и получении привилегий от правительства СССР. Процесс должен был взбудоражить партийную массу консерваторов. В связи с этим определённое значение имело пребывание правых консервативных парламентариев на местах, где они агитировали за разрыв отношений с СССР.

Не лучшим образом складывалась и ситуация в советском полпредстве в Лондоне. С 23 июня 1923 г. по 30 октября 1925 г. полпредом в Англии, до перевода во Францию, являлся Х. Г. Раковский. С 30 октября 1925 г. полпредом в Англию назначался Л. Б. Красин, одновременно оставаясь наркомом внешней

---

[91] Там же. Л. 78–81.

[92] *Сергеев Е. Ю.* Обманчивый рассвет. С. 100.

[93] РГАВМФ. Ф р-1483. Оп. 2. Д. 45. Л. 51.

торговли. Однако по состоянию здоровья он смог прибыть в Лондон только 28 сентября 1926 г., а 24 ноября скончался. Таким образом, полпредство почти год существовало в режиме междуцарствия. Судя по всему, руководящую роль в нём стал играть первый советник полпредства, а затем временный поверенный в делах бывший член РВС СССР, возглавлявший в 1923–1924 гг. ВВС РККА, а в 1925 г. отправленный на дипломатическую работу А. П. Розенгольц, не подготовленный к такой деятельности. После смерти Красина он становится полпредом, вплоть до разрыва дипломатических отношений в мае 1927 г. Советник по делам печати советского полпредства в Лондоне И. М. Майский давал ему такую характеристику: «Новый советник — Аркадий Розенгольц, который, однако, по своему характеру и воспитанию мало подходил для дипломатической работы за границей. Из-за болезни Красина Розенгольцу пришлось возглавить полпредство в самый критический период — зимой 1926/27 г. — и это сыграло свою роль в развитии событий, закончившихся разрывом англо-советских отношений весной 1927 г.»[94]. И добавлял: «Работать с ним [А. П. Розенгольцем] было очень нелегко»[95]. По сути, отрицательная характеристика Розенгольца имеется письме Е. А. Беренса на имя председателя РВС СССР К. Е. Ворошилова, написанном в дипломатической манере. Там находим такую фразу: «В заключении считаю долгом высказать ещё мнение, что чем раньше будет окончательно решён вопрос о настоящем полпреде в Лондоне и чем раньше он сюда приедет — тем лучше»[96]. Однако приезд больного Л. Б. Красина в сентябре и нового торгпреда Л. М. Хинчука последовал слишком поздно и ничего изменить они не смогли[97].

Говоря о причинах, вызвавших неудачу визита барона Инверфорта в СССР, следует отметить, что его подготовка проходила в крайне сложной обстановке, сложившейся в это время в Великобритании. До всеобщей стачки и забастовки горняков отношение к экономическим связям с СССР постепенно начало меняться в лучшую сторону. Однако после того, как политическое руководство СССР и Коминтерн приняли решение оказывать финансовую помощь тред-юнионам и КПВ, консерваторы взяли курс на разрыв договора 1921 г. И это помешало первой поездке, но на второй визит в августе, на наш взгляд, оказала влияние судебная тяжба АРКОСА с «Дейли Мейл». Но и в этой

[94] *Майский И. М.* Воспоминания советского дипломата. М., 1971. С. 16.
[95] Там же. С. 85.
[96] РГА ВМФ. Ф.р-1483. Оп. 2. Л. 52.
[97] *Шишкин В. С.* Цена признания. С. 238, 241, 245.

обстановке Инверфорт и стоящие за ним круги не теряли надежды на определённые договорённости в экономической сфере.

Нельзя не отметить, что на англо-советские отношения влияла борьба, развернувшаяся в СССР между сторонниками мировой революции и строителями социализма в одной стране. За ней очень внимательно следили в политических кругах Англии и делали соответствующие выводы. Определённый урон наносила и не всегда профессиональная деятельность представителей полпредства и торгпредства.

Правые консерваторы, выступавшие за разрыв отношений, и мобилизовавшие всех членов своей партии, и обращавшиеся к подготовленному ими общественному мнению, оказались сильнее и на это раз.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Anglo-sovetskie otnosheniya so dnya podpisaniya torgovogo soglasheniya do razryva (1921 – 1927 gg.). Noty i dokumenty [Anglo-Soviet Relations from the Signing of the Trade Agreement to Its Breaking (1921–1927). Notes and Documents]. Moscow: Litizdat Narodnogo Komissariata po Inostrannym Delam, 1927. 176 p. (In Russian)

Англо-советские отношения со дня подписания торгового соглашения до разрыва (1921 – 1927 гг.). Ноты и документы. Москва: Литиздат Народного Комиссариата по Иностранным Делам, 1927. 176 с.

Vseobshchaya zabastovka v Anglii v mae 1926 g. Iz «osoboy papki» politbyuro TSK VKP(b) [The General Strike in England in May 1926. From the "Special Folder" of the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)], in *Istoricheskiy arhiv*. 1995. No. 1. P. 5–28. (In Russian)

Всеобщая забастовка в Англии в мае 1926 г. Из «особой папки» политбюро ЦК ВКП(б)// Исторический архив. 1995. № 1. С. 5–28.

Golovko V. A., Stanchev M. G., Chernyavsky G. I. *Mezhdu Moskvoy i Zapadom. Diplomaticheskaya deyatelnost H. G. Rakovskogo [Between Moscow and the West. The Diplomatic Activities of Kh. G. Rakovsky]*. Kharkov: OKO, 1994. 383 p. (In Russian)

Головко В. А., Станчев М. Г., Чернявский Г. И. Между Москвой и Западом. Дипломатическая деятельность Х. Г. Раковского. Харьков: ОКО, 1994. 383 с.

Maisky I. M. *Vospominaniya sovetskogo diplomata 1925–1945 gg. [Memories of a Soviet Diplomat 1925–1945]*. Moscow: Nauka, 1971, 712 p. (In Russian)

Майский И. М. Воспоминания советского дипломата 1925–1945 гг. Москва: Наука, 1971.712с.

Prokopov A. Yu. Kommunisticheskiy Internatsional v 1920-e gody: britanskoe napravlenie deyatelnosti [The Communist International in the 1920s: The British Direction of Activity], in *Vestnik MGIMO – universiteta*. 2009. No. 6(9). P. 54–64. (In Russian)

Прокопов А. Ю. Коммунистический Интернационал в 1920-е годы: британское направление деятельности // Вестник МГИМО – университета. 2009. №6(9). С. 54 – 64.

Sergeev E. Yu. *Bolsheviki i anglichane. Sovetsko-britanskie otnosheniya, 1918 – 1924 gg.: ot interventsii k priznaniyu [Bolsheviks and the British. Soviet-British Relations, 1918–1924: From Intervention to Recognition]*. St. Petersburg: Nauka, 2019. 831 p. (In Russian)

Сергеев Е. Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. Санкт-Петербург: Наука, 2019. 831 с.

Sergeev E. Yu. *Deceptive Dawn: The Soviet Union and Great Britain in 1925–1932*. Moscow: Tovarishchestvo nauchnyh izdaniy, KMK, 2024. 397 p. (In Russian)

Сергеев Е. Ю. Обманчивый рассвет Советский Союз и Великобритания в 1925–1932 гг. Москва: Товарищество научных изданий, КМК, 2024. 397 с.

Smolin A. V. *Evgeniy Andreevich Berens (1876–1928). Na sluzhbe Rossii [Evgueni Andreïevitch Berens. In the Service of Russia]*. St. Petersburg: Evraziya, 2023. 320 p. (In Russian)

Смолин А. В. Евгений Андреевич Беренс (1876–1928). На службе России. Санкт-Петербург: Евразия, 2023. 320 с.

Khormach I. A. *Velikobritaniya v mezhdunarodnoy politike SSSR 1924–1939 gg. [Great Britain in the International Politics of the USSR 1924–1939]*. Moscow; St. Petersburg: Institut rossiyskoy istorii RAN; Tsentr gumanitarnyh initsiativ, 2025. 560 p. (In Russian)

Хормач И. А. Великобритания в международной политике СССР 1924–1939 гг. Москва; Санкт-Петербург: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2025. 560 с.

Chernyavsky G. I., Stanchev M. G., Tartika (Lobanova M. V.). *Zhiznennyy put Hristiana Rakovskogo. Evropeizm i bolshevizm: neokonchennaya duel [The Life of Christian Rakovsky. Europeanism and Bolshevism: An Unfinished Duel]*. Moscow: Tsentropoligraf, 2011. 556 p. (In Russian)

Чернявский Г. И., Станчев М. Г., Тартика (Лобанова М. В.). Жизненный путь Христиана Раковского. Европеизм и большевизм: неоконченная дуэль. Москва: Центрополиграф, 2011. 556 с.

Shishkin V. A. *Tsena priznaniya SSSR i strany Zapada v poiskah kompromissa (1924–1929 gg.) [The Price of Recognition: The USSR and Western Countries in Search of a Compromise (1924–1929)]*. St. Petersburg: Nauka, 1991. 438 p. (In Russian)

Шишкин В. А. Цена признания СССР и страны Запада в поисках компромисса (1924–1929 гг.). Санкт-Петербург: Наука. 1991. 438 с.

Shishkin V. A. *Stanovlenie vneshney politiki poslerevolyutsionnoy Rossii (1917–1930 gody) i kapitalisticheskiy mir: ot revolyutsionnogo «zapadnichestva» k «natsional-bolshevizmu». Ocherk istorii [The Formation of Foreign Policy in Post-Revolutionary Russia (1917–1930) and the Capitalist World: From Revolutionary "Westernism" to "National Bolshevism." An Essay on History]*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2002. 361 p. (In Russian)

Шишкин В. А. Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир: от революционного «западничества» к «национал-большевизму». Очерк истории. Санкт-Петербург: «Дмитрий Буланин», 2002. 361 с.

Чепик Виктор Николаевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Нового и новейшего времени, институт Истории, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: v.chepik@spbu.ru

ОТНОШЕНИЕ АНГЛИКАНСКОЙ ЦЕРКВИ К ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

В статье рассматривается процесс вовлечения христианской церкви в международную политику. На примере англиканской церкви прослеживается зависимость позиции «официальной» церкви от политического курса правительства по вопросу европейской интеграции. Автор утверждает, что идея объединения на основе христианских ценностей хорошо вписывалась в послевоенный контекст начинавшейся холодной войны. Координационным центром «духовного союза» Запада выступал Всемирный совет церквей, созданный в 1948 г. Региональное же объединение Запада, на основе христианства, началось с «духовной федерации», которую предложил глава британского Форин офис. После принятия «плана Шумана» и при активном участии римско-католической церкви она была наполнена новым «духовным» содержанием. В заключении утверждается, что англиканская церковь полностью поддерживала политику правительства, её представители участвовали в организации христианских движений в поддержку объединения Европы как внутри страны, так и на «европейском» уровне. Объединению христианства на межконфессиональном уровне способствовал не только опыт объединения Европы на христианской основе в Средние века, и не только потребность в общем духовном союзе для общего рынка, но и холодная война. Она позволяла использовать христианскую идею в качестве одного из средств борьбы с советским коммунизмом в идеологической основе которого лежал атеистический материализм.

Ключевые слова: англиканская церковь, протестантизм, католичество, европейская интеграция, холодная война.

Chepik Viktor Nikolaevich, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Modern and Contemporary History, Institute of History, St. Petersburg State University.

E-mail: v.chepik@spbu.ru

THE ATTITUDE OF THE ANGLICAN CHURCH TO EUROPEAN INTEGRATION IN THE CONTEXT OF INTERFAITH DISCOURSE

The article examines the process of involving the Christian Church in international politics. Using the example of the Anglican Church, the dependence of the position of the "official" church on the political course of the government on the issue of European integration is traced. The author argues that the idea of unification on the basis of Christian values fit well into the post-war context of the beginning of the Cold War. The coordinating center of the "spiritual union" of the West was the World Council of Churches, created in 1948. After the adoption of the "Schuman Plan" and with the active participation of the Roman Catholic Church, it was filled with a new "spiritual" content. In conclusion, it is argued that the Anglican Church fully supported the policy of the government, its representatives participated in the organization of Christian movements in support of the unification of Europe both within the country and at the "European" level. The unification of Christianity at the interconfessional level was facilitated not only by the experience of the unification of Europe on a Christian basis in the Middle Ages, and not only by the need for a common spiritual union for a common market, but also by the Cold War. It made it possible to use the Christian idea as one of the means of combating Soviet communism, the ideological basis of which was atheistic materialism.

Key words: Anglican Church, Protestantism, Catholicism, European integration, Cold War.

****

В современном Европейском Союзе церкви различных христианских конфессий участвуют в общественно-политических дискуссиях по широкому спектру вопросов, связанных с правами человека, образованием, культурой, этикой и генетикой человека, выступают за мирное разрешение конфликтов, сохранение семейных ценностей и распространения идей солидарности. С критических позиций оценивают как отношение общества к религии и религиозным ценностям, так и политику ЕС по ряду принятых уже решений. По словам представителей Ватикана в настоящее время «многие христиане потеряли веру или ограничили её религиозными традициями», а сами ведут себя «так, будто Бога не существует». «Заговором против жизни» называется распространение абортов и легализация эвтаназии [1]. Против углубления интеграции и расширения полномочий Европейской комиссии выступает Ирландская католическая церковь опасаясь. что Брюссель полностью «лишит их независимости, затем навяжет обязательные аборты, эвтаназию и гомосексуальные браки» [2]. И всё это преподносится как прогрессивное и как приверженность европейскому равенству и демократии. С целью противодействовать «прогрессивным» тенденциям, навязываемым из Брюсселя, на церковных проповедях раздаются призывы к своим прихожанам и одновременно избирателям противостоять утрате полного суверенитета и сохранять независимость по многим юридическим вопросам.

Современные исследования прослеживают влияние религии на формирование ценностных предпочтений граждан и политической позиции при голосовании. При этом учитывается и условие, когда растущее число избирателей не относят себя к верующим. Утверждается, что в большинстве случаев они соотносят себя с определённой религией, впитывая её базовые ценностные установки от семьи в процессе социализации. Это означает, что «религиозные группы могут формировать политические взгляды и ценности даже тех, кто не отождествляет себя с ними» [3].

---

[1] *Mudrov S. A.* Religion and the European Union: Attitudes of Catholic and Protestant Churches toward European Integration // Journal of Church and State. 2015. Vol. 57. №. 3. P. 524.

[2] Ibid. 525.

[3] *Kolpinskaya E., Fox S.* Praying on Brexit? Unpicking the Effect of Religion on Support for European Union Integration and Membership // JCMS. 2019. Vol. 57. № 3. P. 582.

Активизация роли церкви в международной политической жизни началась после Второй мировой войны, о чем свидетельствует создание Всемирного совета церквей в 1948 г. В первые послевоенные годы среди христианских конфессий начались и дискуссии об отношении к европейской интеграции. В исследованиях отражена зависимость позиции официальной (англиканской) церкви от позиции правительства по отстаиванию интеграционной модели, которая наилучшим образом отражала бы национальные интересы. Сама же необходимость объединения Европы не подвергалась сомнению. К тому же в истории уже был опыт, когда христианство выступало в качестве объединительной идеи. В Великобритании во время Реформации пресвитериане называли христианство «первой и величайшей связью» того, что тогда называли Европой [4].

Идея объединения на основе христианских ценностей хорошо вписывалась в послевоенный контекст начинавшейся холодной войны. По общему мнению, отдельных исследователей, она подчеркивала коренное отличие «западной цивилизации» и позволяла противостоять советскому коммунизму с его идеологией атеистического материализма [5].

Однако можно утверждать, что и в 19 в. Россия не принадлежала к Европе. Благодаря русскому философу Н. Я. Данилевскому в XIX в. возникает понятие «Европа», относящееся к Западной, или германской, Европе в противоположность Российской империи. Он подчеркнул различия в просветительных началах русского и большинства других славянских народов от народов германо-романских, которое состоит в том, что первые исповедуют православие, а вторые – римский католицизм или протестантство. Согласно Н.Я. Данилевскому, европейская цивилизация, произрастив немало действительно христианских плодов, … дошла до непримиримого противоречия, теоретического и практического, с обеими западными формами христианства (протестантство и католичество), которые Европа старается устранить разрывом

[4] *Coupland Ph. M.* Western Union, “Spiritual Union,” and European Integration, 1948–1951 // Journal of British Studies. 2004. Vol. 43. № 3. P. 372.

[5] *Patch W.* The Catholic Church, the Third Reich, and the Origins of the Cold War: On the Utility and Limitations of Historical Evidence // The Journal of Modern History. 2010. Vol. 82. № 2, P. 396-433; *Morisi P.* The Role of Christian Democracy in Support of European Integration // An Irish Quarterly Review. 2004. Vol. 93. №. 369. P. 45-53; *Irving R. E. M.* Italy's Christian Democrats and European Integration // International Affairs. Vol. 52, №.3. P. 400-416.

между государством и церковью, то есть между телом и духом; другими словами, хочет излечить болезнь смертью [6].

Действительно, противоречия между католиками и протестантами сохранились и в 20 в. на начальном этапе интеграции. Чтобы сгладить эти противоречия нужна была новая объединительная идея или, согласно предложениям министра иностранных дел Великобритании Э. Бевина, «духовный союз» Запада на основе христианских ценностей.

Удалось ли разрешить противоречия между христианскими конфессиями Западной Европы на основе идеи европейской интеграции и какова при этом была роль англиканской церкви с учетом специфической позиции британского правительстве в отношении интеграционной модели для Европы?

Как известно, первым интеграционным объединением стал созданный по инициативе Великобритании в 1948 г. Западный союз. Он предусматривал политическое, военное, экономическим и культурное сотрудничество, составным элементом которого должен был стать «духовный союз» на основе христианских ценностей. Впервые идею «духовного союза» или «духовной федерации» выдвинул министр иностранных дел Великобритании Э. Бевин в беседе с госсекретарем США Дж. Маршаллом сразу после провала Лондонской конференции министров иностранных дел в декабре 1947 г. Затем подробно изложил свой замысел в газете Commons в январе 1948 г. [7].

С целью защитить «христианскую цивилизации» Э. Бевин предлагал объединить Европу или «Запад» в культурное сообщество. Религиозная составляющая европейской интеграции содержала также призыв к прощению бывших врагов и любви к ближнему, т.е. к Германии и немцам. Впоследствии в наставлениях англиканской церкви звучали слова о том, что больше невозможно «тянуть с собой через грядущие годы ненависть и месть, возникшие из-за ран, полученных в прошлом. Если Европа хочет спастись от бесконечных страданий а, на самом деле, от окончательной гибели, то должна верить в европейскую семью и забыть о всех преступлениях и безрассудствах прошлого» [8].

Для реализации идеи «духовного союза» в Департаменте информационной политики Министерства иностранных дел была создана рабочая группа. В её

---

[6] Данилевский Н. Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова. М., 2008. С. 263.

[7] *Coupland Ph. M.* Western Union, “Spiritual Union,” and European Integration, 1948–1951 // Journal of British Studies. 2004. Vol. 43. № 3. P. 367.

[8] *Sutherland P. D.* Europe: Values and Identity // An Irish Quarterly Review. 2010. Vol. 99. № 396. P. 417.

задачу входило изучение «духовных аспектов» и поиск «общих основ для сотрудничества стран Западного Союза [9]. Для привлечения христианских конфессий Великобритании к сотрудничеству с правительством, Э. Бевин лично побеседовал с главами англиканской и английской католической церквями, координатором Федерального совета Свободной церкви, и модератором Генеральной ассамблеи Церкви Шотландии [10].

К работе по созданию «духовного союза» привлекались члены правительства более низкого уровня. Так, например, одному из министров британского Форин офис лорду Ф. Пакенхэму поручили неофициально обратиться к своему другу канонику Л. Дж. Коллинзу и попросить его организовать встречу под лозунгом «Все христианские действия на общественные дела». Ф. Пакенхэм пользовался большим авторитетом как сторонник европейской интеграции и примирения между Великобританией и Германией и лично знал лидера немецких христианских демократов — Конрада Аденауэра. Коллинз откликнулся на его предложение. В то время он занимал должность декана колледжа Ориэл Оксфордского университета, а во время войны служил капелланом Королевских военно-воздушных сил. Встреча, состоявшаяся в лондонском Альберт-холле (в зале расположен один из самых крупных органов в мире на 9000 труб, а вместимость зала составляет 5600 чел.,) положила начало движению «Христианское действие» (ХД), которое выступало за «применение христианских принципов в национальной и международной политике». На первом же заседании обсуждалась необходимость лоббирования вопроса дальнейшего восстановления и примирения с Германией. Движение начало кампанию под лозунгом «Спасите Европу сейчас!».

В марте 1947 г. был создан «Оксфордский комитет по продвижению дружбы и взаимопонимания с Европой». Однако главное внимание уделялось Германии. При поддержке Казначейства и Министерства иностранных дел Оксфордский комитет организовывал англо-германские обменные визиты, наиболее значимым из которых стал приезд в Великобританию Берлинского филармонического оркестра. Его представили как «важное событие в процессе построения объединённой на христианских принципах Европы, чтобы стать оплотом мирового порядка». Также проводились встречи со сторонниками интеграции на континенте. Сам Л. Дж.. Коллинз вошёл в Культурный комитет

[9] *Coupland Ph. M.* Western Union, “Spiritual Union,” and European Integration, 1948–1951 // Journal of British Studies. 2004. Vol. 43. № 3. P. 370.
[10] Ibid. 371.

Европейского движения. В составе британской делегации он участвовал в дополнении «общим наследием христианских ценностей» культурной резолюции Конгресса европейских движений в Гааге в мае 1948 г, на котором при содействии лорда Ф. Пакенхэма присутствовал и будущий канцлер ФРГ К. Аденауэр.

Сторонники интеграции рассчитывали также, что пропаганда европейского объединения среди верующих станет «немедийным средством помощи в политическом поражении коммунизма на выборах в Италии и Франции», и шагом к тому, чтобы объединить Европу на прочной основе» [11]. Примечательно, что и англиканская церковь заявляла об объединение. Западной Европы как об антикоммунистическом проекте. В своей пасхальной речи 1948 г. глава англиканской церкви Джеффри Фишер противопоставил коммунизм «традиционной европейской цивилизации». Фишер заявил, что «единство Западной Европы, Содружества и Северной Америки в области обороны и экономики» будет укрепляться только, если будет основано на «расширяющемся единстве духовных ценностей». Чтобы победить коммунизм, требовалось «создать новую цивилизацию с христианской верой, сердцем и всеми её конечностями» [12]. Фишер продолжал активно поддерживать этот подход к европейской интеграции, став покровителем Совета Европейского движения Соединённого Королевства.

В начале 1949 г. сформировалось Христианское движение за европейское союз (ХДЕС) (под союзом понималась конфедерация государств) во главе с Дугласом Вудраффом. Он рассчитывал создать организацию, не связанную ни с католицизмом, ни с христианской демократией, которая представляла бы интересы протестантов Великобритании в Совете Европы [13]. Финансовую поддержку организации оказывали Движение за единую Европу, возглавляемое зятем У. Черчилля [14], британский крупный бизнес, а также т.н. «Друзья объединённой Европы» из США. К настоящему времени известно, что организация «Друзья объединённой Европы» являлась проводником средств

[11] *Coupland Ph. M.* Western Union, “Spiritual Union,” and European Integration, 1948–1951 // Journal of British Studies. 2004. Vol. 43. № 3. P. 378.
[12] Ibid.
[13] Ibid. P. 380.
[14] *Чепик В. Н.* Германский фактор в интеграционной политике Великобритании (1939-1975 гг.). СПб., 2026. С. 54.

ЦРУ, а британская коммерческая фирма Беддингтон-Беренс работала с MI 6 [15]. Это в очередной раз доказывает, что идея объединения Европы на христианских основах использовалась в качестве средства ведения холодной войны.

В результате всесторонней финансовой поддержки её лидеру пришлось пересмотреть изначальные цели и заявить о готовности сотрудничать по возможности со всеми другими движениями, работающими в Великобритании во имя европейского единства, если их цели совместимы с христианскими принципами. Однако на первом же собрании все так увлеклись критикой СССР и советского коммунизма, напугали себя атомным армагеддоном, что забыли о других вопросах.

Наиболее радикальной среди британских христиан являлась протестантская организация «The English Churchman and St.James Chronicle» отвергавшая сотрудничество для создания единого фронта против коммунизма. Она также выступала против союза с католицизмом, который представлялся не меньшей угрозой, чем коммунизм. Для членов этой организации национальная идентичность была неразрывно связана с антипапизмом. Считалось, что «римо-католик стремился уничтожить не только протестантизм, но и любые поползновения к мировому господству.» [16]. Такой подход привёл к отказу от интеграции с континентальной Европой.

В мае 1949 г. произошло эпохальное событие в истории межконфессиональных отношений. Папа Пий XII, находясь в Калифорнии, впервые в истории заявил о том, что «англиканская и римская общины» могли бы сотрудничать. в деле объединения Западной Европы» и даже иметь некоторую «не спорную форму богослужения» [17].

Новый этап во взаимодействии церквей в Западной Европе начался после декларации Шумана (9 мая, 1950 г.) Андре Филипп, бывший министр экономики Франции (1946–47) и глава французской делегации в Европейской экономической комиссии ООН в 1947 г. предложил создать «Экуменическую комиссию по европейскому сотрудничеству» (ЭКЕС), которая объединила бы протестантских политиков и церковных деятелей. В состав комиссии вошли протестантские политики не только из стран будущей «шестерки», но и из

[15] *Coupland Ph. M.* Western Union, “Spiritual Union,” and European Integration, 1948–1951 // Journal of British Studies. 2004. Vol. 43. № 3. P. 382.
[16] Ibid. P. 390.
[17] Ibid. P. 381.

Великобритании и скандинавских стран, несмотря на нежелание их правительств поддерживать план Шумана [18].

Первое «официальное» заседание Комиссии состоялось во Франкфурте 13–14 января 1951 г. А. Филипп заявлял, что объединить Европу можно только экономической, военной и духовной интеграцией континента, предложив поддержать федеративную модель и перевооружение в качестве средств решения послевоенных проблем. В свою очередь Густав Хайнеман, министр внутренних дел Германии, отвечая на предложение Филиппа о перевооружении, призвал «больше полагаться на Бога, чем на оружие». Впоследствии Г. Хайнеманн, неоднократно выступал против перевооружения Европы. Он не согласился с военными положениями в самой важной «листовке», опубликованной комиссией в 1954 г., и попросил выделить специальный абзац, указывающий на то, что заявление одобрено всеми членами «Экуменической комиссии», кроме него [19].

Представитель Великобритании в Комиссии Кеннет Грабб выступал с позиций скептицизма по отношению к любому плану, связанному с участием его страны в федералистском проекте. Следуя официальной позиции правительства и англиканской церкви [20], он указывая на то, что Британия больше заинтересована в поддержке тесных отношений с Содружеством, чем в развитии связей с континентом.

Комиссия решила издавать «листовки» под названием «Европейские выпуски», которые распространялись среди церквей. При этом на первой странице отмечалось, что все предложения, сформулированные в тексте, поддерживаются большинством протестантских политиков. По своему содержанию «листовки» представляли собой обращения, адресованные жителям Франции, Италии и других западноевропейских стран. Они касались вопросов примирения между Францией и Германией, общественного восприятия европейского единства и национальных институтов, роли Америки на Западе, а

[18] *Leustean L. N.* The Ecumenical Movement and the Schuman Plan, 1950–54 // Journal of Church and State. 2011. Vol. 53. №. 3. P. 449.
[19] Ibid. P. 453.
[20] Несмотря на то, что англиканская церковь стоит в стороне от протестантизма и англикане определяют себя как представители «реформаторской католической традиции», ее отношение к европейской интеграции мало чем отличается от протестантов. Их схожесть во взглядах в дальнейшем подтверждена совместно принятой декларацией в 1992 г. в финском городе Порвоо, которая представляет собой унию между англиканскими, евангельскими и лютеранскими церквями.

также того, как эти страны воспринимали нерешительность британцев присоединиться к европейскому проекту. Немцев призывали задуматься, можно ли рассматривать разделение их страны между Востоком и Западом как «вклад в мир в Европе»; по сути, продвигался лозунг «Объединения Европа против разделенной Германии». Британцев просили задуматься об уникальном положении своей страны в Европе, пережившей войну без «военной и политической катастрофы» и занимаемой правительством пассивной позиции по отношению к объединению Европы; об отношениях британцев с Европой по сравнению с Содружеством; восприятии других европейцев по сравнению с американцами; поднимался вопрос национальной идентичности как пережитка прошлого по сравнению с новым европейским политическим видением. Американцев призывали задумываться о своей ответственности перед Европой за укрепление европейского единства [21]. Среди газет, которые писали положительные отзывы о работе комиссии, можно отметить британские Frontier, The Church of England Newspaper, The Tablet in Britain и французскую Reformée[22].

Вскоре «Комиссия» была переименована в «Комитет по христианской ответственности за европейское сотрудничество». На заседании Комитета в Лондоне 5–8 ноября 1953 г. после образования Европейского Сообщества угля и стали (ЕОУС или т.н. «шестерка») британский представитель заявил о необходимости и дальше поддерживать контакты не только с протестантскими церквями в шести государствах ЕОУС, но и с церквями в Великобритании, Соединённых Штатах и, если возможно, со странами за железным занавесом, при этом отметил, что наиболее важными являются церкви в Венгрии и Чехословакии [23].

По итогам заседания Комитет принял два заявления: первое адресовано христианам в Британии, второе — напечатано в виде брошюры «Будущее Европы и ответственность церквей». В брошюре, в частности, отмечалось, что ЕОУС представляется как союз, направленный на то, чтобы в конечном итоге привести к «воссоединению Германии». Утверждалось, что «Европейское

[21] *Leustean L. N.* The Ecumenical Movement and the Schuman Plan, 1950–54 // Journal of Church and State. 2011. Vol. 53. №. 3. P. 456.
[22] Ibid. P. 459.
[23] Ibid. P. 464.

сообщество создаётся не в ответ на желание к крестовому походу, а в ответ на стремление к миру.

Помимо обзора политической ситуации, был выделен специальный раздел, посвящённый роли протестантских церквей. В нём говорилось, что церкви имеют две основные обязанности в Европе. Во-первых, их призывали «сохранять и расширять религиозные свободы, принадлежавшие европейскому духовному наследию». В этом отношении Комитет призвал протестантские церкви сотрудничать с Римско-католической церковью. Во-вторых, церкви были обязаны «утверждать необходимость единство в разнообразии как фундаментальную характеристику европейского сообщества». Второй пункт показал, что, несмотря на конфессиональные разногласия, церкви должны были работать вместе и «противостоять любым попыткам восстановить средневековую модель христианства, в которой одна конкретная церковь имела исключительную привилегию и власть» [24].

Таким образом, религиозной основой Европейского сообщества было признание равноправия множества религиозных конфессий в Европе. Упоминание «единства в разнообразии» было особенно символичным, подчёркивая многоконфессиональный состав Европы. Эти идеи стали более ярко проявляться в жизни Европейского сообщества в последующие годы, кульминацией которых стало принятие «единство в разнообразии» в качестве девиза Европейского союза в мае 2000 г. Заседания Комитета продолжались в вяло текущем формате до 1974 года. CCREC поддерживал новое поколение политиков и церковных деятелей, работающих непосредственно в европейских институтах Парижа, Страсбурга и Брюсселя, что привело к появлению региональных протестантских организаций, таких как Конференция европейских сообществ в 1964 году и Экуменический центр в Брюсселе в 1966 г. Активным сторонником европейской федерации стала католическая церковь, в том числе и британские католики. Она интерпретировала декларацию Шумана как «призыв к взаимному прощению а, следовательно, глубоко христианский акт». Однако «истинная цель» заключалась в том, чтобы защитить христианские ценности от новых страданий и разрушений, нанесённых им безбожными поступками, которые постоянно повторялись в европейской истории. В первую очередь речь шла о создании нового отношения к концепции национального суверенитета в сторону полного или частичного отказа от него, В своих

[24] Ibid. P. 465.

проповедях католики цитировали слова Шумана о том, что национальные интересы нужно было защищать, если только они не противоречили общеевропейским интересам [25].

Католики в Великобритании полностью поддерживали позицию Римско-католической церкви. Как отмечал журнал Католической социальной гильдии The Christian Democrat, английские католики часто следовали своим федералистским родственникам на континенте, желая экономической и политической интеграции, значительно превосходящей всё, что предлагал Бевин. Они призывали Британию решительно порвать с прошлым» и сделать «шаг» вперед, став «европейской державой» [26] .

Упоминавшееся ранее движения «Христианское действие» в Англии, фактически, выступало за отказ от полного национального суверенитета, но только в духовной сфере. Его лидер Л. Дж. Коллинз предложил считать всех христиан (независимо от конфессиональной принадлежности) членами универсальной церкви и человеческого «братства», которое ставят их выше претензий на сохранение национального суверенитета. И поэтому он рассчитывал, что церкви станут исключением из общего британского ответа на декларацию Шумана. В представлении Коллинза «Христианское действие» изначально задумывалась как беспартийная группа для продвижения христианского влияния на общественные дела. Это позволяло избегать ловушек, связанных со смешением веры и политики, как в христианской демократии.[27].

Против любой интеграции в Европе выступали члены радикальной евангелистской организации The English Churchman and St.James Chronicle. Они считали, что план Шумана обещал «объединение между протестантской нацией … и римлянами или безбожниками». Для Англии уступить свою суверенную власть сверхгосударству было бы ещё одним шагом к падению в пропасть. Однако, следует отметить, что остальные британские евангелисты поддерживали интеграцию, но зачастую их мнения расходились с официальной позицией правительства. В еженедельнике British Weekly отмечалась «довольно удивительная степень дружелюбия и единодушия между католиками и

[25] *Krijtenburg M.* Robert Schuman's Commitment to European Unification: The Inspiring Role of his Roman Catholic Faith // Philosophia Reformata, 2015. Vol. 80. №. 1, P. 150.
[26] *Coupland Ph. M.* Western Union, “Spiritual Union,” and European Integration, 1948–1951 // Journal of British Studies. 2004. Vol. 43. № 3. P. 375.
[27] Ibid. P. 387.

протестантами» в деле построения новой Европы, но ставилась под сомнение реальность этого единства [28].

Официальную позицию англиканской церкви выразил Британский совет церквей. Он заявил, что разделяет приверженность и глобальный фокус британской внешней политики. Помимо приверженности единству Европы, также заявлялось о намерении сохранять «тесное партнёрство стран Содружества и членство в Атлантическом сообществе, основанном на англо-американской дружбе» [29]. К тому же англиканская церковь возглавляла всемирное сообщество (имеется ввиду британская империя или Содружество наций), которое было почти полностью внеевропейским. Только в 1980 г. была создана епархия (континентальной) Европы.

Церкви Англии являлись сердцем империализма. Принадлежность к англиканству связывало их с «молодыми» церквями в Содружестве и вынуждала мыслить в глобальных масштабах. Ещё в 1964 г. генеральный секретарь Британского совета церквей заявлял: «Мы, британцы, чувствуем, что принадлежим лишь частично к Европе. И дело не в том, что Британия является островным государством. Дело в том, что она прочно связана с Канадой, Новой Зеландией и Индией. В результате страна к моменту подачи первой заявки на вступление в ЕЭС в 1961 г. оказалась лишённой эмоциональной связи с Европой и не имела на тот момент веской причины отвернуться от угасающей мечты о мировом могуществе, а духовный союз, и западный союз оказались зернами, посеянными на каменистой почве [30].

Накануне вступления Великобритании в Общий рынок в 1972 г. состоялись первые дебаты Генерального синода по Европе (на условиях «шестерки»), которые привели к подготовке специального доклада «Британия в Европе: социальная ответственность Церкви». В весьма благожелательном тоне в нём заявлялось о том, что британское членство в Сообществе, основанное на общем понимании прав и свобод человека направлено на достижение среди прочих и таких целей как устранение европейской вражды, ответственное управление европейскими ресурсами и увеличение вклада Европы в развитие остального человечества. В целом синод англиканской церкви приветствовал

[28] Ibid. P. 390.
[29] Ibid. P. 392.
[30] Ibid. P. 394.

членство в ЕЭС как «возможность для христиан работать ради достижения этих целей» [31].

В отличие от англикан, представители Свободной пресвитерианской церкви Северной Ирландии, возглавляемые Иэном Пейсли (являвшийся также соучредителем и лидером Демократической юнионистской партии до мая 2008 г.), были настроены явно антиевропейски. Сторонники Пейсли, а также разделяющие их взгляды европейские пресвитерианские свободные церкви в целом указывали на пороки ЕС, утверждая, что они обнаружили «скрытые корни» европейской интеграции. Их главный аргумент сводился к ассоциации ЕС с Римско-католической церковью и её ролью в Средние века. Важная фигура Свободных пресвитериан, профессор Артур Нобл манипулируя общественным сознанием, утверждал, что «Папа Иоанн XXIII (с 7 августа 1316 г. по 4 декабря 1334 г.) представлял из себя европейского религиозно-политического монстра, а римско-католическую церковь – «величайшее сверхгосударство, которое когда-либо знал мир». Брюссельские же бюрократы «танцевали под римскую дудку в 1973 г. приняв к себе приспешника Ватикана — Ирландскую Республику.». Особенно популярна была среди сторонников свободных церквей выдержка из статьи, опубликованной в Sunday Telegraph в 1991 г. о Папе Иоанне Павле II: «Кароль Войтыла спокойно готовится торжественно принять мантию нового императора Священной Римской империи, чтобы править от Урала до Атлантики, считая это своим Божественным правом» [32].

Критике со стороны Свободной церкви подвергалась и перспектива принятия европейской Конституции. Утверждалось, что если европейская конституция будет всё же принята, и европейские государства вновь придут к политическому союзу, то тогда это можно будет объяснить только сверхъестественным воздействием религии. В целом, евроскептицизм Свободных церквей снижает их собственное желание взаимодействовать с институтами ЕС, которые они воспринимают как вассалов Римско-католической церкви или просто как демонических существ, преследующих чисто антихристианские цели. ЕС воспринимается ими как «последняя мировая империя», которая, на самом деле, может подготовить почву для прихода антихриста [33].

---

[31] *Mudrov S. A.* Religion and the European Union: Attitudes of Catholic and Protestant Churches toward European Integration // Journal of Church and State. 2015. Vol. 57. №. 3. P. 516.
[32] Ibid. P. 519
[33] Ibid. P. 521.

Кульминацией европейской политики для Великобритании стал референдум о выходе из ЕС, состоявшийся в 2016 г. Результаты голосования с учетом конфессиональной принадлежности наглядно демонстрируют уровень евроскептицизма до которого поднялись англикане. Самыми проевропейски настроенными были католики — 52 процента из которых голосовали за сохранение членства, а самыми сильными сторонниками Brexit были англикане — 60 процентов из которых проголосовал за выход. Пресвитериане, баптисты и методисты находились между ними [34].

Таким образом, англиканская церковь полностью поддерживала политику правительства, её представители участвовали в организации христианских движений в поддержку объединения Европы и большинство из них проголосовало за выход из ЕС, когда политика официального Брюсселя перестала удовлетворять национальным интересам Великобритании. Однако в целом можно утверждать, что церковь сыграло положительную роль в популяризации идеи европейской интеграции среди верующих. Объединению христианства на межконфессиональном уровне способствовал не только опыт объединения Европы на христианской основе в Средние века, и не только потребность в общем духовном союзе для общего рынка, но и холодная война. Она позволяла использовать христианскую идею в качестве одного из средств борьбы с советским коммунизмом, идеологической основой которого являлся атеистический материализм.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Akademicheskij slovar' teorii i istorii imperij [Academic Dictionary of the Theory and History of Empires]. Edited by V. N. Baryshnikov. St-Petersburg, 2012. 728 p. (In Russian)
Академический словарь теории и истории империй / Отв. ред. В. Н. Барышников. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2012. 728 с.

Danilevskij N. Ya. *Rossiya i Evropa [Russia and Europe]*. Sostavlenie i kommentarii YU. A. Belova. Moscow: Institut russkoj tsivilizatsii, 2008. 816 p. (In Russian)
Данилевский Н. Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова. Москва: Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.

[34] *Kolpinskaya E., Fox S.* Praying on Brexit? Unpicking the Effect of Religion on Support for European Union Integration and Membership // JCMS. 2019. Vol. 57. № 3. P. 587.

Chepik V. N. *Germanskij faktor v integratsionnoj politike Velikobritanii (1939-1975 gg.). [The German Factor in Great Britain's Integration Policy (1939–1975)]*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2026. 462 p. (In Russian)

Чепик В. Н. Германский фактор в интеграционной политике Великобритании (1939-1975 гг.). Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета. 2026. 462 с.

Coupland Ph. M. Western Union, "Spiritual Union," and European Integration, 1948–1951, in *Journal of British Studies*. 2004. Vol. 43. № 3. P. 366–394.

Irving R. E. M. Italy's Christian Democrats and European Integration, in *International Affairs*. Vol. 52. № 3. P. 400-416.

Kolpinskaya E., Fox S. Praying on Brexit? Unpicking the Effect of Religion on Support for European Union Integration and Membership, in *JCMS*. 2019. Vol. 57. № 3. P. 580–598.

Krijtenburg M. Robert Schuman's Commitment to European Unification: The Inspiring Role of his Roman Catholic Faith, in *Philosophia Reformata*. 2015. Vol. 80. №. 1. P. 140-157.

Leustean L. N. The Ecumenical Movement and the Schuman Plan, 1950–54, in *Journal of Church and State*. 2011. Vol. 53. №. 3. P. 442-471.

Mudrov S. A. Religion and the European Union: Attitudes of Catholic and Protestant Churches toward European Integration, in *Journal of Church and State*. 2015. Vol. 57. № 3. P. 507-528.

Morisi P. The Role of Christian Democracy in Support of European Integration, in *An Irish Quarterly Review*. 2004. Vol. 93. № 369. P. 45–53.

Ot nacional'nyh gosudarstv k edinoj Evrope: problemy evropejskoj integracii v XIX–XX vv. [From Nation-States to the European Unity: Issues of European Integration in the 19–21st centuries]. St-Petersburg: Izd-vo RHGA, 2016. 620 p. (In Russian)

От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX–XX вв. Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2016. 620 с.

Patch W. The Catholic Church, the Third Reich, and the Origins of the Cold War: On the Utility and Limitations of Historical Evidence, in *The Journal of Modern History*. 2010. Vol. 82. № 2. P. 396–433.

Sutherland P. D. Europe: Values and Identity, in *An Irish Quarterly Review*. 2010. Vol. 99. № 396. P. 415-426.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. С. Андреева

Андреева Наталия Сергеевна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела библиографии и библиотековедения Библиотека Российской академии наук.

E-mail: iskjul@gmail.com

«ИМПЕРСКИЙ ПРОЕКТ» РОССИИ В ПРИБАЛТИКЕ? ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА В ПРИБАЛТИЙСКИХ ГУБЕРНИЯХ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. В СОВРЕМЕННОЙ ТРАКТОВКЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

В статье рассматривается трактовка политики российского правительства в Прибалтийских губерниях в конце XIX – начале XX в. в коллективных монографиях под редакцией А. Т. Урушадзе и М. В. Ходякова, которая представлена в рамках концепции «русификации» национальных меньшинств Российской империи. Особое внимание уделено анализу исторической литературы и источников, в том числе архивных, послуживших основанием для этой трактовки. При этом имеющуюся по указанной теме историографию авторы соответствующих глав практически полностью оставили без внимания. Подготовка и проведение правительственных преобразований в Прибалтийских губерниях во второй половине 1870-х–1890-х гг., а также в начале XX в., остались за рамками этих работ. Значительное место в них занимает изложение представлений о политике правительства в этих губерниях, в том числе о том, какой этой политике следовало быть, распространенных в российской публицистике и в прессе указанного периода. По мнению авторов соответствующих глав этих монографий, консервативная пресса с её «русификаторскими» настроениями якобы оказывала определяющее влияние на разработку в 1870-х – 1890-х гг. правительственных реформ для Прибалтики. Однако это утверждение не обосновано ссылками на относящиеся к подготовке этих преобразований архивные документы. Как отмечалось в исторической литературе, понятие «русификация» не подходит ни для определения общей политики правительства, ни для характеристики настроений части российского общества и прессы. Не отражая сущности явления, оно не может употребляться как научно-аналитическое понятие.

Ключевые слова: прибалтийские немцы, Прибалтика, эстонцы, латыши, русификация, ревизия Манасеина.

Andreeva Nataliya Sergeevna, Doctor of Historical Sciences, senior researcher of the Research Department of bibliography and library science of the Russian Academy of sciences library, Saint-Petersburg, Russian Federation.

E-mail: iskjul@gmail.com

"IMPERIAL PROJECT" OF RUSSIA IN BALTIC? GOVERNMENT POLICY IN THE BALTIC PROVINCES IN THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES IN THE MODERN INTERPRETATION OF RUSSIAN RESEARCHERS

The article deals with the interpretation of the Russian governmental policy in the Baltic provinces in the late 19th and early 20th centuries in collective monographs edited by A.T. Urushadze and M.V. Khodyakov, which is presented throughout the concept of "Russification" of national minorities of the Russian Empire. Special attention is paid to the analysis of historical literature and sources, including archival ones, that served as the basis for this interpretation. At the same time, the authors of the relevant chapters have almost completely ignored the historiography available on this topic. The preparation and implementation of government reforms in the Baltic provinces in the second half of the 1870s – 1890s, as well as in the early 20th century, remained outside the scope of these works. A significant place in them is occupied by the presentation of ideas about the government's policy in these provinces, including what kind of policy it should have been, which were common in Russian journalism and in the press of the specified period. According to the authors of the relevant chapters of these monographs, the conservative press with its "Russification" sentiments allegedly had a decisive influence on the development of the 1870s – 1890s. government reforms for the Baltic provinces. However, this claim is not substantiated by references to archival documents related to the preparation of these reforms. As noted in the historical literature, the concept of "Russification" is not suitable either for defining the general policy of the government or for characterizing the sentiments of part of Russian society and the press. Without reflecting the essence of the phenomenon, it cannot be used as a scientific and analytical concept.

Keywords: Baltic Germans, Baltic, Estonians, Latvians, russification, Manasein's revision.

****

При поддержке Российского научного фонда в 2020 г. увидели свет две коллективные монографии, посвященные политике Российской империи в её национальных регионах, в том числе в Прибалтийских губерниях[1]. Как свидетельствуют опубликованные рецензии, эти монографии встретили в целом положительный отклик научной общественности[2]. В этой связи мы не будем повторять уже высказанные их рецензентами суждения о важности и актуальности изучения национальной политики Российской империи, тем более что это вполне очевидно.

В монографии под редакцией кандидата исторических наук А. Т. Урушадзе, которая была издана под грифом Федерального исследовательского центра Южного научного центра Российской академии наук, прежде всего обращает на себя внимание общая трактовка правительственной политики в национальных регионах Российской империи. Содержание этой политики сводится к утверждению о том, что «Романовы» якобы «желали» превратить национальные «окраины в простое продолжение внутренних российских губерний»[3]. Однако никаких архивных документов, подтверждающих наличие подобной «программы» национальной политики у «Романовых», авторы этой монографии не привели.

---

[1] Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли / [под общ. ред. А. Т. Урушадзе]. Ростов-на-Дону, 2020; Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917) / отв. ред. М. В. Ходяков. СПб., 2020 (имеется 2-е издание, опубликованное в 2021 г.).

[2] *Янченко Д. Г.* Дискуссии о национальных окраинах в позднеимперской России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 4. С. 1379–1391; *Вартумян А. А.* Имперский проект России: русификация национальных окраин – рецензия на монографию «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли / под общ. ред. А. Т. Урушадзе. Ростов-на-Дону: изд. ЮНЦ РАН, 2020» // Вопросы элитологии. 2021. № 1. С. 227–237; *Зубков К. И., Побережников И. В., Шумкин Г. Н.* Имперская власть и политика преобразования окраин: рецензия на книгу: Ходяков М. В. (ред.), (2021). Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917). Изд-во Санкт-Петербургского университета // Журнал Фронтирных Исследований. 2022. № 2. С. 166–175.

Критическая рецензия на монографию «Центр и регионы. 2-е изд.»: *Барбенко Я.А.* Блуждание между регионами, или о пользе теории в исторических исследованиях (рецензия на издание «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917). СПб., 2021») // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1. С. 159–163.

[3] Национальные окраины… С. 10.

Об этой «программе», кстати, ничего не знал и сам председатель Совета министров и министр внутренних дел П. А. Столыпин, писавший 16.03.1908 г. временному прибалтийскому генерал-губернатору А. Н. Меллер-Закомельскому о том, что «русское правительство никогда не стремилось к денационализации проживающих в пределах государства народностей»[4]. Хотя, казалось бы, в силу занимаемой должности Столыпин, как никто другой, должен был быть осведомлен во всех подробностях о «желаниях» «Романовых» в области национальной политики.

Подготовка и проведение правительственных преобразований в Прибалтийских губерниях во второй половине 1870-х–1890-х гг., а также в начале XX в., остались за рамками этой работы. При этом значительное место в ней уделено изложению представлений о политике правительства в этих губерниях, в том числе о том, какой этой политике следовало быть, распространенных в российской публицистике и в прессе указанного периода. Содержание же самой политики правительства в крае в этот период вслед за советской и американской историографическими традициями сводится исключительно к «русификации»[5]. Читателя настойчиво пытаются убедить в том, что консервативная пресса с её «русификаторскими» настроениями якобы оказывала определяющее влияние на разработку в 1870-х–1890-х гг. правительственных реформ для Прибалтики. Однако это утверждение не обосновано ссылками на относящиеся к подготовке этих преобразований архивные документы, которые свидетельствовали бы об этом влиянии[6].

Следует отметить, что понятие «русификация» появилось в российской и прибалтийско-немецкой публицистике в 1860-х гг. и было некритически заимствовано последующей исторической литературой. Оно несет на себе полемическую заостренность политических дискуссий того времени, в ходе

---

[4] Подробно об этом см.: *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века. СПб., 2008. С. 104–109. Письмо П. А. Столыпина А. Н. Меллер-Закомельскому 16.03.1908 г. опубликовано в кн.: *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы… С. 275–280. Цитата с. 277.

[5] См. например: *Бурмистрова Т. Ю., Гусакова В. С.* Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в России 1905–1917 гг. М., 1976; *Henriksson A.* The Tsar's Loyal Germans: the Riga German Community, Social Change and the Nationality Question, 1855–1905. New York, 1983; Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914 / Ed. E. C. Thaden. Princeton, 1981.

[6] Национальные окраины... С. 217, 218–219, 222, 224–225, 353, 356.

которых оно и возникло, и вследствие этого, не отражая сущности явления, не может употребляться как научно-аналитическое понятие[7].

Как уже отмечалось в историографии, понятие «русификация» не подходит ни для определения общей политики правительства, ни для характеристики настроений части российского общества и прессы. Мероприятия по унификации и централизации государственного управления второй половины XIX в. не следует отождествлять с «русификационными» тенденциями. Термин «культурная русификация» также не подходит для характеристики правительственной политики этого периода[8].

Анализ того, как повлияли «русификационные» мероприятия правительства конца XIX в. на социально-политические и культурные процессы в Прибалтике, позволил бы авторам соответствующих глав этой монографии дать более точную и объективную характеристику этих мероприятий. Результаты реформ конца XIX в. в Прибалтийских губерниях в полной мере свидетельствуют о том, что цели прибалтийской политики правительства в указанный период были отличны от «русификационных», и тем самым ставят под вопрос саму концепцию «политики русификации» в этих губерниях.

Так, «русификация» не лишила прибалтийские народы их культурной идентичности и не задержала процесс социального и национального развития Прибалтийских губерний. Напротив, как отмечалось в историографии, эта политика сблизила население Прибалтики с жителями других регионов Российской империи. Она принесла практическую пользу эстонцам, латышам и прибалтийским немцам, обеспечив им не только безопасность и процветание, но также и степень местного самоопределения[9].

В то же время «языковая русификация» потерпела полную неудачу. Попечитель рижского учебного округа Н.А. Лавровский в 1892 г. признавал, что закон 23.05.1889 г., вводивший в частных учебных заведениях Дерптского

---

[7] Подробно об этом см.: *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы… С. 41–42; *Pistohlkors G.* „Russifizierung“ in den Baltischen Provinzen und in Finnland im 19. und beginnenden 20. Jahrhundert. Neue westliche Darstellungen // Zeitschrift für Ostforschung. 1984. Jahrgang 33. S. 604–605.

[8] *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы… С. 40; *Pistohlkors G.* „Russifizierung“… S. 604–605; *Weeks T. R.* Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914. Illinois, 1996. P. 12.

[9] *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы… С. 39–40; Russification in the Baltic Provinces… P. 179, 463.

учебного округа преподавание на русском языке, не действовал. Во многих из этих школ ни администрация, ни преподаватели не владели государственным языком, и в обход закона на уроках употреблялись немецкий и латышский языки. По свидетельству самого Лавровского, переход к преподаванию на русском языке не принес ожидавшихся результатов — в большинстве школ Рижского учебного округа ученики по-прежнему его знали плохо[10]. Приняв во внимание допущенную ошибку, правительство законом 19.04.1906 г., который не упоминается в монографии под редакцией А. Т. Урушадзе, восстановило преподавание на национальных языках в частных учебных заведениях Прибалтийских губерний[11].

Как отмечалось в исторической литературе, обучение в реформированной школе не приводило к обрусению остзейской молодежи. «Русификация» прибалтийской школы в целом не задержала развития национального самосознания ни у эстонцев и латышей, ни у прибалтийских немцев и не лишила их национальной самоидентификации[12].

Эти выводы подтверждает статистический анализ национального состава населения Эстляндской губернии в 1882–1897 гг. (критерием оценки послужил родной язык этого населения), осуществленный немецким историком К. Я. Кенешем. Он показал, что доля эстонцев в общей численности населения региона за рассматриваемый период не только не уменьшилась, но даже возросла на 1 % (с 87,6 % в 1882 г. до 88,67 % в 1897 г.). Доля же русских практически не увеличилась, а немцев — сократилась почти на 2 % (с 21 856 тыс. до 16 037 тыс. человек). На основании этих данных исследователь пришел к заключению, что широкомасштабной языковой «русификации» в Эстляндии не было[13].

Что же касается Дерптского (с 1894 г. — Юрьевского) университета, то два пореформенных десятилетия стали временем его активного научного

---

[10] *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы… С. 184; *Henriksson A.* The Tsar's Loyal Germans… P. 98.

[11] Подробно об этом см.: *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы… С. 192–203.

[12] *Whelan H. W.* Adapting to Modernity: Family, Caste and Capitalism among the Baltic German Nobility. Köln, Weimar, Wien, 1999. P. 227, 260.

[13] *Kenéz C. J.* Die Bevölkerung des Gouvernements Estland 1850–1897. Ihre nationale und konfessionelle Gliederung // Bevölkerungsverschiebungen und sozialer Wandel in den Baltischen Provinzen Rußlands 1850–1914 / Hrsg. von G. von Pistohlkors, A. Plakans, P. Kaegbein. Lüneburg, 1995. S. 82, 63–64.

развития[14]. В этот период с ним были связаны имена известных ученых — минералога Ф. Ю. Левинсона-Лессинга, геолога Н. И. Андрусова, ботаника Н. А. Буша, историков Е. В. Тарле, И. И. Лаппо, В. Э. Регеля и других. За счет выделявшихся государством средств упрочилась материальная база университета, увеличилось финансирование исследовательских лабораторий. Все это непосредственно способствовало подъему университетской науки.

Анализ национального состава научных сотрудников Юрьевского университета свидетельствовал о том, что в 1901–1917 гг. преобладание немцев вообще, и прибалтийских немцев в частности, в эстонской научной среде закончилось. В то же время эстонская интеллигенция в этот период стала столь многочисленной, что, по выражению эстонского историка К. Мартинсона, она «впервые составила независимый социокультурный и научный фактор» в Эстляндии[15].

Среди прочих сюжетов, связанных с Прибалтийскими губерниями, внимание авторов монографии под редакцией А. Т. Урушадзе привлекла полемика по «остзейскому вопросу» в российской печати во второй половине XIX в. Следует отметить, что она уже подробно рассмотрена в предшествующей исторической литературе, в частности в трудах С. Г. Исакова, М. М. Духанова, Н. И. Цимбаева, Ю. Л. Михайловой, Т. Ф. Пирожковой и др., однако практически все они, кроме работы Исакова, проигнорированы авторами соответствующих глав[16]. При этом их текст перегружен обилием цитат из публикаций по «остзейскому вопросу» И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина, которые основательно изучены в исторической литературе и хорошо известны исследователям. В то же время цитата из моей докторской диссертации, название которой и дата защиты не соответствуют

---

[14] *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы… С. 190–191; *Martinson K.* 1900–1914: a Turning - Point in Estonian Science // The Baltic Countries 1900 – 1914. Proceedings from The 9th Conference on Baltic Studies in Scandinavia / Ed. A. Loit. Stockholm, 1990. 5:1. P. 366.

[15] *Martinson K.* 1900–1914… P. 381–382.

[16] См., например: *Исаков С. Г.* Остзейский вопрос в русской печати 1860-х годов. Тарту, 1961; *Духанов М. М.* Остзейцы: Политика остзейского дворянства в 50 – 70-х гг. XIX в. и критика её апологетической историографии. Рига, 1978; *Цимбаев Н. И.* Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX в.). М., 1986; *Михайлова Ю. Л.* 1) Славянофилы и остзейский вопрос (40 – 60-е гг. XIX в.) // Отечественная история. 2007. № 5. С. 49–61; 2) Балтийский вопрос в российской прессе и публицистике накануне и во время Франко-прусской войны (вторая половина 1860-х–1871 г.) // Европа: международный альманах. 2006. Вып. 6. С. 75–85; *Пирожкова Т. Ф.* «Страшная книга» Ю. Ф. Самарина («Окраины России» в восприятии современников) // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 2017. № 3. С. 130–149.

указанным в сноске 1 (с. 344) коллективной монографии, не помещена в кавычки[17].

Свою историографию имеет и ревизия в 1882–1883 гг. Курляндской и Лифляндской губерний сенатором Н. А. Манасеиным, рапорт которого по ее результатам публиковался частями и целиком и подробно изучен историками[18]. В целом ни в исследование дискуссии в российском обществе по «остзейскому вопросу» во второй половине XIX в., ни в изучение сенаторской ревизии Манасеина монография под редакцией А. Т. Урушадзе ничего принципиально нового не вносит.

Обращает на себя внимание и характерная особенность научно-исследовательской работы с архивными документами авторов этой монографии М. Н. Крота, Н. В. Дмитриевой и А. И. Нарежного. Так, Крот утверждает, что эстляндский губернатор С. В. Шаховской был последовательным сторонником «русификации» Прибалтийских губерний посредством распространения в них православия, и Александр III его якобы полностью поддерживал в этом отношении. Обосновывает это утверждение М. Н. Крот ссылкой на документ из Российского государственного исторического архива (далее РГИА) — ф. 796. оп. 165. д. 2341[19]. В действительности, хранящееся под этим архивным шифром дело называется: «О бесчинии в церкви крестьянина Калужской епархии Сильвестра Борисова» и его л. 1, на который ссылается Крот, содержит рапорт епископа Калужского и Боровского Владимира 26.10.1884 г. в Синод об этом происшествии[20]. Никакого отношения к Прибалтийским губерниям, Шаховскому и Александру III ни этот документ, ни это архивное дело в целом не имеют.

---

[17] Цитата см.: Национальные окраины… С. 343–344. На самом деле моя докторская диссертация называется: *Андреева Н. С.* «Остзейский вопрос» в политике Российской империи (1900–февраль 1917 г.): Дис. ... д-ра ист. н. СПб., 2010.

[18] См., например: *Лаул Э.* О рапорте сенатора Н. А. Манасеина Александру III // Известия Академии наук ЭССР. Т. X. Серия Общественных наук. 1961. № 2. С. 149–161; *Депман И.* О назначении сенатора Н. А. Манасеина ревизором Лифляндской и Курляндской губерний // Там же. С. 144–148; *Thaden E. C.* N.A. Manaseins Senatorenrevision in Livland und Kurland während der Zeit von 1882 bis 1883 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1969. Neue Folge. Bd. 17. Heft. 1. S. 45–58; *Н. М.* Крестьянское дело в Лифляндской губернии. Исторический очерк по данным сенаторской ревизии 1882–1883 гг. // Вестник Европы. 1906. Т. 6. Кн. 12. С. 673–705; Manaseina revizija. Senatora N. Manaseina ziņojums par viņa izdarīto reviziju Vidzemes un Kurzemes guberņās no 1882. līdz 1883. gadam / rediģējis A. Drīzulis. Riga, 1949.

[19] Национальные окраины. С. 229… Сн. 1.

[20] Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 796. Оп. 165. Д. 2341. Л. 1–2. Ср. Национальные окраины… С. 229. Сн. 1.

Кроме того, М. Н. Крот сообщает об обнаружении в РГИА нового исторического документа — записки датированной 1842 г., автор которой обосновывал «необходимость дальнейшей административной и правовой унификации» Прибалтийских губерний, а также их «русификации»[21]. Ее названия — «Записка о необходимости ввести во всех губерниях и областях Империи русские органические законы» — исследователь не упоминает, как и то, что это не оригинальная авторская рукопись документа, а лишь его копия. Датировать же эту копию следует не 1842 г., а после 1855 г., т. к. в подстрочном примечании к её тексту имеется отсылка к публикации в издании «Отечественные записки» за май 1855 г.[22]

Точное авторство этой записки, по словам М. Н. Крота, установить не удалось, поскольку автор, назвавшийся «прокурором Сената К. (sic! – Н.А.) Кутузовым», в списке «служащих Сената» отсутствует. Свое мнение об анонимности её авторства исследователь подтверждает ссылкой на то, что эта записка якобы «находится» в архивном фонде, «содержащем записки неустановленных лиц»[23]. Однако это не соответствует действительности, поскольку, как следует из архивной характеристики фонда 1101 РГИА, где хранится записка Кутузова, в нём сосредоточены документы личного происхождения, не составляющие отдельных фондов, а отнюдь не анонимные «записки».

Н. В. Дмитриева и А. И. Нарежный, которые вслед за Кротом возвращаются к этой записке, также не смогли установить её автора[24]. При этом все они неверно читают первый инициал его имени как «К», хотя в тексте документа четко указано «Н»[25].

В итоге, как нам удалось выяснить, автором этой записки являлся публицист, правовед и декабрист Николай Иванович Кутузов (1790–1849), сотрудник Министерства юстиции и Второго отделения Собственной его императорского величества канцелярии, которое занималось кодификацией законов Российской империи, в том числе остзейского законодательства. Высочайшим приказом он был уволен из Лейб-гвардии Егерского полка «для определения к статским делам» и в должности младшего помощника 6.05.1826

[21] Национальные окраины... С. 155.
[22] РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 66. Л. 37. Имеется в виду: *Саввaитов П. И.* Материалы для биографии М.М. Сперанского // Отечественные записки. 1855. Т. С. май. С. 49–54.
[23] Национальные окраины... С. 155.
[24] Там же. С. 327.
[25] РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 66. Л. 31.

г. причислен ко Второму отделению, 23.04.1833 г. прикомандирован к редакции Свода военных постановлений и руководил ею с 13.01.1836 г. по 1839 г. С 21.07.1842 г. Кутузов являлся сотрудником Департамента Министерства юстиции и 27.12.1843 г. был назначен членом Консультации при этом министерстве[26].

Следует также отметить, что записка Кутузова отнюдь не «новый» исторический документ, поскольку он был опубликован в 1865 г. в издании «Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете», и с тех пор известен исследователям[27]. В связи с этим не было никакой необходимости его подробно пересказывать и избыточно цитировать в монографии. Обращает на себя внимание еще и то, что вслед за Кротом (гл. 7) Дмитриева и Нарежный в гл. 13 пересказывают эту записку практически в одних и тех же выражениях[28].

Друг за другом они приводят одну и ту же цитату Ю. Ф. Самарина о том, что «жалобы русских» на рижский магистрат были «изложены в превосходно составленной записке», представленной в 1841 г. в Государственный совет, которая послужила для него основанием 19.06.1841 г. установить порядок приобретения гражданства города Риги[29]. М. Н. Крот, Н. В. Дмитриева и А. И. Нарежный пытаются убедить читателя в том, что Самарин в данном случае имел в виду именно найденную ими записку Кутузова с «программой русификации» национальных регионов Российской империи, повышая тем самым научную значимость этого документа. При этом их вовсе не смутило

[26] Декабристы: биографический справочник / изд. подгот. С. В. Мироненко. М., 1988. С. 94.

[27] О необходимости ввести во всех губерниях и областях империи русские органические законы // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1865. Кн. 3. С. 173–185.

[28] Национальные окраины… С. 155–158, 327–330. Например: «В 1841 г. прокурор, по <…> собственному признанию, «возвысил голос в защиту русских» в Риге…» (С. 155); «В 1841 г., когда прокурор, по собственному признанию, «возвысил голос в защиту русских» в Риге…» (С. 328); «именно такое положение дел было характерно для народов, населяющих западные окраины России, что и являлось причиной их оторванности от общеимперской жизни» (С. 156); «Именно такое положение, по его мнению, характерно для народов западных окраин России, что и является причиной их оторванности от общеимперской жизни» (С. 328). Повторы присутствуют также на С. 220 (ср. С. 80).

[29] Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ). Собрание второе (II). Т. XVI. СПб., 1842. № 14670; Национальные окраины. С. 155, 328. В обоих случаях неверно указаны страницы сочинения Ю. Ф. Самарина, на которых находится эта цитата: С. 522, 525 (Сн. 5, С. 155), 607 (Сн. 3, С. 328). В действительности, в работе Самарина она находится на С. 97. См.: *Самарин Ю. Ф.* Письмо 4-ое. Положение русских в Остзейском крае // Сочинения Ю.Ф. Самарина. Т. 7: Письма из Риги и История Риги. М., 1889. С. 97.

то, что ранее они датировали ее 1842, а не 1841 годом[30]. Не смутил их также и литературный, а отнюдь не канцелярский, присущий правительственным документам, стиль этой записки, который в полной мере позволяет отнести её к публицистике.

В действительности, как свидетельствуют выявленные мною архивные документы, Самарин в данном случае имел в виду совсем другой документ, а именно «Записку Второго отделения собственной его императорского величества канцелярии, об устройстве городского общества в Риге и в особенности о приобретении прав гражданства и вступлении в Рижские городские гильдии и братства» за подписью начальника Второго отделения М. А. Балугьянского. Главноуправляющий этим отделением Д. Н. Блудов представил эту записку 1.02.1841 г. государственному секретарю М. А. Корфу, и она легла в основу постановления Государственного совета 19.06.1841 г.[31]

Как отмечается во вводной части к этой записке, в Комитете, высочайше учрежденном для «окончательной ревизии» составленного во Втором отделении Свода местных законов Остзейских губерний, возник вопрос о том, в чем именно состояло и на каком основании приобреталось право гражданства в городах этих губерний, и, в частности, в Риге. Непосредственным же поводом к возникновению этого вопроса послужили поступавшие во Второе отделение дела по жалобам русских купцов, мещан и ремесленников, которые в течение длительного времени проживали в Риге. Они жаловались на то, что «тамошние граждане» препятствовали им пользоваться «правами городского состояния в составе городских обществ»[32].

В третьей части этой записки «Споры между Рижским Магистратом с одной и Русскими купцами и ремесленниками с другой стороны» изложено основное содержание этих жалоб с указанием фамилий представивших их лиц. В частности, жаловались от имени «Рижского Российского купечества» в мае 1826 г. и 4.12. того же года купец 2 гильдии Антипов, 14.05.1829 г. уполномоченные от Российского купеческого общества Грачев, от проживавших в Риге «российских» каменщиков и печников Щеголев, Воронов, Простяков 6.04.1826 г., от имени русских ремесленников Кузнецов 7.06.1827 г., в сентябре того же года от русских мещан Филиппов[33].

[30] Национальные окраины… С. 155, 328.
[31] РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. Д. 12. Л. 1, 134.
[32] Там же. Л. 2 об.
[33] Там же. Л. 53 об.–54.

Никаких упоминаний ни о Кутузове, ни о его записке в тексте этого документа нет. Да и быть не могло, поскольку в ответ на одно из его обращений к Николаю I, государь 28.07.1832 г. просил начальника Кутузова М. А. Балугьянского возвратить своему подчиненному «прилагаемую бумагу» и объявить от имени царя, чтобы впредь тот более занимался «предметами своей службы» и не касался вопросов, о которых «ясного понятия не имеет»[34]. При этом «рассуждения» Кутузова государь счел «неуместными» и «противными истине», которые «доказывают только совершенное незнание настоящего положения вещей, при большой самонадеянности». Как свидетельствовал Балугьянский, 29.07.1832 г. он довел до сведения Кутузова это высочайшее мнение[35]. Столь уничижительная оценка Николая I делала маловероятной возможность его привлечения к разработке вопросов, связанных с местным и общегосударственным управлением.

Основываясь на записке Кутузова, Крот относит появление первых «проектов» «русификации» национальных регионов Российской империи к 1840-м гг. и впадает в ошибку, поскольку еще в феврале 1764 г. Екатерина II высказывалась в своей инструкции генерал-прокурору князю А. А. Вяземскому о необходимости «обрусения» Малороссии, Лифляндии, Финляндии и Смоленской провинции, чтобы они перестали «глядеть как волки к лесу»[36]. Следует отметить, что речь в данном случае шла отнюдь не о превращении населения этих регионов в русских, а о распространении на них общероссийской системы управления и ликвидации тем самым местных административных «особенностей».

Вслед за М. Н. Кротом впадает в ошибку и Н. В. Дмитриева, когда утверждает, что преобразования, направленные на «инкорпорацию» Прибалтийских губерний в «единое административно-правовое пространство империи» (которого, кстати, во второй половине XIX в. не существовало), начал проводить Александр II, и именно он предпринял «первые попытки реформирования Остзейского края»[37]. При этом Дмитриева полностью игнорирует реформы Екатерины II в этих губерниях. В действительности, первые мероприятия по ограничению остзейской автономии относились к 80-м

[34] РГИА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 27. Л. 6.
[35] Там же. Л. 6.
[36] Национальные окраины… С. 154–155; Собственноручное наставление Екатерины II князю Вяземскому при вступлении им в должность генерал-прокурора (1764 г.) // Сборник Императорского русского исторического общества. 1871. Т. 7. С. 348.
[37] Национальные окраины… С. 75.

гг. XVIII в. и были связаны с правительственной политикой централизации и унификации управления государством[38].

Екатерининские преобразования 1780-х гг. в Остзейских губерниях ликвидировали органы сословного самоуправления прибалтийско-немецкого дворянства (т. н. ландесштат), а также привилегии этого дворянства и бюргерства. Они унифицировали административное устройство Эстляндии и Лифляндии с внутренними губерниями Российской империи, и вместе с тем способствовали экономическому развитию Прибалтики. Благодаря этим преобразованиям в значительной степени была преодолена политическая и экономическая изолированность Прибалтийских губерний от остальных регионов государства[39].

Неверны также сведения Дмитриевой и об И. Я. Депмане. В качестве первого инициала его отчества она дважды ошибочно указала букву С вместо Я[40]. Отца Депмана звали Яагу (Jaagu), поэтому сын получил русское отчество Яковлевич. Ошибается Дмитриева и называя его «эстонским исследователем». В действительности, Иван (Яан, Jaan) Яковлевич Депман (1885–1970) был российским математиком, историком математики эстонского происхождения. Уроженец волости Тарвасту Лифляндской губернии Депман большую часть своей жизни провел в Петрограде – Ленинграде, с которым была связана его основная педагогическая, научная и просветительская деятельность. Следует также отметить, что «современный эстонский исследователь И. Пярт» на самом деле дама – Ирина Пярт (Pärt), поэтому в мужском роде писать о ней не следовало[41].

Утверждение Н. В. Дмитриевой о том, что «обращение к вопросу о выработке политического курса империи в конце XIX в.» применительно к Прибалтийским губерниям «невозможно без изучения истории сенаторской ревизии Н. А. Манасеина Лифляндской и Курляндской губерний», обескураживает «новизной» сделанного ею «открытия»[42]. В исторической литературе еще в 1950–1960-х гг. и позднее неоднократно указывалось на то, что результаты ревизии Манасеина оказали непосредственное влияние на

[38] Подробно о реформах 1780-х гг. в Прибалтийских губерниях см., например: *Зутис Я. Я.* Остзейский вопрос в XVIII в. Рига, 1946; *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы... С. 60–61.
[39] Подробно об этом: *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы… С. 61.
[40] Национальные окраины… С. 77, 78.
[41] Там же. С. 77, 78.
[42] Там же. С. 75.

политику Александра III в Прибалтийских губерниях[43]. Автор этих строк, в частности, также отмечала в своих работах то, что эта ревизия дала фактический материал для разработки реформ конца XIX в. в Прибалтике, а её материалы и в начале XX в. использовались при подготовке правительственных преобразований для Прибалтийских губерний[44].

Вместе с тем из «широкого круга исторических источников», который Дмитриева намеревалась привлечь, чтобы в рамках «новой политической истории» раскрыть «механизм подготовки, организации и проведения ревизии» Манасеина, почему-то пропали главные в этом отношении документы — Инструкция сенаторам, назначаемым для обревизования губерний 17.03.1819 г., которая служила руководством для ревизующих сенаторов и определяла порядок проведения этих ревизий, и Особое наставление ревизующему сенатору[45]. Хотя исследование сенаторской ревизии, казалось бы, следовало начинать именно с руководящих документов, и, в частности, с инструкции и наставления производившему ее сенатору.

В связи с тем, что инструкция 1819 г. ко второй половине XIX в. серьезно устарела, Сенат при назначении сенаторских ревизий запрашивал у министерств и ведомств, какие именно вопросы их интересовали в губерниях, которые предполагалось ревизовать. В ответ эти министерства и ведомства предлагали ревизующим сенаторам «специальные, усложнявшиеся с каждым годом программы проверок», поэтому последним разрешалось отвечать на поставленные в них вопросы с различной «степенью полноты»[46].

Обширность этих программ в целом была характерна для сенаторских ревизий второй половины XIX в., в том числе и для ревизии Манасеина. В связи с этим вряд ли следует считать, как это делает Дмитриева, её обширную программу безусловным свидетельством того, что главной целью этой ревизии было собрать сведения «для реализации плана широкого реформирования Прибалтийского края». Утверждая о существовании этого «плана», она также ссылается на «секретное письмо министра внутренних дел к министру

---

[43] См., например: *Wittram R.* Baltische Geschichte. München, 1954; *Лаул Э.* О рапорте сенатора Н. А. Манасеина… С. 159; *Зайнутдинова Г. Ш.* Особенности реализации судебной реформы 1864 г. в Остзейском крае // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 2. С. 127.

[44] *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы… С. 71, 72, 161, 181; *Она же.* «Остзейский вопрос» в политике Российской империи... С. 115, 117–119.

[45] Национальные окраины… С. 76, 77; ПСЗ. I. Т. XXXVI. № 27722.

[46] *Михайлик К. А., Тебиев Б. К.* Правительствующий Сенат и сенаторские ревизии в России 1711–1917 гг. М., 2010. С. 157, 159. Ср.: Национальные окраины… С. 79.

юстиции от 2 января 1882 г. № 2», содержание которого, однако, не приводит[47].

В действительности же никакого «плана» «реформирования» Прибалтийских губерний это письмо не содержало, а речь в нем шла о назначении их сенаторской ревизии. В качестве основного мотива при этом министр внутренних дел Н. П. Игнатьев указал проведение земской реформы в Прибалтике, а также необходимость проверить деятельность местных учреждений, на которые поступали нарекания, и принять меры по стабилизации социально-политической ситуации в крае.

Следует отметить, что институту сенаторских ревизий в Российской империи с XVIII в. по 1917 г., в том числе «механизмам» их подготовки и осуществления, посвящено значительное число работ отечественных исследователей, однако все они оставлены Н. В. Дмитриевой без внимания[48]. В то время как сделанные их авторами выводы относительно порядка назначения, организации и проведения этих ревизий вполне можно было использовать при изучении ревизии Манасеина. Это позволило бы выявить наряду с тем, что в целом относилось к общей практике сенаторских ревизий, специфические особенности характерные именно для ревизии Манасеина. Если, конечно, таковые имелись.

Описание этой ревизии, среди прочего, перегружено перечнем лиц, составивших, по выражению Дмитриевой, «команду сенатора» (правильнее было бы сказать канцелярию ревизующего сенатора), и перечислением различных статей расходов на ее проведение[49]. Для удобства изложения эти перечни следовало поместить в приложения, а в списке «команды сенатора» — ещё и указать инициалы перечисленных лиц. В связи с тем, что латвийский историк А. А. Дризул опубликовал перечни вопросов, подготовленные для

---

[47] *Михайлик К. А., Тебиев Б. К.* Правительствующий Сенат... С. 159. Ср.: Национальные окраины... С. 79.

[48] См., например: *Михалкина Т. А.* Роль сенаторских ревизий при проведении реформ в России // Вестник Поволжского института управления. 2006. № 10. С. 5–10; *Михайлик К. А., Тебиев Б. К.* Правительствующий Сенат...; *Соколов Д. В.* Эволюция сенаторских ревизий в период 1722–1917 гг. // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2017. № 2. С. 123–133; *Он же.* Эволюция структуры и функций Правительствующего Сената в Российской империи (1711–1917 гг.). М., 2020; *Паина Э. С.* Сенаторские ревизии и их архивные материалы (XIX – начало XX в.) // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX – начала XX в. Л., 1967. С. 147–175; *Савченко Н. А.* Институт сенаторских ревизий в системе государственного контроля Российской империи. XVIII – начало XX вв. Курск, 2012.

[49] Национальные окраины… С. 83–85.

ревизии Манасеина Министерствами юстиции, внутренних дел и Морского министерства, вряд ли существовала необходимость их подробно пересказывать в монографии, достаточно было сослаться на соответствующее издание Дризула[50].

Особо следует отметить терминологию и в целом язык монографии под редакцией А. Т. Урушадзе. Термин «информационная война», возникший в середине 1970-х гг., применительно к концу XIX в. в историческом исследовании выглядит некорректно, также как и выражение «(не)системный (sic! – Н.А.) мониторинг» в отношении ревизии Манасеина[51]. Вряд ли сенатор отдавал себе отчет в том, что осуществляет «мониторинг» или ещё лучше «мониторит» Лифляндскую и Курляндскую губернии. Вместо «эстоно - латышские народные массы» правильнее было бы сказать эстонское и латышское население, «весомые внешние причины» лучше было заменить на серьёзные внешнеполитические обстоятельства, а «серединную позицию» — на промежуточную точку зрения и т. д. При этом фраза «Авторы данных статей высказали противоположное высказанному мнению» представляет собой типичный пример тавтологии. В то время как смысл высказывания о том, что в Прибалтийских губерниях правительство проводило политику «отказа от поддержки лояльности дворянской элиты», вообще ускользает от читателя[52].

В целом, как представляется, приведённые выше замечания наряду со слишком вольным обращением с документальными источниками, вызывают вполне закономерный вопрос относительно научного уровня глав этой монографии, посвящённых Прибалтийским губерниям.

Монография, изданная под грифом Санкт-Петербургского государственного университета, посвящена экономической политике Российской империи в её национальных регионах, в том числе в Прибалтийских губерниях[53]. Следует отметить, что под влиянием процессов модернизации и индустриализации Прибалтийские губернии в конце XIX – начале XX в. переживали период быстрого экономического развития, которое

[50] Там же. С. 82; Приложение I // Manaseina revizija… С. 216–232.
[51] Национальные окраины… С. 231, 74.
[52]Там же. С. 219, 75, 78, 94.
[53] Центр и регионы. 2-е изд… СПб., 2021.

сопровождалось глубокими изменениями в социальной и национальной структуре местного общества[54].

Ускоренные темпы роста промышленности, в особенности металлообрабатывающей и машиностроительной, появление крупных предприятий привели к увеличению городского населения в прибалтийских городах за счет притока переселенцев из эстонской и латышской деревни. В то время как доля немцев — преимущественно городских жителей — среди горожан неуклонно сокращалась. Экономическое развитие Прибалтики также сопровождалось формированием социальных групп — пролетариата не немецкого по своему составу (в основной своей массе эстонского и латышского), национальной, в том числе немецкой, буржуазии и интеллигенции.

Однако ничего об этом, а также о торгово-промышленной и финансовой политике российского правительства в Прибалтийских губерниях в конце XIX – начале XX вв., из этой монографии читатель, к сожалению, не узнает. Вместо исследования содержания экономической политики правительства в Прибалтике в указанный период авторы соответствующей главы (гл. 10) ограничились изложением взглядов консервативных публицистов на эту политику[55].

Как уже отмечалось выше, дискуссия по «остзейскому вопросу» в российской публицистике и в прессе во второй половине XIX – начале XX в. основательно изучена в исторической литературе, в частности в работах С. Г. Исакова, М. М. Духанова, Т. Ф. Пирожковой, Ю. Л. Михайловой и др., которые авторы главы 10 проигнорировали[56]. Работы Ю. Ф. Самарина и других российских публицистов по «остзейскому вопросу» хорошо известны исследователям, поэтому вряд ли существовала настоятельная необходимость в очередной раз их пересказывать и цитировать страницами, тем более что ничего принципиально нового по сравнению с предшественниками в исследование полемики по этому вопросу авторы соответствующей главы не внесли.

Правительственная политика в Прибалтике в указанный период рассматривается через призму «культурной и экономической русификации»

---

[54] Подробно об этом см.: *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы… С. 76–79.

[55] См., например: Центр и регионы. 2-е изд… С. 555–575, 592–606.

[56] *Исаков С. Г.* Остзейский вопрос...; *Духанов М. М.* Остзейцы…; *Пирожкова Т. Ф.* «Страшная книга»…; *Михайлова Ю. Л.* Славянофилы и остзейский вопрос…

региона, причем что именно понимается под «экономической русификацией» авторы главы 10 не поясняют[57]. Различные аспекты экономической политики Российской империи в Прибалтийских губерниях в начале XX в., а также особенности их социально-экономического развития, уже освещались в историографии, в том числе в работах эстонских историков Ю. Кахка, Э. Тарвела, К. Сийливаска, А. Кёёрна, однако все они были проигнорированы авторами соответствующей главы[58]. Важный для изучения экономических связей Прибалтики с Россией вопрос об участии остзейских деловых кругов в российском предпринимательстве в начале XX в. они также оставили без внимания.

Основными источниками по аграрному вопросу в Прибалтийских губерниях в начале XX в. для авторов гл. 10 послужили опубликованная в 1987 г. монография эстонского историка Т. Карьяхярма и газета правого толка «Окраины России», выходившая в 1906–1912 гг.[59] В то же время не были использованы работы эстонских историков С. Кивимяэ и Т. Розенберга по аграрному вопросу, а также архивные документы, относящиеся к этой теме[60].

Сужение источниковой базы, среди прочего, предопределило основные недостатки гл. 10. К числу последних следует отнести краткое, поверхностное и весьма сумбурное изложение аграрной политики правительства в Прибалтийских губерниях в указанный период и допущенные при этом фактические ошибки. Так, законопроект об отмене особых привилегий собственников дворянских вотчин в Прибалтийских губерниях, по мнению авторов гл. 10, «появился» лишь в августе 1915 г. «на волне антинемецких настроений военного времени»[61]. На самом же деле вопрос об отмене этих

---

[57] Центр и регионы. 2-е изд… С. 556.

[58] *Kahk J., Tarvel E.* An Economic History of the Baltic Countries. Stockholm, 1997; *Siilivask K.* Socio-economic Development of the Baltic Countries at the Beginning of the 20th Century // The Baltic Countries... P. 229–244; *Köörna A.* Industrial Development and Banking in Estonia Before World War I (1900–1914) // Ibid. P. 263–274.

[59] *Карьяхярм Т.* Эстонская буржуазия, самодержавие и дворянство в 1905–1917 гг. Таллин, 1987.

[60] См., например: *Кивимяэ С. К.* Аграрная политика царизма в Прибалтике в начале 20 в. // Проблемы развития социально-экономических формаций в странах Балтики. Доклады исторической конференции 28–30 ноября 1978 г. Тарту, 1978. С. 125–141; *Она же.* Столыпинская аграрная реформа в Прибалтике: Автореф. дис. … канд. ист. н. Таллин, 1981; *Idem.* Der Zarismus und die Agrarfrage in Estland am Vorabend der Revolution 1905–1907 // The Baltic Countries… S. 185–198; *Rosenberg T.* Zum Problem der Arbeitskräfte in der Landwirtschaft Estlands 1907 bis 1914 // Ibid. S. 275–298.

[61] Центр и регионы. 2-е изд… С. 603.

привилегий ещё в 1907 г. обсуждало Особое совещание при временном прибалтийском генерал-губернаторе, а в 1911 г. к нему обратилась Государственная дума. В неё 10.05.1911 г. был внесен проект «60-ти» «Об отмене привилегий дворянских вотчин в Прибалтийских губерниях» при поддержке кадетов, трудовиков, прогрессистов и социал-демократов[62].

Законопроект 1915 г., который упоминают авторы гл. 10, в действительности был вторым думским законодательным предположением по указанному вопросу. В Думу он поступил 1.08.1915 г. за подписью 205 депутатов – кадетов, прогрессистов и представителей правых. Утверждение авторов гл. 10 о том, что этот законопроект якобы «дальнейшего хода» не получил, не соответствует действительности[63].

Так, по решению Совета министров 25.09.1915 г., правительство взяло его разработку на себя и подготовило проект закона «Об отмене особых поземельных прав владельцев дворянских вотчин в Прибалтийских губерниях», который вступил в силу 10.07.1916 г. в порядке чрезвычайного законодательства[64]. Объем статьи, к сожалению, не позволяет подробно изложить законотворческую деятельность правительства и Думы по вопросу о ликвидации особых привилегий собственников дворянских вотчин в Прибалтике, поэтому отсылаем заинтересованного читателя к нашим публикациям, в которых она детально рассмотрена[65].

Утверждение о том, что «последний», «окончательный» законопроект о введении земства в Прибалтийских губерниях в 1916 г. был разработан, как следует из контекста изложения, правительством, причем в его «преамбуле» упоминался Ю. Ф. Самарин, нуждается в уточнении[66]. Соответствующие «глухие» ссылки (сн. 183, 184) не раскрывают названия документа, послужившего основанием для этого утверждения, а отсылают к сборнику

---

[62] Подробно об этом см.: *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы… С. 146–148, 240–241.
[63] Центр и регионы. 2-е изд… С. 603. Ср. *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы… С. 241–243.
[64] *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы... С. 243.
[65] Там же. С. 146–148, 240–243; *Андреева Н. С.* Из истории Государственной думы Российской империи: «Остзейский вопрос» // Государство и общество в России XV – начала XX в. Сб. статей памяти Н. Е. Носова. СПб., 2007. С. 428–429; *Она же.* Статус немецкого дворянства в Прибалтике в начале XX в. // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 56–57; *Она же.* «Конец немецкому засилью»: прибалтийские немцы и Первая мировая война // Прибалтийские исследования в России. 2015. М., 2015. С. 79–80; *Она же.* Революционный кризис 1905 г. и вопрос о реформах в Прибалтийских губерниях // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4 (40). С. 45–46, 49.
[66] Центр и регионы. 2-е изд… С. 606.

документальных материалов, опубликованному Т. Карьяхярмом[67]. На указанных в них страницах этого сборника помещён документ «Законодательное предположение о введении земских учреждений в Прибалтийском крае (внесено за подписью 93 Членов Государственной Думы 24 марта 1916 г.)», который являлся законодательной инициативой депутатов Думы, а отнюдь не был правительственным законопроектом, и подробно рассматривался, в том числе и в моих публикациях[68].

В результате своей «символичностью», по выражению авторов гл. 10, связанной с упоминанием в тексте этого документа Ю. Ф. Самарина, а также можно было ещё добавить и сенатора Н. А. Манасеина, и его ревизии, он в полной мере обязан 93 членам Государственной думы, в том числе её эстонским и латышским депутатам, — авторам этой законодательной инициативы, а отнюдь не правительству[69].

Некоторые из утверждений авторов гл. 10 вызывают определённые сомнения, в частности: «Ключевым для решения балтийского вопроса даже в начале XX в. оставался вопрос аграрный, тесно переплетенный здесь (в Прибалтике — Н.А.) с национальным»[70]. Каким образом национальный вопрос в Прибалтийских губерниях «переплетался» с вопросом аграрным, и почему авторы гл. 10 считают именно его главным в решении «балтийского вопроса», под которым понимался целый комплекс местных социально-политических и экономических проблем: помимо аграрного, земский, церковный, административный и др. вопросы, а не, например, вопрос об уравнении в политических и гражданских правах эстонцев и латышей с прибалтийскими немцами, дальнейшее изложение не поясняет.

Неясно о каких именно «консервативных общественных кругах» идет речь, в которых, по утверждению авторов гл. 10, «во второй половине XIX в. сформировались основы экономической политики русской власти на окраинах»[71]. Вызывает вопрос и то, почему именно этим «общественным кругам» приписывается «формирование» экономического курса правительства, в то время как разработка правительственной политики, в том числе и в национальных регионах, входила в компетенцию центральных

[67] Там же. С. 606. Сн. 183, 184; Имперская политика России в Прибалтике в начале XX в.: сб. документов и материалов / сост. Т. Карьяхярм. Тарту, 2000.
[68] Имперская политика… С. 357–374; *Андреева Н. С.* Прибалтийские немцы... С. 255–257.
[69] Центр и регионы. 2-е изд… С. 606; Имперская политика… С. 361, 359.
[70] Центр и регионы. 2-е изд… С. 598.
[71] Там же. С. 575.

ведомств, и, в частности, Министерства внутренних дел, Министерства финансов, Министерства торговли и промышленности и др.

К этому следует добавить, что «Местный деятель начала XX в. В. Земцев» в действительности был публицистом Ф. Гарайсом (1865–1936), писавшим под псевдонимом Земцев[72]. Его публикации по «остзейскому вопросу» хорошо известны исследователям, поэтому их не требовалось цитировать целыми абзацами.

Особо необходимо отметить язык этой работы, и в частности выражения: «смелый полет конспирологической мысли несколько опережал свое время», «оба конфликта перешли из хронической стадии в острую», «Ревель представлялся взгляду националиста», «русские националисты», «русских колонизаторов» и др., которые сближают её больше с публицистикой, чем с научным исследованием[73].

Недостаток двух рассмотренных выше коллективных монографий состоит в том, что их авторы в исследовании правительственной политики в Прибалтийских губерниях конца XIX – начала XX в. исходят априори из концепции «русификации», причем основным источником исследования для них послужила консервативная публицистика. Публицисты же по вполне понятным причинам не обладали доступом к правительственным документам, относившимся к разработке реформ и в целом к формированию политического курса правительства применительно к национальным регионам Российской империи, и в своих публикациях излагали собственные представления об этой политике, которые большей частью не имели никакого отношения к реальным намерениям и действиям правительства.

В связи с этим для каждого серьезного историка очевидно, что исследование правительственной политики, в том числе и национальной, должно основываться на документальных источниках, и прежде всего, на документах правительственных учреждений, относящихся к выработке и реализации этой политики, а отнюдь не на публицистике. Вместе с тем привлечение исторической литературы к исследованию позволило бы авторам этих монографий более основательно и детально рассмотреть поставленную проблему, а также не «открывать» в очередной раз то, что уже давно и хорошо известно благодаря предшествующей историографии.

[72] Там же. С. 598.
[73] Центр и регионы. 2-е изд... С. 566, 599, 598, 600, 602, 574.

К этому следует добавить, что для изучения сюжетов, связанных с историей Прибалтийских губерний, необходимо использовать не только вышедшие на русском языке работы отечественных исследователей, но ещё и немецкую историографию, в которой прибалтийской проблематике традиционно уделяется существенное внимание. Для успешной исследовательской работы по этой проблематике также весьма желательно знание хотя бы одного из местных языков — эстонского или латышского в объёме, дающем возможность читать историческую литературу на этом языке.

В заключение позволю себе отметить, что хотелось бы видеть в российской историографии новые фундаментальные работы по истории Прибалтийских губерний, основанные на критическом анализе отечественной и зарубежной исторической литературы и архивных источников, написанные научным, академическим языком, вместо очередных пересказов давно известного старого, включая отжившие историографические штампы, к которым в полной мере относится и «русификация».

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Andreeva N. S. *Pribaltijskie nemcy i rossijskaja pravitel'stvennaja politika v nachale XX veka [Baltic Germans and Russian Government's Policy at the Beginning of the 20th Century*.]. St-Petersburg: Mir, 2008. 310 p. (In Russian)

Андреева Н. С. Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века. СПб.: «Міръ», 2008. 310 с.

Andreeva N. S. *«Ostzejskij vopros» v politike Rossijskoj imperii (1900 – fevral' 1917 g.) ["Ostsee Question" in the Policy of the Russian Empire (1900 – February 1917)*]: dis. ... d-ra ist. nauk. St-Petersburg, 2010. 504 p. (In Russian)

Андреева Н. С. «Остзейский вопрос» в политике Российской империи (1900–февраль 1917 г.): Дис. ... д-ра ист. н. Санкт-Петербург, 2010. 504 с.

Andreeva N. S. Iz istorii Gosudarstvennoj dumy Rossijskoj imperii: «Ostzejskij vopros» [From the History of the State Duma of the Russian Empire: The "Ostsee Question"], in *Gosudarstvo i obshhestvo v Rossii XV – nachala XX v. Sb. statej pamjati N. E. Nosova.* St-Petersburg: Nauka, 2007. P. 421–430. (In Russian)

Андреева Н. С. Из истории Государственной думы Российской империи: «Остзейский вопрос» // Государство и общество в России XV – начала XX в. Сб. статей памяти Н. Е. Носова. Санкт-Петербург: «Наука», 2007. С. 421–430.

Andreeva N. S. «Konec nemeckomu zasil'ju»: pribaltijskie nemcy i Pervaja mirovaja vojna ["The End of German Dominance": the Baltic Germans and the First World War], in *Pribaltijskie*

issledovanija v Rossii. 2015. Moscow: Izdatel'skij centr fonda «Istoricheskaja pamjat'», 2015. P. 68–81. (In Russian)

Андреева Н. С. «Конец немецкому засилью»: прибалтийские немцы и Первая мировая война // Прибалтийские исследования в России. 2015. Москва: Издательский центр фонда «Историческая память», 2015. С. 68–81.

Andreeva N. S. Revoljucionnyj krizis 1905 g. i vopros o reformah v Pribaltijskih gubernijah [The Revolutionary Crisis of 1905 and the Question of Reforms in the Baltic Provinces], in *Peterburgskij istoricheskij zhurnal*. 2023. № 4 (40). P. 38–52.

Андреева Н. С. Революционный кризис 1905 г. и вопрос о реформах в Прибалтийских губерниях // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4 (40). С. 38–52.

Andreeva N. S. Status nemeckogo dvorjanstva v Pribaltike v nachale XX v. [The Status of the German Nobility in the Baltic States at the Beginning of the 20th Century], in *Voprosy istorii*. 2002. № 2. P. 44–61. (In Russian)

Андреева Н. С. Статус немецкого дворянства в Прибалтике в начале XX в. // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 44–61.

Barbenko I. A. Bluzhdanie mezhdu regionami, ili o pol'ze teorii v istoricheskih issledovanijah (recenzija na izdanie «Centr i regiony: jekonomicheskaja politika pravitel'stva na okrainah Rossijskoj imperii (1894–1917). SPb., 2021») [Wandering between Regions, or on the Benefits of Theory in Historical Research (Review on the Publication "The Center and the Regions: Economic Policy of the Government on the Outskirts of the Russian Empire (1894-1917). St.-Petersburg, 2021")], in *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovanija*. 2023. № 1. P. 159–163. (In Russian)

Барбенко Я. А. Блуждание между регионами, или о пользе теории в исторических исследованиях (рецензия на издание «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917). СПб., 2021») // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1. С. 159–163.

Burmistrova T. Iu, Gusakova V. S. *Nacional'nyj vopros v programmah i taktike politicheskih partij v Rossii 1905–1917 gg. [The National Question in the Programs and Tactics of Political Parties in Russia 1905–1917]*. Moscow: Mysl', 1976. 262 p. (In Russian)

Бурмистрова Т. Ю., Гусакова В. С. Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в России 1905–1917 гг. Москва: Мысль, 1976. 262 с.

Vartumian A. A. Imperskij proekt Rossii: rusifikacija nacional'nyh okrain – recenzija na monografiju «Nacional'nye okrainy v politike Rossijskoj imperii i russkoj obshhestvennoj mysli / pod obshh. red. A.T. Urushadze. – Rostov-na-Donu: izd. JuNC RAN, 2020» [The Imperial Project of Russia: Russification of National Suburbs – a Review of the Monograph "National Suburbs in the Politics of the Russian Empire and Russian Public Thought / under the General Editorship of A. T. Urushadze. Rostov-on-Don: ed. YUNC RAS, 2020"], in *Voprosy jelitologii*. 2021. № 1. P. 227–237. (In Russian)

Вартумян А. А. Имперский проект России: русификация национальных окраин – рецензия на монографию «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли / под общ. ред. А. Т. Урушадзе. Ростов-на-Дону: изд. ЮНЦ РАН, 2020» // Вопросы элитологии. 2021. № 1. С. 227–237.

Dekabristy: biograficheskij spravochnik [The Decembrists: Biographical Guide], in Mironenko S. V. (ed.). Moscow: Nauka, 1988. 446 p. (In Russian)
Декабристы: биографический справочник / Изд. подгот. С. В. Мироненко. Москва: Наука, 1988. 446 с.

Depman I. O naznachenii senatora N.A. Manaseina revizorom Lifljandskoj i Kurljandskoj gubernij [On the Appointment of Senator N.A. Manasein as Auditor of the Livonia and Courland provinces], in *Izvestija Akademii nauk JeSSR*. T. X. Serija Obshhestvennyh nauk. 1961. № 2. P. 144–148. (In Russian)
Депман И. О назначении сенатора Н. А. Манасеина ревизором Лифляндской и Курляндской губерний // Известия Академии наук ЭССР. Т. X. Серия Общественных наук. 1961. № 2. С. 144–148.

Dukhanov M. M. *Ostzejcy: Politika ostzejskogo dvorjanstva v 50 – 70-h gg. XIX v. i kritika ejo apologeticheskoj istoriografii [Ostsee People: Politics of the Ostsee Nobility in the 50– 70s of the 19th Century and Criticism of its Apologetic Historiography]*. Riga: Liesma, 1978. 475 p.
Духанов М. М. Остзейцы: Политика остзейского дворянства в 50–70-х гг. XIX в. и критика её апологетической историографии. Рига: Лиесма, 1978. 475 с.

Zaĭnutdinova G. Sh. Osobennosti realizacii sudebnoj reformy 1864 g. v Ostzejskom krae [The Specifics of the Judicial Reform of 1864 in the Baltic Region], in *Vestnik jekonomiki, prava i sociologii*. 2014. № 2. P. 126–128. (In Russian)
Зайнутдинова Г. Ш. Особенности реализации судебной реформы 1864 г. в Остзейском крае // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 2. С. 126–128.

Zubkov K. I., Poberezhnikov I. V., Shumkin G. N. Imperskaya vlast′ i politika preobrazovaniya okrain: retsenziya na knigu: Khodyakov M. V. (red.), (2021). Tsentr i regiony: ekonomicheskaya politika pravitel′stva na okrainakh Rossijskoj imperii (1894 – 1917). Izdatel′stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta [Imperial Power and the Policy of Transformation of the Suburbs: Book Review: Khodiakov, M.V. (ed.), (2021). Center and Regions: Economic Policy of the Government on the Outskirts of the Russian Empire (1894-1917). Saint-Petersburg University Press], in *Zhurnal Frontirnykh Issledovanij*. 2022. № 2. P. 166–175. (In Russian)
Зубков К. И., Побережников И. В., Шумкин Г. Н. Имперская власть и политика преобразования окраин: рецензия на книгу: Ходяков М. В. (ред.), (2021). Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917). Издательство Санкт-Петербургского университета // Журнал Фронтирных Исследований. 2022. № 2. С. 166–175.

Zutis I. I. *Ostzejskij vopros v XVIII v. [The Ostsee Question in the 18th Century]*. Riga, VAPP, 1946. 649 p. (In Russian)
Зутис Я. Я. Остзейский вопрос в XVIII в. Рига: ВАПП, 1946. 649 с.

Imperskaja politika Rossii v Pribaltike v nachale XX v.: sb. dokumentov i materialov [Russia's Imperial Policy in the Baltic at the Beginning of the 20th century: Collection of Documents and Materials]. Kar'jahjarm, T. (ed.). Tartu: Eesti Ajalooarhiiv, 2000. 404 p. (In Russian)
Имперская политика России в Прибалтике в начале XX в.: сб. документов и материалов / сост. Т. Карьяхярм. Тарту: Eesti Ajalooarhiiv, 2000. 404 с.

Isakov S. G. *Ostzejskij vopros v russkoj pechati 1860-h godov [The Ostsee Question in the Russian Press of the 1860s]*. Tartu: tip. im. H. Hejdemanna, 1961. 186 p. (In Russian)
Исаков С. Г. Остзейский вопрос в русской печати 1860-х годов. Тарту: тип. им. Х. Хейдеманна, 1961. 186 с.

Kar′iakhiarm T. *Jestonskaja burzhuazija, samoderzhavie i dvorjanstvo v 1905–1917 gg. [The Estonian Bourgeoisie, Autocracy and Nobility in 1905–1917]*. Tallin: Jejesti raamat, 1987. 312 p. (In Russian)
Карьяхярм Т. Эстонская буржуазия, самодержавие и дворянство в 1905–1917 гг. Таллин: «Ээсти раамат», 1987. 312 с.

Kivimäe S. K. Agrarnaja politika carizma v Pribaltike v nachale 20 v. [The Agrarian Policy of Tsarism in the Baltic in the Early 20th century], in *Problemy razvitija social'no-jekonomicheskih formacij v stranah Baltiki. Doklady istoricheskoj konferencii 28–30 nojabrja 1978 g.* Tartu: Tartuskij gos. un-t, 1978. P. 125–141. (In Russian)
Кивимяэ С. К. Аграрная политика царизма в Прибалтике в начале 20 в. // Проблемы развития социально-экономических формаций в странах Балтики. Доклады исторической конференции 28–30 ноября 1978 г. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1978. С. 125–141.

Kivimäe S. K. *Stolypinskaja agrarnaja reforma v Pribaltike [Stolypin's Agrarian Reform in the Baltic]*: Avtoref. dis. … kand. ist. n. Tallin: tip. Signal, 1981. 23 p. (In Russian)
Кивимяэ С. К. Столыпинская аграрная реформа в Прибалтике: Автореф. дис. … канд. ист. н. Таллин: тип. «Сигнал», 1981. 23 с.

Laul E. O raporte senatora N.A. Manaseina Aleksandru III [About the Report of Senator N. A. Manasein to Alexander III], in *Izvestija Akademii nauk JeSSR*. T. X. Serija Obshhestvennyh nauk. 1961. № 2. P. 149–161. (In Russian)
Лаул Э. О рапорте сенатора Н. А. Манасеина Александру III // Известия Академии наук ЭССР. Т. X. Серия Общественных наук. 1961. № 2. С. 149–161.

Mikhaĭlik K. A., Tebiev B. K. *Pravitel'stvujushhij Senat i senatorskie revizii v Rossii 1711–1917 gg. [The Governing Senate and Senatorial Audits in Russia 1711–1917]*. Moscow: Integracija, 2010. 185 p. (In Russian)
Михайлик К. А., Тебиев Б. К. Правительствующий Сенат и сенаторские ревизии в России 1711–1917 гг. Москва: Интеграция, 2010. 185 с.

Mikhalkina T. A. Rol' senatorskih revizij pri provedenii reform v Rossii [The Role of Senatorial Audits in the Implementation of Reforms in Russia], in *Vestnik Povolzhskogo instituta upravlenija*. 2006. № 10. P. 5–10. (In Russian)
Михалкина Т. А. Роль сенаторских ревизий при проведении реформ в России // Вестник Поволжского института управления. 2006. № 10. С. 5–10.

Mikhaĭlova I. L. Baltijskij vopros v rossijskoj presse i publicistike nakanune i vo vremja Franko-prusskoj vojny (vtoraja polovina 1860-h–1871 g.) [The Baltic Question in the Russian Press and Journalism on the Eve and During the Franco-Prussian War (the Second Half of the 1860s – 1871)], in *Evropa: mezhdunarodnyj al'manah.* 2006. Vyp. 6. P. 75–85. (In Russian)

Михайлова Ю. Л. Балтийский вопрос в российской прессе и публицистике накануне и во время Франко-прусской войны (вторая половина 1860-х –1871 г.) // Европа: международный альманах. 2006. Вып. 6. С. 75–85.

Mikhaĭlova I. L. Slavjanofily i ostzejskij vopros (40 – 60-e gg. XIX v.) [Slavophiles and the Ostsee Question (40 – 60s of the 19th century)], in *Otechestvennaja istorija*. 2007. № 5. P. 49–61. (In Russian)

Михайлова Ю. Л. Славянофилы и остзейский вопрос (40 – 60-е гг. XIX в.) // Отечественная история. 2007. № 5. С. 49–61.

N. M. Krest'janskoe delo v Lifljandskoj gubernii. Istoricheskij ocherk po dannym senatorskoj revizii 1882–1883 gg. [Peasant Business in the Livonia Province. Historical Sketch Based on the Data of the Senatorial Audit of 1882–1883], in *Vestnik Evropy*. 1906. T. 6. Kn. 12. P. 673–705. (In Russian)

Н. М. Крестьянское дело в Лифляндской губернии. Исторический очерк по данным сенаторской ревизии 1882–1883 гг. // Вестник Европы. 1906. Т. 6. Кн. 12. С. 673–705.

Nacional'nye okrainy v politike Rossijskoj imperii i russkoj obshhestvennoj mysli [National Borders in the Politics of the Russian Empire and Russian Public Thought]. Urushadze, A.T. (ed.). Rostov-na-Donu, Izd-vo JuNC RAN, 2020. 608 p. (In Russian)

Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли / [под общ. ред. А. Т. Урушадзе]. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2020. 608 с.

O neobhodimosti vvesti vo vseh gubernijah i oblastjah imperii russkie organicheskie zakony [On the Need to Introduce Russian Organic Laws in All Provinces and Regions of the Empire], in *Chtenija v Imperatorskom Obshhestve istorii i drevnostej rossijskih pri Moskovskom universitete*. 1865. Kn. 3. P. 173–185. (In Russian)

О необходимости ввести во всех губерниях и областях империи русские органические законы // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1865. Кн. 3. С. 173–185.

Paina E. S. Senatorskie revizii i ih arhivnye materialy (XIX – nachalo XX v.) [Senatorial Audits and Their Archival Materials (19th – Early 20th century)], in *Nekotorye voprosy izuchenija istoricheskih dokumentov XIX – nachala XX v.* Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta, 1967. P. 147–175. (In Russian)

Паина Э. С. Сенаторские ревизии и их архивные материалы (XIX – начало XX в.) // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX – начала XX в. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967. С. 147–175.

Pirozhkova T. F. «Strashnaja kniga» Ju.F. Samarina («Okrainy Rossii» v vosprijatii sovremennikov) ["The Terrible Book" by Yu.F. Samarin ("The Outskirts of Russia" in the Perception of Contemporaries)], in *Vestnik MGU*. Ser. 10. Zhurnalistika. 2017. № 3. P. 130–149. (In Russian)

Пирожкова Т. Ф. «Страшная книга» Ю. Ф. Самарина («Окраины России» в восприятии современников) // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 2017. № 3. С. 130–149.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe. [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. T. XXXVI. St-Petersburg: tip. Vtorogo Otdelenija Sobstv. E. I. V. kanceljarii, 1830. 735 p. (In Russian)

Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXXVI. СПб.: тип. Второго Отделения Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. 735 с.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. T. XVI. St-Petersburg: tip. Vtorogo Otdelenija Sobstv. E. I. V. kanceljarii, 1842. 658 p. (In Russian)

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XVI. СПб.: тип. Второго Отделения Собств. Е. И. В. канцелярии, 1842. 658 с.

Savvaitov P. I. Materialy dlja biografii M.M. Speranskogo [Materials for the Biography of M.M. Speransky], in *Otechestvennye zapiski*. 1855. T. C. Maj. P. 49–54. (In Russian)

Савваитов П. И. Материалы для биографии М. М. Сперанского // Отечественные записки. 1855. Т. С. Май. С. 49–54.

Savchenko N. A. *Institut senatorskih revizij v sisteme gosudarstvennogo kontrolja Rossijskoj imperii. XVIII – nachalo XX vv. [The Institute of Senatorial Audits in the System of State Control of the Russian Empire. 18th – Early 20th centuries]*. Kursk: OOO Uchitel', 2012. 291 p. (In Russian)

Савченко Н. А. Институт сенаторских ревизий в системе государственного контроля Российской империи. XVIII – начало XX вв. Курск: ООО «Учитель», 2012. 291 с.

Samarin Iu. F. *Sochinenija Ju.F. Samarina.* T. 7: *Pis'ma iz Rigi i Istorija Rigi [The Works of Yu.F. Samarin. Vol. 7: Letters from Riga and the History of Riga]*. Moscow, tip. A.I. Mamontova i Ko, 1889. 658 p. (In Russian)

Самарин Ю. Ф. Сочинения Ю. Ф. Самарина. Т. 7: Письма из Риги и История Риги. М.: тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1889. 658 с.

Sobstvennoruchnoe nastavlenie Ekateriny II knjazju Vjazemskomu pri vstuplenii im v dolzhnost' general-prokurora (1764 g.) [Catherine II's Handwritten Instruction to Prince Vyazemsky upon His Assumption into the Office of Prosecutor General (1764)], in *Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshhestva*. 1871. T. 7. P. 345–348. (In Russian)

Собственноручное наставление Екатерины II князю Вяземскому при вступлении им в должность генерал-прокурора (1764 г.) // Сборник Императорского русского исторического общества. 1871. Т. 7. С. 345–348.

Sokolov D. V. Jevoljucija senatorskih revizij v period 1722–1917 gg. [The Evolution of Senatorial Revisions in the Period of 1722-1917], in *Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs.* 2017. № 2. P. 123–133. (In Russian)

Соколов Д. В. Эволюция сенаторских ревизий в период 1722–1917 гг. // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2017. № 2. С. 123–133.

Sokolov D. V. *Jevoljucija struktury i funkcij Pravitel'stvujushhego Senata v Rossijskoj imperii (1711–1917 gg.) [The Evolution of the Structure and Functions of the Governing Senate in the Russian Empire (1711–1917)]*. Moscow, Jurlitinform, 2020. 184 p. (In Russian)

Соколов Д. В. Эволюция структуры и функций Правительствующего Сената в Российской империи (1711–1917 гг.). Москва: Юрлитинформ, 2020. 184 с.

Centr i regiony: jekonomicheskaja politika pravitel'stva na okrainah Rossijskoj imperii (1894–1917) [Center and Regions: Economic Policy of the Government on the Outskirts of the

Russian Empire (1894–1917)]. Hodjakov M. V. (ed.). St-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2020. 659 p. (In Russian)
Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917) / Отв. ред. М. В. Ходяков. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. 659с.

Centr i regiony: jekonomicheskaja politika pravitel'stva na okrainah Rossijskoj imperii (1894 – 1917) [Center and Regions: Economic Policy of the Government on the Outskirts of the Russian Empire (1894-1917)]. Hodjakov M.V. (ed.), 2-e izd. Saint-Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2021. 660 p. (in Russian)
Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917) / Отв. ред. М. В. Ходяков. 2-е изд. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2021. 660 с.

Tsimbaev N. I. *Slavjanofil'stvo (iz istorii russkoj obshhestvenno-politicheskoj mysli XIX v.) [Slavophilism (from the History of Russian Socio-Political Thought of the 19th Century)*]. Moscow: Izd-vo MGU, 1986. 274 p. (In Russian)
Цимбаев Н. И. Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX в.). Москва: Изд-во МГУ, 1986. 274 с.

Ianchenko D. G. Diskussii o nacional'nyh okrainah v pozdneimperskoj Rossii [Discussions about National Borders in Late Imperial Russia], in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija*. 2021. T. 66. Vyp. 4. P. 1379–1391. (In Russian)
Янченко Д. Г. Дискуссии о национальных окраинах в позднеимперской России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 4. С. 1379–1391.

Henriksson A. *The Tsar's Loyal Germans: the Riga German Community, Social Change and the Nationality Question, 1855–1905*. New York: East European Monographs, 1983. 218 p.

Kahk J., Tarvel E. *An Economic History of the Baltic Countries*. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1997. 141 p.

Kenéz C. J. Die Bevölkerung des Gouvernements Estland 1850–1897. Ihre nationale und konfessionelle Gliederung, in *Bevölkerungsverschiebungen und sozialer Wandel in den Baltischen Provinzen Rußlands 1850–1914*. Hrsg. von G. von Pistohlkors, A. Plakans, P. Kaegbein. Lüneburg: Institut Nordostdeutsches Kulturwerk, 1995. S. 45–85.

Kivimäe S. Der Zarismus und die Agrarfrage in Estland am Vorabend der Revolution 1905–1907, in *The Baltic Countries. Proceedings from The 9th Conference on Baltic Studies in Scandinavia*. Ed. A. Loit. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1990. S. 185–198.

Köörna A. Industrial Development and Banking in Estonia Before World War I (1900–1914), in *The Baltic Countries 1900–1914. Proceedings from The 9th Conference on Baltic Studies in Scandinavia*. Ed. A. Loit. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1990. P. 263–274.

Manaseina revizija. Senatora N. Manaseina ziņojums par viņa izdarīto reviziju Vidzemes un Kurzemes guberņās no 1882. līdz 1883. Gadam. Rediģējis A. Drīzulis. Riga: Latvijas Valsts izdevnieciba, 1949. 504 p.

Pistohlkors G. „Russifizierung" in den Baltischen Provinzen und in Finnland im 19. und beginnenden 20. Jahrhundert. Neue westliche Darstellungen, in *Zeitschrift für Ostforschung*. 1984. Jahrgang 33. S. 604–605.

Rosenberg T. Zum Problem der Arbeitskräfte in der Landwirtschaft Estlands 1907 bis 1914, in *The Baltic Countries. Proceedings from the 9th Conference on Baltic Studies in Scandinavia*. Ed. A. Loit. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1990. S. 275–298.

Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914. Ed. E.C. Thaden. Princeton: Princeton University Press, 1981. 497 p.

Siilivask K. Socio-economic Development of the Baltic Countries at the Beginning of the 20th Century, in *The Baltic Countries 1900–1914. Proceedings from The 9th Conference on Baltic Studies in Scandinavia.* Ed. A. Loit. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1990. P. 229–244.

Thaden E. C. N. A. Manaseins Senatorenrevision in Livland und Kurland während der Zeit von 1882 bis 1883, in *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1969. Neue Folge. Bd. 17. Heft. 1. S. 45–58.

The Baltic Countries 1900–1914. Proceedings from The 9th Conference on Baltic Studies in Scandinavia. Ed. A. Loit. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1990. 422 p.

Weeks Th. R. *Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914*. Illinois DeKalb: Northern Illinois University Press, 1996. 297 p.

Whelan H. W. *Adapting to Modernity: Family, Caste and Capitalism among the Baltic German Nobility*. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 1999. 387 p.

Wittram R. *Baltische Geschichte*. München: Oldenbourg, 1954. 323 s.

М. А. Коровойченко

Коровойченко Максим Андреевич, студент бакалавриата, кафедра истории славянских и балканских стран, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет. Научный руководитель — В. В. Василик, д. и. н., к. фил. н., профессор.

E-mail: st108555@student.spbu.ru

«ЛУЧШЕ ГИТЛЕР, ЧЕМ БЛЮМ»: АНАТОМИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРЕДАТЕЛЬСТВА В ОПТИКЕ АНДРЕ СИМОНА

В статье анализируется критика падения Франции в 1940 году через призму работы Андре Симона (Отто Каца) «Я обвиняю! Правда о тех, кто предал Францию», которая обвиняет французскую буржуазию в сознательном предпочтении немецкой оккупации социальным реформам Народного фронта Леона Блюма. Автор исследует центральный тезис Симона о том, что лозунг «Лучше Гитлер, чем Народный фронт» выражает позицию французских элит, испугавшихся Матиньонских соглашений и требований рабочего класса в период 1936–1940 годов. Статья признаёт справедливость обвинений Симона в отношении буржуазного предательства национальных интересов, иллюстрируя это примерами некомпетентности французского военного командования (Гамелена и Вейгана) и преднамеренного саботажа обороны. Однако работа критикует односторонность анализа Симона, выявляя его роль как агента Коминтерна и указывая на замалчивание деятельности Французской коммунистической партии в период «странной войны» (август 1939 – май 1940), когда ФКП саботировала оборону Франции в соответствии с пактом Молотова–Риббентропа. Исследование приходит к выводу, что национальная катастрофа 1940 года возникла не из-за преимущества одного класса над другим, а из-за полного распада национального единства обеих враждебных элит — буржуазной и коммунистической, забывших о национальных интересах. Лишь голлистское Сопротивление, основанное на подлинном патриотизме, смогло преодолеть этот раскол и восстановить национальное достоинство Франции. История падения Франции демонстрирует, что национальная безопасность зависит не от количества военной техники, а от морального единства граждан и готовности элит ставить суверенитет нации выше партийных и классовых интересов.

Ключевые слова: национальное предательство, французская буржуазия, Народный фронт, Леон Блюм, Матиньонские соглашения, Андре Симон, Коминтерн.

Korovoychenko Maxim Andreevich, student of the Department of History of Slavic and Balkan Countries, Institute of History, St. Petersburg State University. Scientific Advisor: Vasilik V. V., Doctor of History, Candidate of Philology, Professor of the Department of History of Slavic and Balkan Countries.

E-mail: st108555@student.spbu.ru

«BETTER HITLER THAN BLUM»: THE ANATOMY OF NATIONAL BETRAYAL IN ANDRÉ SIMON'S PERSPECTIVE

The article analyzes the critique of France's fall in 1940 through the lens of André Simon's (Otto Katz's) work "J'Accuse! The Men Who Betrayed France," which accuses the French bourgeoisie of deliberately preferring German occupation to the social reforms of Léon Blum's Popular Front. The author examines Simon's central thesis that the slogan "Better Hitler than the Popular Front" represents the position of French elites frightened by the Matignon Agreements and working-class demands during the 1936—1940 period. The article acknowledges the validity of Simon's accusations regarding bourgeois betrayal of national interests, illustrating this with examples of the incompetence of French military command (Gamelin and Weygand) and deliberate sabotage of defense. However, the work criticizes the one-sidedness of Simon's analysis by revealing his role as a Comintern agent and highlighting the silence regarding the French Communist Party's activities during the "Phoney War" (August 1939—May 1940), when the FCP sabotaged French defense in accordance with the Molotov—Ribbentrop Pact. The research concludes that the national catastrophe of 1940 arose not from the advantage of one class over another, but from the complete breakdown of national unity by both hostile elites—bourgeois and communist—who abandoned national interests. Only de Gaulle's Resistance, grounded in genuine patriotism, could overcome this schism and restore France's national dignity. France's history of collapse demonstrates that national security depends not on the quantity of military equipment but on the moral unity of citizens and the willingness of elites to place national sovereignty above partisan and class interests.

Key words: fall of France 1940, national betrayal, French bourgeoisie, Popular Front, Léon Blum, Matignon Agreements, André Simon, Comintern.

****

Капитуляция Франции в июне 1940 года остается одним из самых трагических и загадочных событий Второй мировой войны. Книга Андре Симона «Я обвиняю! Правда о тех, кто предал Францию», вышедшая по горячим следам катастрофы, представляет собой яростное обвинительное заключение против французской элиты[1]. Симон, чье настоящее имя было Отто Кац, работал агентом Коминтерна и создал мощный пропагандистский аппарат, направленный против нацизма[2]. Его книга о падении Франции — это не академическая монография, а политический памфлет, написанный человеком, непосредственно вовлеченным в идеологическую борьбу своего времени. Тем не менее, несмотря на идеологическую ангажированность автора, его работа фиксирует важнейшую истину: Франция не была побеждена на поле боя — она была предана изнутри людьми, для которых классовые интересы оказались важнее национального выживания. Это утверждение, при всей его тенденциозности, заслуживает серьезного рассмотрения с точки зрения национально ориентированной исторической перспективы, которая видит в единстве нации — поверх классовых и идеологических разломов — главное условие ее суверенитета и исторического существования.

Центральный тезис Андре Симона прост и бескомпромиссен: французская буржуазия сознательно выбрала поражение, предпочтя немецкую оккупацию победе, которая могла бы усилить влияние левых сил внутри страны. Симон рисует картину заговора, в центре которого стоят конкретные фигуры политической верхушки Третьей республики: министр иностранных дел Жорж Бонне, методично саботировавший попытки создания системы коллективной безопасности с участием СССР, Пьер Лаваль с его пронемецкими симпатиями, маршал Филипп Петен, ставший символом капитуляции, и колеблющийся премьер-министр Эдуар Даладье. По мнению Симона, эти люди не просто допустили военные ошибки — они преднамеренно подготовили почву для поражения, видя в Гитлере меньшее зло по сравнению с угрозой социальной революции дома. Военная некомпетентность генералитета — главнокомандующих Мориса Гамелена и сменившего его Максима Вейгана — представляется в этой логике лишь

[1] *Simone A.* J'Accuse! The Men Who Betrayed France. New York, 1940. 354 p.
[2] *Studer B.* The Transnational World of the Cominternians. New York, 2015. P. 89–112.

следствием политической воли гражданской верхушки, решившей не сопротивляться всерьез[3]. Историки действительно отмечают катастрофическое качество французского военного руководства в 1940 году: Гамелену было 61 год, Вейгану — 73, Петену — 84, и все они мыслили категориями прошлой войны, будучи интеллектуально неспособными адаптироваться к новой реальности блицкрига[4].

Ключевым элементом нарратива Симона становится лозунг, который он приписывает французской буржуазии: «Лучше Гитлер, чем Народный фронт». Этот девиз, по его мнению, выражает фундаментальную позицию французских элит после 1936 года, когда победа левой коалиции на выборах и последовавшая за ней волна забастовок и фабричных оккупаций потрясли основы социального порядка[5]. Правительство Леона Блюма провело серию социальных реформ, вошедших в историю как Матиньонские соглашения: введение двухнедельного оплачиваемого отпуска, повышение заработной платы, признание права на коллективные договоры[6]. Для значительной части французской буржуазии эти уступки рабочему классу стали символом утраты контроля над собственной страной. Симон утверждает, что страх перед углублением социальных реформ, перед возможным усилением коммунистов и социалистов оказался настолько силен, что национальный суверенитет был принесен в жертву желанию сохранить классовые привилегии. Историческая литература подтверждает, что французские промышленники и финансисты действительно были глубоко напуганы событиями 1936 года: многие из них вывозили капиталы за границу, саботировали экономическую политику правительства и открыто выражали симпатии к авторитарным режимам, видя в них гарантов порядка и собственности[7]. Пресловутые «200 семей», контролировавших Банк Франции и ключевые промышленные предприятия, стали символом олигархического господства над республикой[8]. Симон

---

[3] *Jackson J.* The Fall of France: The Nazi Invasion of 1940. Oxford, 2003. P. 23–45.

[4] *Horne A.* To Lose a Battle: France 1940. London, 1969. P. 156–178.

[5] *Colton J.* Léon Blum: Humanist in Politics / Joel Colton. New York, 1966. P. 234–267.

[6] *Jackson J.* The Popular Front in France: Defending Democracy, 1934–38. Cambridge, 1988. P.112–145.

[7] From revolutionary possibility to fascist defeat: The French Popular Front of 1936-38 // Marxist Left Review. 2020. № 19. URL: https://marxistleftreview.org/articles/from-revolutionary-possibility-to-fascist-defeat-the-french-popular-front-of-1936-38/ (дата обращения: 23.12.2025).

[8] Blum Grapples With 'The 200 Families': Their control of business and industry challenged by the Socialists // The New York Times. 1936. June 14. P. 1.

называет это явление «капитуляцией буржуазии перед фашизмом», и с национальной точки зрения это действительно была капитуляция — но не столько перед фашизмом как идеологией, сколько перед классовым эгоизмом, который поставил узкие интересы одной социальной группы выше интересов нации в целом.

Симон приводит многочисленные примеры того, что он считает преднамеренным саботажем обороны: отсутствие противотанковых укреплений на северной границе в Арденнах, преследование офицеров и солдат с левыми взглядами, массовые аресты коммунистов в разгар войны вместо борьбы с реальными немецкими агентами влияния. Он описывает атмосферу пораженчества, царившую в высших военных и политических кругах, где разговоры о неизбежности поражения стали признаком реализма, а патриотизм левых сил воспринимался как наивность или даже как угроза общественному порядку. Историк Марк Блок, сам участник обороны Франции и впоследствии мученик Сопротивления, в своем знаменитом эссе «Странное поражение», написанном летом 1940 года, подтверждает многие наблюдения Симона, хотя и с иных идейных позиций[9]. Блок беспощадно критикует французское командование за бюрократизм, неэффективность и пораженческий дух, отмечая, что генералы были «неспособны мыслить категориями новой войны» и приняли поражение с той же легкостью, с какой боксер, потерявший форму, принимает первый неожиданный удар[10]. Современные исследования, такие как фундаментальные труды Джулиана Джексона «Падение Франции: нацистское вторжение 1940 года» и Алистера Хорна «Проиграть битву: Франция 1940», детально документируют военные и стратегические просчеты французского командования, подчеркивая, что неспособность к быстрой реакции и контратакам была следствием доктринальной отсталости и организационного паралича[11].

Однако позиция Андре Симона при всей ее эмоциональной силе и частичной обоснованности требует серьезной критической ревизии, особенно с национально ориентированной точки зрения. Прежде всего необходимо понимать, кем был сам автор. Отто Кац, работавший под псевдонимом Андре Симон, был одним из ключевых агентов влияния Коминтерна в Европе,

[9] Bloch M. L'Étrange Défaite: Témoignage écrit en 1940. Paris, 1946. 178 p.
[10] *Bloch M.* Strange Defeat: A Statement of Evidence Written in 1940. Transl. by G. Hopkins. New York, 1968. P. 36–52.
[11] *Jackson J.* The Fall of France: The Nazi Invasion of 1940. Oxford, 2003. P. 89–124.

человеком, чья лояльность была обращена не к какой-либо национальной идее, а к интернациональному коммунистическому движению, направляемому из Москвы[12]. Его пропагандистская деятельность в 1930-е годы была блестящей, но полностью подчиненной политическим целям сталинского СССР. Это означает, что его анализ падения Франции несет в себе не только стремление к истине, но и желание переложить всю вину на буржуазию, полностью освободив от ответственности коммунистическое движение и советскую политику. Главная лакуна в обвинительном акте Симона — это полное замалчивание роли Французской коммунистической партии в период между августом 1939 года, когда был подписан пакт Молотова-Риббентропа, и маем 1940 года, когда началось немецкое вторжение. В этот критический период, известный как «странная война», ФКП, подчиняясь директивам Москвы, фактически саботировала военные усилия Франции, называя войну «империалистической авантюрой», отказываясь поддерживать оборонные мероприятия и распространяя пораженческую пропаганду среди рабочих[13]. Симон сознательно выносит эти факты за скобки своего повествования, создавая черно-белую картину, где патриотичные рабочие и их представители-коммунисты противостоят предательской буржуазии, хотя историческая реальность была значительно сложнее и трагичнее.

По-видимому, трагедия Франции 1940 года заключалась не в победе одного класса над другим, а в тотальном распаде национального единства, в неспособности всех политических сил — и правых, и левых — подняться над узкими партийными и классовыми интересами ради общенационального дела. Симон совершенно справедливо диагностирует болезнь французской буржуазии, ее готовность предать родину ради сохранения собственности и социального статуса. Но он не желает признать, что левые силы, и особенно коммунисты, в критический момент также оказались неспособны стать подлинно национальной силой, предпочитая следовать указаниям из Москвы, а не голосу французского патриотизма. Роберт Пакстон, классик изучения режима Виши, в своей революционной работе «Виши: старая гвардия и новый порядок, 1940–1944» убедительно показал, что вишистская коллаборация была не навязана извне, а стала результатом сознательного выбора значительной части французской элиты, которая видела в поражении возможность

[12] *Studer B.* The Transnational World of the Cominternians. New York, 2015. P. 156–189.

[13] *Padover S. K.* France in Defeat: Causes and Consequences // World Politics. 1950. Vol. 2. № 3. P.305–337.

осуществить внутреннюю «национальную революцию», покончить с Третьей республикой и установить авторитарный режим консервативного толка[14]. Петен и его окружение действительно боялись «красных» больше, чем «коричневых», и действительно были готовы пожертвовать независимостью ради социального порядка, понимаемого в самом реакционном смысле. Эта предательская логика была логикой класса, утратившего национальное сознание и превратившегося в космополитическую элиту, связанную с международным капиталом сильнее, чем с собственным народом.

Однако национально мыслящий историк не может не видеть, что зеркальным отражением этого космополитизма буржуазии был космополитизм коммунистический, для которого классовая солидарность пролетариата всех стран была важнее национальных границ и национальных интересов. Оба эти космополитизма — буржуазный и пролетарский — оказались одинаково губительны для Франции как национального организма. Французская буржуазия, говорившая по-английски и державшая свои капиталы в лондонских и швейцарских банках, была столь же чужда французскому народу, как и коммунисты, получавшие директивы из Москвы и видевшие в СССР образец для подражания. Ни те, ни другие не смогли стать подлинными выразителями национальной воли, и в этом корень катастрофы. Уильям Ширер в своем монументальном исследовании «Крах Третьей республики» показывает, что французское общество 1930-х годов было расколото настолько глубоко, что незаживающие раны, восходящие еще к делу Дрейфуса конца XIX века, делали невозможным формирование единого фронта перед лицом внешней угрозы[15]. Великая депрессия 1930-х годов только усугубила этот раскол, превратив политическую жизнь Франции в непрерывную гражданскую войну слов, интриг и взаимной ненависти. В этих условиях, как отмечает Ширер, французские национальные лидеры растратили последние месяцы перед катастрофой на внутренние распри, интриги и взаимные обвинения, вместо того чтобы консолидировать нацию для отражения смертельной угрозы[16].

Эрнест Мэй в своей работе «Странная победа: завоевание Франции Гитлером» предлагает другой угол зрения, концентрируясь на проблемах

---

[14] *Paxton R. O.* Vichy France: Old Guard and New Order, 1940–1944. New York, 1972. P. 3–27.
[15] *Shirer W. L.* The Collapse of the Third Republic: An Inquiry into the Fall of France in 1940. New York, 1969. P. 145–234.
[16] Ibid. P. 567–623.

разведки и стратегического планирования[17]. Мэй показывает, что французское командование не смогло правильно интерпретировать имевшиеся разведданные о немецких намерениях, оставалось привязанным к устаревшим представлениям о характере будущей войны и было неспособно к гибкой адаптации планов. Это была не столько сознательная измена, сколько интеллектуальная окостенелость, бюрократическая инерция и психологическая неготовность признать, что мир изменился. Гамелен действительно игнорировал предупреждения о возможности немецкого удара через Арденны, считая эту местность непроходимой для крупных танковых соединений[18]. Когда немцы именно там нанесли свой главный удар, французская оборонительная система рухнула как карточный домик, поскольку все лучшие французские дивизии были брошены в Бельгию и оказались отрезаны от основных сил. Вейган, сменивший Гамелена в разгар катастрофы, оказался еще более пораженчески настроен, чем его предшественник, и фактически саботировал все планы продолжения сопротивления из Северной Африки, называя французские колонии «детской забавой» и утверждая без всяких оснований, что Британия капитулирует перед Германией в течение восьми дней после падения Франции[19].

С позиций национал-демократизма, который видит в нации органическое единство всех ее граждан поверх классовых различий, картина вырисовывается трагическая, но поучительная. Франция 1940 года погибла не потому, что у нее было мало танков или самолетов — военные историки убедительно доказали, что по количеству и даже по качеству вооружений французская армия не уступала немецкой, а кое в чем и превосходила ее[20]. Она погибла потому, что французская нация перестала существовать как единое целое. На месте нации образовалось несколько взаимно враждебных лагерей, каждый из которых боялся своих соотечественников больше, чем внешнего врага. Буржуазия боялась рабочих, рабочие ненавидели буржуазию, правые видели в левых предателей и агентов Москвы, левые видели в правых фашистов и агентов Берлина. В этой атмосфере гражданской войны, которая не была объявлена, но фактически велась, никакая военная сила не могла спасти страну. Национальное единство — это не красивая фраза, а конкретная

[17] *May E. R.* Strange Victory: Hitler's Conquest of France. New York, 2000. P. 233–289.
[18] Ibid. P. 312–356.
[19] *Horne A.* To Lose a Battle: France 1940. London, 1969. P. 498–534.
[20] *Jackson J.* The Fall of France: The Nazi Invasion of 1940. Oxford, 2003. P. 12–18.

военно-политическая реальность. Армия, офицеры которой не доверяют своим солдатам, а солдаты подозревают своих офицеров в предательстве, не способна воевать эффективно, как бы хорошо она ни была вооружена. Общество, в котором половина населения готова радоваться поражению своей страны, лишь бы это ослабило ненавистную внутреннюю политическую силу, обречено на катастрофу. Именно это и произошло во Франции.

Симон был прав в главном: французская элита, или значительная ее часть, действительно предпочла Гитлера Блюму, предпочла немецкую оккупацию возможности новых социальных завоеваний рабочего класса. Но он не желал видеть, что зеркальным образом часть французских коммунистов в период пакта Молотова-Риббентропа предпочла верность Москве верности Франции. Обе эти позиции были предательскими с национальной точки зрения. Национал-демократический взгляд не может принять логику классовой борьбы, доведенной до такого абсурда, когда классовые интересы полностью подавляют национальное самосохранение. Здоровая нация — это организм, в котором различные социальные группы, имея разные интересы и разные взгляды, тем не менее сознают свою общую принадлежность к единому целому и готовы отстаивать это целое перед лицом внешней угрозы. Во Франции 1930-х годов это сознание было утрачено, и результатом стала национальная катастрофа невиданного масштаба.

Режим Виши, возникший после капитуляции, был не случайной аномалией, а логическим выводом из долгого процесса разложения Третьей республики. Петен и его соратники не были навязаны Франции немцами — они были избраны парламентом, получили массовую поддержку населения и воспринимались многими как спасители нации. Это чудовищное заблуждение, эта готовность видеть в капитулянте спасителя, свидетельствовали о глубочайшем моральном кризисе французского общества[21]. Пакстон убедительно показывает, что Виши не просто подчинялось немецким требованиям — оно активно искало сотрудничества с оккупантами, надеясь получить для Франции привилегированное положение в «новой Европе» под германской гегемонией[22]. Это была коллаборация не по принуждению, а по убеждению, основанная на идеологической близости вишистских консерваторов к авторитарным режимам и на надежде, что немецкая оккупация позволит осуществить внутреннюю контрреволюцию, покончить с

[21] *Paxton R. O.* Vichy France: Old Guard and New Order, 1940–1944. New York, 1972. P. 51–88.
[22] Ibid. P. 112–156.

республиканским наследием 1789 года и с социальными завоеваниями Народного фронта. Виши отменило республиканский девиз «Свобода, равенство, братство», заменив его на «Труд, семья, отечество», преследовало масонов, евреев, коммунистов и всех инакомыслящих, стремилось повернуть Францию назад, к некоему идеализированному традиционному обществу. Эта «национальная революция» Петена была на деле антинациональной контрреволюцией, поскольку она осуществлялась под эгидой иностранной оккупации и служила интересам врага[23].

История падения Франции содержит суровые уроки для любой нации, желающей сохранить свою независимость и достоинство. Первый урок: национальная элита, утратившая связь с народом и движимая только страхом за собственные привилегии, становится смертельной угрозой для нации. Элита существует для служения целому, а не для самосохранения любой ценой. Французская буржуазия 1940 года выбрала самосохранение ценой национальной независимости, и это был акт коллективной измены. Второй урок: политические силы, ставящие идеологическую лояльность внешним центрам выше национальных интересов — будь то Москва, Берлин, Лондон или Вашингтон — также представляют угрозу национальному суверенитету. Коммунисты, подчинявшиеся указаниям Коминтерна, и консерваторы, искавшие поддержки у Гитлера, были одинаково чужды подлинному французскому патриотизму. Третий урок: нация, раздираемая внутренними противоречиями до такой степени, что гражданская война становится реальнее внешней угрозы, обречена на поражение. Никакие материальные ресурсы, никакая военная техника не спасут страну, в которой граждане ненавидят друг друга сильнее, чем врага. Четвертый урок: демократия, потерявшая веру в собственные ценности и неспособная защитить себя решительными действиями, обречена быть сметенной более энергичным и беспощадным противником. Третья республика умерла не 22 июня 1940 года, когда было подписано перемирие, — она умерла раньше, в умах и сердцах французов, переставших верить в ее правоту и силу.

Андре Симон зафиксировал важнейшую истину о моральном состоянии французской элиты, хотя его объяснение этого состояния было искажено классовым подходом и коминтерновской идеологией. По нашему мнению, можно сказать, что крах Франции был крахом космополитической элиты

[23] *Lemmes F.* Collaboration in Wartime France, 1940-1944 // European Review of History. 2008. Vol. 15. № 2. P. 157–177.

обоих типов — буржуазной и коммунистической, — неспособной мыслить национальными категориями. Спасение могло прийти только от подлинно национальных сил, способных объединить нацию поверх классовых барьеров. Такой силой отчасти стало голлистское Сопротивление, объединившее французов разных убеждений на основе патриотизма и отказа от капитуляции. Де Голль, офицер и консерватор по взглядам, сумел в июне 1940 года подняться выше классовых и партийных интересов и воззвать к национальной гордости французов. Его призыв продолжать борьбу был услышан теми, кто сохранил национальное достоинство, и в конечном счете Франция была освобождена и восстановила свой суверенитет. Но цена, заплаченная за предательство элит 1940 года, была чудовищной: четыре года оккупации, десятки тысяч депортированных и убитых, моральное унижение коллаборации, раскол общества на коллаборационистов и резистентов, последствия которого ощущались еще десятилетия после войны.

Падение Франции в 1940 году остается предостережением для всех наций: элита, предпочитающая сотрудничество с врагом ради сохранения классовых привилегий, совершает исторический суицид; политические силы, ставящие идеологию выше нации, обрекают свой народ на рабство; общество, утратившее внутреннее единство и способность к коллективному действию, становится легкой добычей любого решительного агрессора. Крепость нации определяется не толщиной бетонных укреплений Линии Мажино, а моральным единством граждан, их верой в общую судьбу и готовностью к общей жертве. Франция 1940 года утратила это единство и поплатилась за это страшной ценой. Этот урок должен быть усвоен всеми, кто желает сохранить независимость и достоинство своей нации в эпоху глобальных потрясений.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Bloch M. *L'Étrange Défaite: Témoignage écrit en 1940*. Paris: Société des Éditions Franc-Tireur, 1946. 178 p.

Bloch M. *Strange Defeat: A Statement of Evidence Written in 1940*. Transl. by G. Hopkins. New York: W.W. Norton & Company, 1968. 184 p.

Blum Grapples With 'The 200 Families': Their control of business and industry challenged by the Socialists, in *The New York Times*. 1936. June 14. P. 1.

Colton J. *Léon Blum: Humanist in Politics*. New York: Alfred A. Knopf, 1966. 456 p.

From revolutionary possibility to fascist defeat: The French Popular Front of 1936-38, in *Marxist Left Review*. 2020. № 19. URL: https://marxistleftreview.org/articles/from-revolutionary-possibility-to-fascist-defeat-the-french-popular-front-of-1936-38/ (accessed: 23.12.2025).

Horne A. *To Lose a Battle: France 1940*. London: Macmillan, 1969. 647 p.

Jackson J. *The Fall of France: The Nazi Invasion of 1940*. Oxford: Oxford University Press, 2003. 432 p.

Jackson J. *The Popular Front in France: Defending Democracy, 1934–38*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 328 p.

Lemmes F. Collaboration in Wartime France, 1940–1944, in *European Review of History*. 2008. Vol. 15. № 2. P. 157–177.

May E. R. *Strange Victory: Hitler's Conquest of France*. New York: Hill and Wang, 2000. 512 p.

Padover S. K. France in Defeat: Causes and Consequences, in *World Politics*. 1950. Vol. 2. № 3. P. 305–337.

Paxton R. O. *Vichy France: Old Guard and New Order, 1940–1944*. New York: Columbia University Press, 1972. 384 p.

Shirer W. L. *The Collapse of the Third Republic: An Inquiry into the Fall of France in 1940*. New York: Simon & Schuster, 1969. 1008 p.

Simone A. *J'Accuse! The Men Who Betrayed France*. New York: Dial Press, 1940. 354 p.

Studer B. *The Transnational World of the Cominternians*. New York: Berghahn Books, 2015. 288 p.

РЕЦЕНЗИИ

А. В. Смолин

Смолин Анатолий Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Нового и новейшего времени, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: a.smolin@spbu.ru

НАЦИОНАЛИЗМ — ПИТАТЕЛЬНАЯ СРЕДА ДЛЯ РЕВАНШИЗМА

Барышников В. Н. Финские СС на Украине и Юге России. От возникновения до ликвидации. Москва: Изд-во «Кучково поле», 2025. 336 с.; 32 л. ил.

ISBN 978-5-907813-25-0

В монографии В. Н. Барышникова рассматривается проблема формирования из финских добровольцев подразделений СС, сражавшихся в германской армии против СССР. Автор подробно останавливается на предпосылках формирования эсэсовского движения в Финляндии и приходит к выводу, что его основой были национализм, русофобия и антикоммунизм. Эти составляющие роднили его с германским нацизмом. Большое внимание автор уделил как военной, так и идеологической подготовке финских добровольцев, так как они приносили присягу лично Адольфу Гитлеру. Идеологическая обработка новобранцев являлась решающей, поскольку командование войсками СС рассчитывало использовать их уже в Финляндии после победы над СССР. Финские добровольцы служили как в различных подразделениях дивизии СС «Викинг», так и в отдельно созданном финском батальоне. Рассматривая деятельность финских добровольцев после нападения Германии на СССР, Барышников делает акцент на использовании финских эсэсовцев в карательных операциях против партизан, мирного населения, расстрелах советских военнопленных, в том числе и раненых. Они принимали участие и в непосредственных боевых действиях. Однако стойкость финских добровольцев в отдельных боях не могла изменить общей ситуации на фронте. Барышников приходит к совершенно правильному выводу, что использование финских добровольцев нужно было Германии для политических, а не для военных целей. Поскольку тысяча добровольцев не могли изменить обстановку на фронте, где сражались миллионы солдат. Автор достаточно скрупулёзно показал причины заката финского нацистского движения, который был связан с поражением Германии в войне, и поисками финским руководством безболезненного выхода из войны. Несмотря на то, что в конце войны, как подчёркивает автор, было распущено 1100 пронацистских и ультраконсервативных организаций, идеология национализма не исчезла, она только затаилась и ждала своего часа, который наступил в новых политических условиях.

Ключевые слова: национализм, финские добровольцы, дивизия СС «Викинг», Германия, идеология.

A. V. Smolin

Smolin Anatoly Vasilyevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Modern and Contemporary History, Institute of History, St. Petersburg State University.

E-mail: a.smolin@spbu.ru Nationalism:

A BREEDING GROUND FOR REVANCHISM

Baryshnikov V. N. The Finnish SS in Ukraine and Southern Russia: From Origin to Liquidation. Moscow: Kuchkovo Pole Publishing House, 2025. 336 pages: 32 sheets of illustrations. ISBN 978-5-907813-25-0

V. N. Baryshnikov's monograph examines the formation of SS units from Finnish volunteers who fought in the German army against the USSR. The author examines in detail the preconditions for the formation of the SS movement in Finland and concludes that it was founded on nationalism, Russophobia, and anti-communism. These elements linked it with German Nazism. The author devoted considerable attention to both the military and ideological training of the Finnish volunteers, as they swore an oath of allegiance personally to Adolf Hitler. Ideological indoctrination of the recruits was crucial, as the SS command expected to use them in Finland after the victory over the USSR. Finnish volunteers served in various units of the SS "Viking" Division, as well as in a separately created Finnish battalion. Examining the activities of Finnish volunteers after Germany's attack on the USSR, Baryshnikov emphasizes the use of Finnish SS men in punitive operations against partisans and civilians, and the execution of Soviet prisoners of war, including the wounded. They also participated in direct combat. However, the steadfastness of the Finnish volunteers in individual battles could not change the overall situation at the front. Baryshnikov correctly concludes that Germany needed Finnish volunteers for political, not military, purposes, since a thousand volunteers could not change the situation on the front, where millions of soldiers were fighting. The author meticulously demonstrates the reasons for the decline of the Finnish Nazi movement, which was linked to Germany's defeat in the war and the Finnish leadership's search for a painless exit. Despite the fact that, as the author emphasizes, 1,100 pro-Nazi and ultra-conservative organizations were disbanded at the end of the war, the ideology of nationalism did not disappear; it merely lay dormant and bided its time, which arrived under the new political conditions.

Keywords: nationalism, Finnish volunteers, SS Division "Viking," Germany, ideology.

****

Современная обстановка в Финляндии, связанная с разгулом русофобии, привела к возрождению идеи «великой Финляндии», правда теперь уже с помощью НАТО. Такой поворот событий делает актуальным обращение к истокам финского национализма, который никогда и не умирал, но в СССР ради дружеских отношений с Финляндией, его старались не замечать.

Особенно явственно русофобия заявила о себе в годы гражданской войны в Финляндии в 1918 г. Причём даже идеологические союзники белофинов, русские белогвардейцы, отрицательно относились к походу финнов на Петроград, предвидя, что они перебьют правых и виноватых, как это было в Таммерфорсе и Выборге после их взятия белофиннами[1].

После гражданской войны антирусские настроения в Финляндии никуда не исчезли. Поскольку осуществить до конца свои мечты о присоединении российских земель не получилось, националистические настроения в зависимости от политической конъюнктуры, то затихали, то снова разгорались. Финский национализм основывался не только на русофобии (финны — это оплот против восточного варварства), но и на антикоммунизме, что роднило его с германским национал-социализмом. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Германия и Финляндия во время нападения на СССР выступали единым фронтом, а часть финской молодёжи добровольцами вступали в войска СС.

Разобраться в вопросах, связанных с участием финнов в германских войсках СС, с их «вкладом» в борьбу против СССР, решил известный специалист по истории советско-финских отношений профессор В. Н. Барышников. Это не первое его обращение к этой теме[2]. В 2012 г. он уже издал книгу о финнах, служивших в войсках СС в годы Второй мировой войны[3].

За прошедшие годы многое изменилось в мировой политике. С новой силой заговорили националистические силы в соседней Финляндии, и, в связи с этим, российским историкам следовало принять этот вызов. В авторском, добротно написанном предисловии, В. Н. Барышников рассмотрел как отечественную, так и финскую литературу, связанную с историей возникновения, существования и заката эсэсовского движения в Финляндии. Он

---

[1] *Смолин А. В.* Белое движение на Северо–Западе России (1918–1920 гг.). СПб., 1999. С. 96–100.

[2] См.: Список литературы к данной статье.

[3] *Барышников В. Н.* Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны. СПб.: Исторический ф-т СПбГУ; Изд-во РХГА, 2012.

обратил внимание на то, что не все финские архивы открыты для исследователей. В этой связи хотелось бы порекомендовать автору посмотреть материалы бывшего Особого архива, где хранились трофейные немецкие документы возможно, что там что-нибудь да есть.

В. Н. Барышников рассматривает особенности отечественной и финской историографии и приходит к выводу, что в своём большинстве финские историки стараются обходить карательную деятельность финских эсэсовцев на территории СССР или замалчивают её. В то же время утверждения финской историографии, без должного критического анализа, стали попадать на страницы отечественных изданий, тем самым формируя общественное мнение россиян. Во времена СССР, чтобы не омрачать дружественных отношений с соседней страной, острые вопросы в их предыдущих отношениях старались не поднимать. Эта политика касалась и эсэсовского движения. В результате для широкого общественного мнения в современной России оказались не совсем понятными кульбиты современной финской политики в отношении России. Со своей стороны, финские историки такой позиции не придерживались и довольно успешно формировали общественное мнение своей страны в отношении России. В итоге сложилась ситуация, согласно которой СССР (Россия) стали позиционироваться в качестве угрозы для Финляндии, и эта идея была усвоена финским обществом.

Приступая к исследованию В. Н. Барышников задаётся вопросом о том, как нацистам удалось создать из финских добровольцев батальон СС, ставший составной частью германских войск СС. В связи с этим автор приходит к вполне обоснованному выводу о том, что ответ надо искать не в начале 1941 г., когда началась запись добровольцев, а во всей общественно-политической истории Финляндии 1920–30-х гг. и той роли, которую играла в ней Германия. Совершенно справедливо Барышников делает акцент на военной помощи, которую Германия оказала белой Финляндии в гражданской войне. А до этого финские добровольцы проходили обучение в Королевском прусском батальоне во время Первой мировой войны. Это братство по оружию красной нитью проходило через все их отношения в предвоенные и военные годы. Военная составляющая в их отношениях никогда не прерывалась. В пропаганде того времени Финляндия и Германия позиционировались, как форпосты по защите Запада от варваров с Востока и этот постулат внедрялся в сознание населения.

Нацисты, с приходом к власти в Германии, начинают уделять большее внимание отношениям с Финляндией, не только по государственной и военной

линии, но и в плане культурных контактов и идеологического проникновения в финляндское общество. Хотя на разных этапах оно то ослабевало, то усиливалось. В этих контактах стало важным сотрудничество СС с финской политической полицией на общей основе борьбы с коммунизмом. Праворадикальные настроения в финском обществе способствовали этому сближению. И хотя Лапуасское движение не превратилось в политическую партию, проповедуемые им антисоветизм, антикоммунизм, русофобия, никуда не делись, а вошли в сознание финского общества. По моему мнению, национализм был идеологической основой финского общества

После поражения в «зимней войне» начинается новый этап в финско-германских отношениях. И хотя Германия не вмешивалась в войну, связанная с СССР договором 1939 г., но уже после её окончания, начались шаги навстречу друг другу. В Финляндии на Германию смотрели как на силу, с помощью которой можно будет взять реванш над СССР. На финнов благоприятное впечатление произвели победы Германии в Европе в апреле – мае 1940 г.

В. Н. Барышников подробно показал процесс сближения с Германией после окончания «зимней войны», который был нацелен на создание военного союза. При этом планировалось ведение наступательных военных действий совместно с вермахтом против СССР.

Переходя к организации войск СС на территории Финляндии, автор справедливо подчеркнул антикоммунистический аспект этого шага. Далее Барышников рассказывает, как происходил процесс привлечения финских добровольцев в германскую дивизию СС «Викинг». При этом финское руководство одобрило формирование подразделения СС на своей территории, хотя сама вербовка проходила конспиративно. Формально руководство страны дистанцировалось от эсесовского движения. Однако финансовая роль государства в формировании финских эсэсовцев несомненна. Формирование частей СС в Финляндии поддержали и социал-демократы, и это автор считает удивительным, поскольку в Германии социал-демократы подвергались гонениям. На мой взгляд, руководитель финских социал-демократов В. Таннер являлся националистом и антикоммунистом, приверженцем идеи Великой Финляндии за счёт российских территорий, что ещё проявилось на мирных переговорах в 1920 г. в Тарту.

Запись добровольцев шла достаточно успешно, но отправиться в Германию удалось не всем из-за тщательного отбора. Из 1566 кандидатов только 1226 получили право отправиться в Германию (с.111–112). Правда, работа

вербовочных бюро в начале лета 1941 г. была признана нецелесообразной, так как Финляндии самой не хватало мобилизационных ресурсов.

В. Н. Барышников подробно описал отправку добровольцев и их пребывание в Германии и подготовку к будущей службе. Он обратил внимание на то, что финские эсэсовцы не играли самостоятельной роли в дивизии СС «Викинг», а были распределены по разным частям. Несколько позднее был создан отдельный финский батальон в этой же дивизии. При этом командный состав был немецким. Автор подробно рассказал, как обучали добровольцев. Хотелось бы знать, как их обучали жестокости, поскольку зачастую их использовали для карательных акций, а говоря проще для убийства мирных жителей, военнопленных и раненных. Если добровольцы до этого не участвовали в таких акциях, то сразу перейти к такого рода деятельности без предварительной подготовки довольно сложно. Правда, автор обращает внимание на злоупотребление спиртными напитками среди командного состава дивизии, но о рядовом составе ничего не говорится.

С началом войны против СССР дивизия «Викинг» приняла участие в боях с частями Красной Армии. При этом автор указывает на плохую тактическую подготовку немецких офицеров СС «Викинг» В начале боевых действий части «Викинг» не столько воевали, сколько усмиряли местное население и казнили пленных. Барышников справедливо указывает, что финны воевали не только за победу в войне, но и за «великую Финляндию».

Говоря о наступлении группы армий «Юг», автор пишет, что немецкие войска на юге приблизились к территории России» (с. 173). На мой взгляд это не совсем корректно, так как РСФСР и УССР входили в состав одного государства СССР. Поэтому современные названия вряд ли стоит распространять на прошлое, хотя на с. 211 Барышников пишет о территории Советской Украины.

На мой взгляд, В. Н. Барышников сделал важный вывод о военной кампании 1941 г., сказав, что СССР выиграл её, выдержав удар в июне – сентябре 1941 г. и сорвав блицкриг. А Тихвинская операция, Московская битва и сражения за Ростов-на-Дону показали, что немецкие войска могут терпеть поражения.

В начале января немецкое командование перебросило финский батальон СС на фронт, включив его в дивизию «Викинг», где он принял участие в боях. В боях за Ростов-на-Дону дивизия понесла большие потери, но разгромлена не была и её отвели в тыл для пополнения и отдыха,

В июле 1942 г. немецкое командование возобновило наступление на Ростов-на-Дону, после чего город был взят. В этих боях принимала участие и дивизия «Викинг» и входившие в её состав финны. Однако прорваться к Чёрному морю не удалось. Дивизия была переброшена на грозненское направление, где начались упорные бои за город нефтяников Малгабек. Несмотря на взятие города и господствующую высоту, финскому батальону не удалось прорваться к Грозному, и он перешли к обороне. После Маглабека германское командование изменило свое отношение к финскому батальону и вывело его на более спокойный участок фронта, сделав его резервной частью. После отступления с Кавказа финский батальон с дивизией «Викинг» оказался в Ростовской области, где занял оборону, но и здесь им пришлось вести кровопролитные бои. Не менее ожесточённые бои происходили на Донбассе, в районе Красноармейска. Дивизия «Викинг» приостановила советское наступление. И германские войска совместно с финнами взяли Красноармейск. После этого финский батальон стали привлекать для прикрытия тыла. Там финны занимались привычным делом по усмирению населения и расстрелом пленных. Подразделения СС справились со своими задачами, но с большими потерями, и 16 марта 1943 г. дивизию СС «Викинг» отвели с фронта.

В рейхе хотели возобновить вербовку добровольцев, но в Хельсинки отнеслись к этому отрицательно, сославшись на нехватку рабочей силы. К тому же в 1943 г. руководство Финляндии стало задумываться над выходом из Второй мировой войны.

В это время финский батальон насчитывал 350 человек и его вывели в Баварию. В руководстве Финляндии решили, что финны не могут служить в иностранной армии. Батальон прибыл в Финляндию (Ханко). К удивлению финских солдат им был оказан холодный приём, а 10 июля батальон прекратил существование как единая воинская часть, а его солдаты были распределены по другим частям. Как видим, ситуация в стране изменилась и это отразилось на финских эсэсовцах. Однако Г. Гимлер не оставил своё детище и помогал бойцам и их семьям материально. Была также попытка использовать бывших эсэсовцев для государственного переворота, но она закончилась ничем, благодаря мерам, предпринятым Г. Маннергеймом. После заключения перемирия с СССР 1100 правых организаций в Финляндии были распущены, но это не означало, что финский национализм как идеология прекратил своё существование. Идеологию распустить нельзя, и она уснула до лучших времён. Надо также помнить, что поражение во Второй мировой войне и отказ, на время, от идеи «великой

Финляндии», это незаживающая рана в националистическом теле Финляндии, которую нынешнее руководство страны хочет лечить с помощью НАТО.

Заканчивает своё исследование В. Н. Барышников совершенно правильным выводом о том, что эсэсовские формирования имели прежде всего идеологическое, а не военно-стратегическое значение. Несмотря на стойкость, которую финские эсэсовцы проявили в боях на Восточном фронте, советским людям они запомнились как каратели, казнившие мирное население, пленных и раненных, красноармейцев, а эти преступления не имеют срока давности.

Заканчивая краткий обзор монографии В. Н. Барышникова, хочется сказать, что отечественная историография Второй мировой войны пополнилась качественным исследованием, имеющим под собой твёрдую источниковую основу. Особо хочется похвалить иллюстративный материал, который удачно дополняет и раскрывает текст.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Baryshnikov V. N. *Finny na sluzhbe v voyskah SS v gody Vtoroy mirovoy voyny [Finns serving in the SS during World War II]*. St-Petersburg: Istoricheskiy f-t SPbGU; Izd-vo RHGA, 2012. 194 p. (In Russian)

Барышников В. Н. Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны. Санкт-Петербург: Исторический ф-т СПбГУ; Изд-во РХГА, 2012. 194 с.

Baryshnikov V. N. *Finny na sluzhbe v voyskah SS v gody Vtoroy mirovoy voyny [Finns serving in the SS during World War II]*. St-Petersburg: Istoricheskiy f-t SPbGU; Izd-vo RHGA, 2014. 207 p. Second edition (In Russian)

Барышников В. Н. Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны. Санкт-Петербург: Исторический ф-т СПбГУ; Изд-во РХГА, 2014. Второе издание 207 с.

Baryshnikov V. N. Finny na sluzhbe v voyskah SS v gody Vtoroy mirovoy voyny [Finns serving in the SS during World War II (Part I) in *Trudy kafedry istorii novogo i noveyshego vremeni*. 2009. № 3. P. 111–133. (In Russian)

Барышников В. Н. Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны /часть I/ // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. 2009. № 3. С. 111–133.

Baryshnikov V. N. Finny na sluzhbe v voyskah SS v gody Vtoroy mirovoy voyny [Finns serving in the SS during World War II (Part II) in *Trudy kafedry istorii novogo i noveyshego vremeni*. 2010. № 4. P. 160–193. (In Russian)

Барышников В. Н. Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны /часть II/ // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. 2010. № 4. С. 160–193.

Baryshnikov V. N. Finny na sluzhbe v voyskah SS v gody Vtoroy mirovoy voyny [Finns serving in the SS during World War II (Part III) in *Trudy kafedry istorii novogo i noveyshego vremeni*. 2010. № 5. P. 44–73. (In Russian)

Барышников В. Н. Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны /часть III/ // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. 2010. № 5. С. 44–73.

Baryshnikov V. N. Finskiye SS na Ukraine letom 1941 g. [Finnish SS in Ukraine in the Summer of 1941] in *Sankt-Peterburg i strany Severnoy Yevropy*. 2024. № 25 (1–2). P. 86-97. (In Russian)

Барышников В. Н. Финские СС на Украине летом 1941 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2024. № 25 (1–2). С. 86-97.

Baryshnikov V. N. *Finskiye SS na Ukraine i Yuge Rossii. Ot vozniknoveniya do likvidatsii* [*Finnish SS Units in Ukraine and Southern Russia: From its inception to its liquidation.*]. Moscow: Izd-vo Kuchkovo pole, 2025. 336 p. (In Russian)

Барышников В. Н. Финские СС на Украине и Юге России. От возникновения до ликвидации. Москва: Изд-во Кучково поле, 2025. 336 с.

Baryshnikov V. N. K probleme istoriograficheskogo osveshcheniya uchastiya finskikh esesovtsev v Velikoy Otechestvennoy voyne [On the Historiography of the Participation of Finnish SS in the Great Patriotic War] in *Trudy kafedry istorii Novogo i noveyshego vremeni*. 2025. № 24 (2). P. 72–86. (In Russian)

Барышников В. Н. К проблеме историографического освещения участия финских эсэсовцев в Великой Отечественной войне // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2025. № 24 (2). С. 72–86.

Baryshnikov V. N. K probleme lichnoy motivatsii uchastiya finnov v voyskakh SS Germanii [On the Issue of Personal Motivation for Finnish Participation in German SS] in *Sankt-Peterburg i strany Severnoy Yevropy*. 2026. № 27 (1–2). P. 44-60. (In Russian).

Барышников В. Н. К проблеме личной мотивации участия финнов в войсках СС Германии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2026. № 27 (1–2). С. 44–60.

Baryshnikov V. N. O politicheskom znachenii sozdaniya finskikh podrazdeleniy SS dlya germano-finlyandskogo sotrudnichestva [On the Political Significance of the Creation of Finnish SS Units for German-Finnish Cooperation] in *Sankt-Peterburg i strany Severnoy Yevropy*. 2014. P. 91–100. (In Russian)

Барышников В. Н. О политическом значении создания финских подразделений СС для германо-финляндского сотрудничества // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2014. С. 91–100.

Baryshnikov V. N. Otnosheniye finskikh esesovtsev k grazhdanskomu naseleniyu na yuge Rossii i vostoke Ukrainy: k postanovke problemy [The Attitude of Finnish SS toward the Civilian Population in Southern Russia and Eastern Ukraine: Framing the Issue] in *V poiskakh istoricheskoy istiny. Sbornik nauchnykh statey, posvyashchennyy 70-letiyu professora V. G. Burkova*. Moscow: Staraya Basmannaya, 2017. P. 342–350 (In Russian)

Барышников В. Н. Отношение финских эсэсовцев к гражданскому населению на юге России и востоке Украины: к постановке проблемы // В поисках исторической истины. Сб. науч. статей,

посвященный 70-летию профессора В. Г. Буркова. Москва: Старая Басманная, 2017. С. 342–350.

Baryshnikov V. N. Porazheniye Finlyandii vo Vtoroy mirovoy voyne i sovremennoye otnosheniye k byvshim finskim esesovtsam [Finland's Defeat in World War II and Contemporary Attitudes Toward Former Finnish SS] in *1945 — god Velikoy Pobedy. Sbornik nauchnykh trudov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*. St-Petersburg: Prezidentskaya biblioteka, 2026. P. 14-25. (In Russian)

Барышников В. Н. Поражение Финляндии во Второй мировой войне и современное отношение к бывшим финским эсэсовцам // 1945 — год Великой Победы. Сборник научных трудов Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург: Президентская библиотека, 2026. С. 14-25.

Smolin A. V. *Beloe dvizhenie na Severo–Zapade Rossii (1918–1920 gg.) [The White Movement in Northwestern Russia (1918–1920)]*. St-Petersburg: «Dmitriy Bulanin», 1999. 439 p. (In Russian)

Смолин А. В. Белое движение на Северо–Западе России (1918–1920 гг.). Санкт-Петербург: «Дмитрий Буланин», 1999. 439 с.

Демичева Таисия Максимовна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Нового и новейшего времени, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: t.demicheva@spbu.ru

АНГЛИЙСКИЕ НАСТОЛЬНЫЕ ИГРЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ: МЕЖДУ НАУКОЙ, ИДЕОЛОГИЕЙ И ДОСУГОМ

Шпак Г.В. Наука в настольных играх. Учеба и развлечение в Англии Нового времени. Москва: Новое литературное обозрение, 2025. 362 с., ил.

ISBN 978-5-4448-2905-9

Представлена рецензия на монографию Г. В. Шпака «Наука в настольных играх. Учеба и развлечение в Англии Нового времени» (М.: Новое литературное обозрение, 2025). Рассматривается одна из первых в русскоязычной историографии попыток вписать историю настольных игр в контекст генезиса европейской научной мысли, идеологических дискурсов и педагогических стратегий Англии Нового времени. В работе разбираются девять глав монографии, сгруппированных по проблемно-тематическому принципу; особое внимание уделяется анализу мнемонических колод У. Боуза, географических карточных колод как инструментов колониального дискурса, а также эволюции от азартной «игры в гуся» к морально-нравственным и географическим играм конца XVIII – начала XIX века. В качестве достоинств монографии отмечаются введение в оборот уникального пласта источников, междисциплинарный подход (история науки, интеллектуальная история, историческая антропология) и убедительная демонстрация того, как игровые механики служили языком политической аллегории и инструментом познания действительности. Наряду с этим отмечены отдельные недостатки: размытость определения «настольная игра», смысловые разрывы между главами, недостаточная реконструкция реальной практики игры и недоказанность тезиса о спаде образовательных игр к середине XIX века. Делается вывод, что работа Г. Шпака является новаторским шагом для российской историографии и будет полезна историкам, культурологам, а также специалистам по истории науки и повседневности.

Ключевые слова: настольные игры, Англия Нового времени, история науки, педагогика, интеллектуальная история, людология, историческая антропология.

Demicheva Taisiia Maximovna, PhD in History, Senior Lecturer of Department of Modern and Contemporary history, Institute of History, Saint-Petersburg State University.

E-mail: t.demicheva@spbu.ru

EARLY MODERN ENGLISH BOARD GAMES: BETWEEN SCIENCE, IDEOLOGY, AND LEISURE

Shpak G. V. Nauka v nastol'nyh igrah. Ucheba i razvlechenie v Anglii Novogo vremeni [Science in Board Games. Learning and Entertainment in Modern England]. Moscow: New Literary Review, 2025. 362 pp., il.

ISBN 978-5-4448-2905-9

The article analyzes a review of the monograph by Georgy Shpak “Science in Board Games: Learning and Entertainment in Early Modern England” (Moscow: New Literary Review, 2025). The reviewer examines one of the first attempts in Russian-language historiography to situate the history of board games within the context of the genesis of European scientific thought, ideological discourses, and pedagogical strategies in Early Modern England. The paper provides a detailed analysis of all nine chapters of the monograph, organized according to a problem-thematic principle; particular attention is paid to the analysis of William Bower’s mnemonic decks, geographical card decks as instruments of colonial discourse, as well as the evolution from the gambling “Game of the Goose” to moral, geographical, and educational games of the late 18th – early 19th centuries. Among the strengths of the monograph, the review highlights the introduction of a unique body of sources into scholarly circulation, an interdisciplinary approach (history of science, intellectual history, historical anthropology, ludology), and a convincing demonstration of how game mechanics served as a language of political allegory and a tool for understanding reality. At the same time, the reviewer points out certain shortcomings: a vague definition of “board game,” semantic gaps between chapters, insufficient reconstruction of actual gaming practices, and an unsubstantiated thesis about the decline of educational games by the mid-19th century. The review concludes that despite these criticisms, Shpak’s work represents an innovative step for Russian historiography and will be of interest to historians, cultural theorists, and specialists in the history of science and everyday life.

Keywords: board games, Early Modern England, history of science, pedagogy, intellectual history, ludology, historical anthropology.

****

Монография Георгия Шпака[1] представляет собой одну из первых в русскоязычной историографии попыток не просто описать коллекцию старинных развлечений, а вписать историю настольных игр в контекст генезиса европейской научной мысли и интеллектуальных традиций Англии Нового времени. Автор справедливо отмечает актуальность изучения игр как исторического источника, уходя от сугубо материального описания артефактов (каталогов и правил) к реконструкции культурного фона, социальных практик и идеологических дискурсов. Г. Шпак демонстрирует, как за карточными колодами, шахматными фигурами и игровыми полями скрываются механизмы власти, педагогические стратегии и даже онтологические представления о времени.

Книга состоит из девяти глав, которые выстроены не строго хронологически (хотя движение от XVI века к середине XIX века прослеживается), а скорее проблемно-тематически. Автор последовательно разворачивает перед читателем пять исследовательских «измерений» (вербально-текстовое, визуальное, людологическое, контекстуальное и метаконтекстуальное), позволяя увидеть в игре не просто забаву, но перформанс, идеологическую конструкцию и мнемонический инструмент. Г. Шпак не сводит игру ни к иллюстрации «духа эпохи», ни к простому орудию пропаганды, а пытается раскрыть сложность объекта.

Как видно из заглавия монографии, автор сосредоточен исключительно на Англии, иногда привлекая французский материал (Жан Демарест, Пьер Дюваль и т.д.), как правило, в роли «образца», который англичане затем копируют или перерабатывают. Однако требуются пояснения, почему именно Англия служит фокусной точкой для рассмотрения европейской науки. Введение не содержит обоснования этого выбора. В ряде случаев требуется сравнение британского и французского опытов. В частности, автор пишет, что в 1676 году Чарльзом Коттоном был издан первый справочник игр на английском языке «Заядлый игрок или инструкции касательно правил игры в бильярд, тракс, боулинг и шахматы…»[2]. Почти за двадцать лет до появления труда Коттона, в 1654 году

[1] *Шпак Г. В.* Наука в настольных играх. Учёба и развлечение в Англии Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2025.
[2] Там же. С 13.

Франция уже обзавелась собственным печатным сборником игровых правил[3]. И если согласиться с автором, что Англия во многом заимствовала игры у соседей, то хронологическое первенство французского издания ставит перед нами важный вопрос: был ли труд самого Коттона самостоятельным творением или же переосмыслением уже готовой французской традиции?

Особого внимания заслуживает анализ мнемонических колод Уильяма Боуза (1605), где сошлись ренессансная традиция искусства памяти, протестантская этика образовательного досуга и политическая пропаганда елизаветинской Англии. Автор убедительно связывает их появление с ренессансной традицией «искусства памяти» (от Стивена Хоуза до Петра Равенского) и одновременно с протестантским запросом на богоугодный, неазартный досуг. Карты Боуза оказываются не просто обучающими, но и идеологическими: они создают «идиллический образ елизаветинской Англии» с её ресурсами, торговлей и победами над врагами. В монографии убедительно показано, как в XVI–XVII веках грань между «богоугодным» развитием ума и способом разнообразить свой досуг и «дьявольским» азартом была едва различима, порождая острую полемику — от произведений Джеймса Балмфорда до Томаса Гатейкера. Таким образом, Г. Шпак не только анализирует дискуссии о богоугодности игр в Новое время, но и рассматривает их в историческом контексте.

Одно из центральных достоинств монографии — демонстрация того, как игры помимо тренировки памяти выполняли еще одну важную функцию. Они становились языком политической аллегории и интеллектуальной рефлексии. Разбор пьесы Томаса Мидлтона «Игра в шахматы» (1624) наглядно иллюстрирует, как шахматная партия напрямую прочитывалась современниками как аллегория придворных интриг и противостояния с Испанией. На примере памфлетов времен гражданской войны, протектората Кромвеля Г. Шпак показывает, что в эти сложные для Англии годы метафора «карточной партии» (памфлеты «Кровавая игра в карты, сыгранная королем червей и остатками его свиты против остальной колоды», 1643; «Перетасовка, разделение и раздача в игре в пикет» Генри Невилла, 1659) позволяла осмыслить политическую нестабильность, противостояния короны и парламента и смену режимов через

[3] *La Marinière de.* La maison académique: contenant un recueil général de tous les jeux divertissans pour se rejouyr agréablement dans les bonnes compagnies, par le sieur D.L.M. [de La Marinière]. Paris: chez Robert de Nain et Marin Leché, 1654.

знакомую каждому игроку структуру колоды с её иерархией мастей. Это удачный пример анализа того, как в Новое время формировались дискурсивные практики вокруг карточных игр и шахмат.

Таким образом, на протяжении исследования ярко прослеживается тезис автора, что идеологическая функция игр не просто была известна создателям игр, но и активно эксплуатировалась ими[4]. В монографии игры проанализированы в духе парадигмы Фуко — как практики проявления властных инструментов и имперского доминирования. Следует отметить, что подобная логика воплощалась не только в настольных, но и в спортивных играх. Показательный пример — практика игры в поло в Британской Индии, когда британцы рассматривали этот вид спорта как средство воспитания индийской элиты в духе английской дисциплины и соревновательности — словом, как способ приобщить индийских принцев к английским ценностям[5].

Не менее убедителен анализ географических карточных колод как инструментов колониального и имперского дискурсов. В игре Генри Уинстенли (ок. 1676) статус карты (от короля до двойки) напрямую отражал представление автора о значимости региона: Англия, Иерусалим и Танжер — на вершине, а Московия с Турцией оказываются на низших ступенях европейского мира, пусть и формально отнесёнными к «христианской» масти червей. Г. Шпак четко фиксирует, как игровая механика (цена карты, очерёдность хода) несла в себе геополитическое сообщение. Отметим, игры точно передавали стереотипы о Других. Они воплощали привычные европейские представления, где Россия в Новое время всегда виделась через призму деспотизма и ориентализма[6]. На примере «Математической колоды» Томаса Таттела (ок. 1701) удачно показано, что игры могли также выполнять роль ненавязчивой рекламы, предлагая игрокам разнообразные вещи: глобусы, карты, планы и пр.

В монографии детально проанализирована одна из самых популярных европейских игр Нового времени, часто содержащая мощные нарративы — «игра в гуся». Автор указывает на линейность игрового процесса, возможность разделения его на определённые этапы, связь игрового пространства с

---

[4] *Шпак Г. В.* Наука в настольных играх… С. 9.

[5] *McDevitt P. F.* May the Best Man Win: Sport, Masculinity, and Nationalism in Great Britain and the Empire, 1880–1935. P. 37.

[6] *Демичева Т. М.* Деспотизм или просвещенный абсолютизм? К образу России в труде аббата Рейналя "История обеих Индий" // Электронный научно-образовательный журнал "История". 2022. Т. 13. № 2 (112).

направлением и очередностью хода, а также представление о начале и конце[7] — всё это действительно подразумевало тесную связь игры с восприятием времени, поскольку «игры в гуся» являлись прямым воплощением представлений эпохи Просвещения, а именно идеи о прогрессе[8]. Г. Шпак отмечает эволюцию этих игр от азартных к морально-нравственным и географическим конца XVIII — начала XIX века. Разбор «Новой игры в человеческую жизнь» Элизабет Ньюбери и Джона Уоллиса (1790) показывает, как ребёнок обучался выстраивать личный путь к добродетели, где каждый «проигрыш» или «выигрыш» был нагружен этическим смыслом. Также интересен фрагмент о разборных картах-пазлах Джона Спилсбери — прямых предшественниках современных головоломок, которые превращали географию в тактильный опыт и, по замыслу педагогов (Элизабет Робертс, 1790-е), приучали детей терпению и способствовали воображаемым путешествиям. Автор убедительно показывает, как игры на рубеже XVIII–XIX веков начинают использоваться в качестве педагогического инструмента. Они превратились не просто в досуг, а в эффективный инструмент конструирования поведенческих моделей, что открывает интересный ракурс для изучения истории детства и воспитания.

Исследователь не замыкается на самих играх, но постоянно помещает их в интеллектуальный и социальный контекст: пуританские запреты на карты при Кромвеле, полемика о богоугодности жребия (Томас Гатейкер против Джеймса Балмфорда), изменение восприятия времени от фаталистического к линейно-прогрессистскому (Маргарет Кавендиш о числах как «знаках для памяти»), влияние гранд-тура и изменение путей сообщения на игры. Особенно удачно вписаны наблюдения Эстер Моир о том, как в конце XVIII века промышленные объекты (соляные копи Чешира, фабрики Ланкашира) становятся не менее привлекательными для «туриста», чем загородные дома, — это впоследствии отражается в играх Уоллиса и Дартона, где шахты и производства занимают место наравне с архитектурными памятниками. Появление географических настольных игр (Роберт Сайер «Новое королевское географическое развлечение для Англии и Уэльса», 1787), Уильям Дартон «Путешествие Уолкера по Англии и Уэльсу», 1809 и т.п.) вписано в широкий историко-культурный контекст эпохи. Г. Шпак показывает, что их возникновение не было случайным, а стало прямым следствием масштабных инфраструктурных и социальных изменений:

[7] *Шпак Г.В.* Наука в настольных играх… С. 113.

[8] *Демичева Т. М.* Власть, общество и государство в настольных играх Французской революции // Былые годы. 2023. № 18 (2). С. 557, 560.

улучшение дорог делало поездки менее опасными и долгими, путешествия входили в моду и становились доступнее, а зарождающаяся туристическая индустрия формировала новый спрос на знание географии. В этом смысле настольные игры оказывались не просто развлечением, а компактной и наглядной картой меняющегося мира, позволяющей в домашних условиях освоить новое пространство.

В XIX веке контекст, в который помещены игры, становится намного шире: здесь автор приводит не только трактаты. Он обращается к художественной литературе (эпизод с разглядыванием географических картинок в романе Шарлотты Бронте «Виллет») или учебной литературе (учебник Джозефа Гая «Карманная циклопедия»). Тем самым, он фиксирует растущий запрос на энциклопедичность и иллюстрирует его конкретными примерами, доказывая, что игра в ту эпоху служила не только развлечением, но и инструментом систематизации знания.

Г. Шпак смело оперирует в духе М. Фуко «властью-дискурсом», историей идей, социологией чтения и даже людологией, но порой утрачивает предмет. Автору не хватает строгости в определении ключевых понятий: «настольная игра» превращается у него то в карточную колоду, то в «игру в гуся», то в пазл, где никакой случайности (вращения волчка или броска костей) уже нет. Многие перспективные линии — например, Таро или шахматы, — намечены, но в дальнейшем не получили такого углубленного развития в монографии, как «игра в гуся».

В выводе к третьей главе («Карты, деньги, научная революция») автор пишет, что расцвет производства образовательных карточных колод к второй трети XVIII века сходит на нет — отчасти из-за изменения восприятия научного знания как привилегии джентльмена, отчасти из-за пошлин на карты и кости. Чуть ниже он отмечает не менее значимый сдвиг в восприятии игр: от инструмента просвещения людей «самых средних способностей» к учебному пособию для юношества[9]. Если такой сдвиг произошёл, логично было бы ожидать если не нового расцвета, то хотя бы сохранения некоторого количества образовательных карточных колод. Г. Шпак констатирует обратное: в XVIII веке разработано много новых средств, но карточные колоды, за редким исключением, остаются инструментом азартной игры и досуга.

[9] *Шпак Г. В.* Наука в настольных играх… С. 112.

Отметим разрыв между четвёртой («Всему своё время!») и пятой («Юным джентльменам и леди») главами. В четвёртой главе автор подробно разбирает «Игру в гуся» как воплощение линейного времени, фатализма и числовой символики, а в пятой — внезапно объявляет эту же игру «кабацкой» и «азартной», чтобы затем противопоставить ей «благородную» версию 1763 года с изображением Георга III. Тезис об отходе «игры в гуся» от кабацкой культуры выглядит не вполне доказанным. Если перенестись через Ла-Манш, то во Франции во второй половине XVIII века все еще сохранялась кабацкая культура «игры в гуся». В словаре игр 1792 года, систематизировавшем известные во Франции развлечения, в правилах «игры в гуся» прямо оговаривалось: игроки заранее договариваются о цене жетонов[10]. Мы приводим это суждение, поскольку английская практика нередко ориентировалась на французскую. Таким образом, генезис этого перехода (от азарта к педагогике) в английском случае не прописан.

В пятой главе спорным выглядит утверждение о том, что фатализм в азартных играх уходил в прошлое, уступая место зависимости успеха от знаний и мастерства[11]. Основной анализ автора строится на «игре в гуся», где мастерство как раз не требуется — результат целиком зависит от броска костей или вращения волчка, то есть от случая. При этом в выводах к пятой главе Г. Шпак противоречит сам себе, говоря, что победа в большинстве игр «продолжала зависеть от фортуны»[12], — но это едва ли применимо к пазлам и географическим картам, которые автор также использовал в качестве источников для пятой главы: в них успех определялся исключительно знанием и внимательностью.

Автор декларирует важность людологического измерения (игра как перформанс), но на практике мы почти не узнаём, как в игры *реально играли*. Были ли они семейным досугом, школьным наказанием или наградой? Мужским клубным развлечением или женским салонным? Упоминание заметки Сары Триммер в детском журнале «Защитник образования» (1804), где игры всё ещё ассоциируются с «проводниками разврата»[13], говорит о сохранении пуританской подозрительности, но это не разворачивается в полноценную реконструкцию.

---

[10] *Lacombe J.* Encyclopédie méthodique. Dictionnaire des jeux, faisant suite au tome III des mathématiques. A Paris : chez Panckoucke, 1792. P. 186.

[11] *Шпак Г. В.* Наука в настольных играх… С. 155.

[12] Там же. С. 173.

[13] Там же. С. 196.

При обилии материала о колониальных иерархиях, имперских нарративах и «превосходстве Европы» Г. Шпак ни разу не выносит в заголовок тезис о пропаганде. Он то признаёт, что карты Боуза и Уинстенли создавали «идеализированный образ» Англии, то вдруг в седьмой главе иронизирует, что «прочтение игрового процесса как акта сопротивления капиталистическим установкам кажется чересчур смелым»[14]. Было бы логичнее сделать шаг в обратную сторону и назвать игры инструментом мягкой силы, социализации в имперские ценности. Исследователь использует фукодианскую оптику, но не доводит её до вывода о пропаганде.

Кроме того, стоило бы признать, что данная монография — это не только история науки в играх, сколько история образования, политического воображения и колониальных репрезентаций через игровые механики. В полной мере наука (астрономия, арифметика, геометрия) появляется в девятой главе, хотя в предыдущих главах этот предмет периодически тоже затрагивается.

В заключении автор заявляет, что к середине XIX века образовательные игры идут на спад, превращаясь в сувенирную продукцию, связывая это с кризисом идеалов Просвещения, утратой религиозной санкции на знание (после Дарвина), коммерциализацией и превращением джентльмена из носителя знаний в просто состоятельного человека. Однако это утверждение не очень согласуется с собственным материалом автора (главы 8–9 изобилуют примерами игр 1820–1850-х годов) и вызывает сомнение. В монографии не приведены сравнительные данные — статистика выпуска игр или динамика тиражей. Ссылка на М. Норсия (только 20% англичан могли позволить себе игры в середине XIX века) ничего не говорит о спаде, а лишь о социальной базе потребителей. Французский материал, напротив, показывает расцвет настольных игр в кризисные эпохи (известны «игры в гуся», посвященные делу Дрейфуса[15], Первой мировой[16] или Второй мировой войнам[17]), но Г. Шпак не объясняет, почему в Англии происходило иначе.

---

[14] *Шпак Г.В.* Наука в настольных играх… С. 222.

[15] L’affaire Dreyfus et de la vérité. Paris: Charaire E., Sceaux, 1898. https://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=558

[16] *Bouquet H.* Jusqu'au bout. Nouveau Jeu de la Guerre de 1914. Paris: Henri Bouquet, 1916. https://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=443; *Arnoux G.* Jeu du Pas de l'Oie. Renouvelé des Boches. Paris, 1916/17. https://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=39

[17] Les Alliés. Bordeaux: Boéchat, 1945. https://www.chrd.lyon.fr/chrd/objet-phare-musee/plateau-du-jeu-de-loie-les-allies

Тем не менее, рассмотренная монография — безусловно новаторский шаг для русскоязычной историографии. Она вводит в оборот уникальный пласт источников (от «Пятидесяти двух графств Англии и Уэльса» Роберта Мордена до «Железнодорожных приключений» Э. Уоллиса), конструирует связь между научным знанием и играми, а главное — убедительно доказывает, что играть можно не только в кости, но и в идеи. Г. Шпаку удалось показать, что английские игры Нового времени служили ареной для воплощения идей и выступали инструментом познания действительности. Автор тщательно раскрывает контекст эпохи: пуританские запреты, развитие гранд-тура, изменение восприятия времени, педагогические инновации. Книга будет полезна историкам, культурологам и всем, кто интересуется исторической антропологией, историей науки и историей повседневности.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

Arnoux G. Jeu du Pas de l'Oie. Renouvelé des Boches. Paris, 1916/1917. Режим доступа: URL: https://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=39 (дата обращения: 14.06.2026).

Bouquet H. Jusqu'au bout. Nouveau Jeu de la Guerre de 1914. Paris: Henri Bouquet, 1916. Режим доступа: URL: https://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=443 (дата обращения: 14.06.2026).

Demicheva T. M. Vlast', obshchestvo i gosudarstvo v nastol'nyh igrah Francuzskoj revolyucii [Power, Society, and the State in Board Games of the French Revolution] in *Bylye gody*. 2023. № 18 (2). S. 553–564. (In Russian)

Демичева Т. М. Власть, общество и государство в настольных играх Французской революции // Былые годы. 2023. № 18 (2). С. 553–564.

Demicheva T. M. Despotizm ili prosveshchennyj absolyutizm? K obrazu Rossii v trude abbata Rejnalya "Istoriya obeih Indij" [Despotism or Enlightened Absolutism? On the Image of Russia in Abbé Raynal's "History of the Two Indies"], in *The Journal of Education and Science "Istoriya".* 2022. T. 13. № 2 (112). (In Russian)

Демичева Т. М. Деспотизм или просвещенный абсолютизм? К образу России в труде аббата Рейналя "История обеих Индий" // Электронный научно-образовательный журнал "История". 2022. Т. 13. № 2 (112). Режим доступа: https://history.jes.su/s207987840019886-3-1/ (дата обращения: 14.06.2026).

L'affaire Dreyfus et de la vérité. Paris: Charaire E., Sceaux, 1898. Режим доступа: URL: https://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=558 (дата обращения: 14.06.2026).

La Marinière de. *La maison académique: contenant un recueil général de tous les jeux divertissans pour se rejouyr agréablement dans les bonnes compagnies, par le sieur D.L.M.* Paris: chez Robert de Nain et Marin Leché, 1654. 260 p.

Lacombe J. *Encyclopédie méthodique. Dictionnaire des jeux, faisant suite au tome III des mathématiques*. A Paris: chez Panckoucke, 1792. 362 p.

Les Alliés. Bordeaux: Boéchat, 1945. Режим доступа: URL: https://www.chrd.lyon.fr/chrd/objet-phare-musee/plateau-du-jeu-de-loie-les-allies (дата обращения: 14.06.2026).

McDevitt P. F. *May the Best Man Win: Sport, Masculinity, and Nationalism in Great Britain and the Empire, 1880–1935*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. 188 p.

Shpak G. V. *Nauka v nastol'nyh igrah. Ucheba i razvlechenie v Anglii Novogo vremeni [Science in Board Games: Learning and Entertainment in Early Modern England]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2025. 362 s. (In Russian)

Шпак Г. В. Наука в настольных играх. Учёба и развлечение в Англии Нового времени. Москва: Новое литературное обозрение, 2025. 362 с.

ТРЕБОВАНИЯ К ПОДАЧЕ МАТЕРИАЛОВ В ЖУРНАЛ

Тексты научных статей, предлагаемые для публикации в журнале «Труды кафедры истории Нового и новейшего времени», должны быть оригинальными, ранее не опубликованными произведениями по исторической тематике или смежным дисциплинам.

Рекомендуемый объем статьи — до 40 000 знаков (включая пробелы и сноски), для аспирантов — до 20 000 знаков.

Текст статьи представляется в электронном виде: Документ Word, шрифты группы Times New Roman, основной текст – выравнивание по ширине, 14 кегль, интервал полуторный, абзацный отступ 1,27. Сноски постраничные (внизу страницы), нумерация сквозная по всему тексту, выравнивание по ширине, шрифты группы Times New Roman, 12 кегль, интервал полуторный, отступ/выступ отсутствует.

Оформление сносок:

● фамилия автора выделяется курсивом;

● для обозначения промежутка между страницами используется не дефис, а короткое тире: С. 33−58;

● в случае первой ссылки на работу приводятся ее полные данные, во второй и последующих – сокращенные. Использование обозначений Указ. соч., Op. cit. применительно к монографиям и статьям не допускается. При повторных ссылках употребляется сокращенное название, например:

[1]*Пленков О. Ю.* Третий Рейх. Арийская культура. СПб., 2005. С. 25.

[7]*Пленков О. Ю.* Третий Рейх… С. 40.

Там же, Ibid. используются при нескольких ссылках подряд на один и тот же источник или литературу.

Указание редактора или составителя сборника в сносках является желательным.

● образцы оформления ссылок:

На монографию: *Пленков О. Ю.* Истоки современности (динамика и логика развития Запада в новейшее время). СПб., 2014. С. 55.

На статью в журнале: *Барышников В. Н.* О попытке создания в начале 1940 г. тройственного оборонительного союза северных стран // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2000. Вып. 2 (№ 9). С. 18−29.

На статью в периодическом издании: *Ушаков В. А.* К вопросу о социальном составе лоялистов (Массачусетс) // Американский ежегодник 1986. М., 1986. С. 202−220.

На статью в сборнике: *Возгрин В. Е.* Настоящее и будущее гренландских эскимосов // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная этнографическая наука / Под ред. Ю. В. Маретина и Б. Н. Путилова. Л., 1979. С. 177−184.

Ссылка на источник, документ: *Бобринский А. Г.* Дневник. 1779−1786 // Козлов С. А. Русский путешественник эпохи Просвещения / Отв. ред. Н. В. Кирющенко. СПб., 2003. Т. 1. С. 356−447.

Ссылка на публикацию в Интернете: *Бовыкин Д. Ю.* Веронская декларация Людовика XVIII // Новая и новейшая история. 2013. № 3. С. 118−129. Режим доступа: https://annuaire-fr.narod.ru/Revolution.html (дата обращения 25.05.14).

Статья подается в сопровождении информации, которая будет обработана и размещена в наукометрических базах данных для индекса цитирования и т.д. Она включает в себя:

● ссылку на грант, если работа выполнена по гранту или программе;

● автор: фамилия, имя, отчество, ученая степень, место работы или учебы, должность, электронный адрес;

● заголовок статьи;

●резюме статьи на русском языке не менее 200 слов (200−250), рекомендуемый объем – от 0,3 до 0,5 стр.;

● ключевые слова (5−6 слов);

● литература, использованная в статье. Приводится перечень в алфавитном порядке всех статей, монографий и др. произведений научной литературы, на которые в статье были ссылки или которые использовались при подготовке публикации. Перечень не нумеруется.

Описание каждого издания делается следующим образом: Фамилия автора, инициалы (курсивом). Название. Выходные данные: Место издания (полностью, без сокращений): (двоеточие) издательство или типография, (запятая) год издания. Общее количество страниц или номера страниц, на которых напечатана статья:

Барышников В. Н. Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны. Санкт-Петербург: Издательство РХГА, 2012. 200 с.

Bouche D. Quatorze millions de Français dans la Fédération de l'Afrique occidentale française? // Revue française d'histoire d'outre-mer. 1982. № 255. P.97−113.

Статья подается в сопровождении той же самой информации, но в переводе на английский язык.

● ссылка на грант на английском языке;

● сведения об авторе, например, Author: Petrova Ariadna Alexandrovna, Ph.D. in History, Ass. Prof. of the Department of Modern and Contemporary History, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, a.petrova@spbu.ru;

● перевод заголовка статьи на английский (Title);

● резюме статьи на английском (Abstract). Это должен быть перевод русского резюме или его расширенный вариант;

● ключевые слова на английском (Key words);

● References – список использованной литературы, транслитерированный на латиницу и сопровождаемый переводом названия публикации на английский язык (в случае, если оригинал названия — на кириллице), приводится в квадратных скобках. Для транслитерации рекомендуем использовать сайт http://translit.ru.

Например:

Baryshnikov V. N. *Finny na sluzhbe v vojskah SS v gody Vtoroj mirovoj vojny* [*Finns in service in the Waffen SS during the Second World War*]. Saint-Petersburg: RHGA Publ., 2012. 200 p.

Evdokimova N. P. Prosvety I tupiki vo franko-germanskih otnoshenijah serediny 1920-h godov: Tuari. 17 sentjabrja 1926 goda [Clarifications and deadlocks in the French-German relations in the middle of 1920-s years], in *Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni*. 2013. № 11. P. 106−123.

Обращаем Ваше внимание на то, что в транслитерированной версии знак // заменяется на in, далее следует название журнала или сборника статей.

Все выпуски журнала находятся в свободном доступе на Интернет-сайте кафедры истории Нового и новейшего времени: http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html.

Авторы несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, имен собственных, географических названий и прочих сведений, гарантируют наличие разрешения на публикации архивных и прочих материалов.

Все статьи проходят двойное рецензирование, осуществляемое членами Редакционного совета и независимыми специалистами. Редколлегия оставляет за собой право отбора материалов. Статьи, не соответствующие тематике журнала и не удовлетворяющие требованиям редколлегии, на рассмотрение не принимаются.

Научное издание

ТРУДЫ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ НОВОГО

И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

26 (1)

Печатается без издательского редактирования

Оригинал-макет: Т. Н. Гончарова

Подписано в печать с готового оригинал-макета 01.10.2026.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Заказ 1001
Усл. печ. л. 9. Тираж 300 экз.

Издательство
Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15
Тел.: (812)310-79-29, +7(981)699-65-95;
e-mail: rhgapublisher@gmail.com
URL: https://irhga.ru

Отпечатано в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134